

Sh.Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences
Institute for Caucasia-, Tatarica- and Turkestan Studies
(Magdeburg, Germany)

Series «Yazma Miras.
Pis'mennoe Nasledie.
Textual Heritage»

Volume 3

TATAR MATERIALS IN GERMAN ARCHIVES

Issue 1

Kazan – 2016

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә
Ш.Мәржани ис. Тарих институты
Кавказ, Татарлар һәм Төркестанны өйрәнү институты
(Магдебург, Германия)

«Язма Мирас.
Письменное Наследие.
Textual Heritage» сериясе

3 нче чыгарылыш

ГЕРМАНИЯ АРХИВЛАРЫНДА ТАТАР ЧЫГАНАКЛАРЫ

1 нче китап

Казан – 2016

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований
(Магдебург, Германия)

Серия «Язма Мирас.
Письменное Наследие.
Textual Heritage»

Выпуск 3

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ТАТАР В АРХИВОХРАНИЛИЩАХ ГЕРМАНИИ

Книга 1

Казань – 2016

УДК 930.253
ББК 79.3
Д 63

Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage»
Выпуск 3

Серия «ICATAT publications/ Schriftenreihe des ICATAT»
Выпуск III

*Издание осуществлено в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2016 годы)»*

Научный редактор серии
д.и.н. Р.С. Хакимов

Координатор проекта
к.пед.н. М.М. Гибатдинов

Отв. редакторы выпуска
М.М. Гибатдинов, Штефан Тайлиг, Мисте Хотопп-Рике

Tatar Materials in German Archives. Issue 1 = Документы по истории татар в архивохранилищах Германии. Книга 1. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 3 / Отв. ред.: М.М. Гибатдинов, Штефан Тайлиг, Мисте Хотопп-Рике. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 232 с.

Cover-Collage sampled under usage of (from above to down left and right): Document Nr. A 34005 18 from Crimean Parliament 1918, taken from the Archive of the Ministry for Foreign Affairs of Federal Republic of Germany, Signature “Russland 107: Die Krim”, April 1918 – December 1919 (Sig. R 11132-11135); “Tartarian Alphabet”, taken from: Megiser, Hieronymus: Chorographia Tartariae: Oder Warhafftige Beschreibung der Reise und Leben des Autoris Polo, Marco. – Leipzig: Gross, 1611; Letter in Latin language send by Frederick William (“the Great Elector”) Elector of Brandenburg and Duke of Prussia (GStA PK Rep. XI. Nr. 10517/6); Letter written by Tahti Giray Sultan in Italian language to Frederick William, presented in Cologne at Spree (today Berlin), 1671, march 30, taken from record at the Prussian Secret State Archive (GStA PK Rep. XI. Nr. 10517, 271a Tartarei fasc. 4, Nr. 1).

ISBN 978-5-94981-253-2

ISBN 978-3-9819118-1-7

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016

Discovering Tatar-German written heritage

To our readers

Like in the darkness of history there is laying a shadow of already well-known artefacts of Tatar-German history, over undiscovered, forgotten or underestimated sources concerning our common past. That's why the joint venture research project "Yazma Miras. Written Heritage" started to examine, to collect and describe such sources two years ago.

This book wants to give students, scholars and researchers an overview concerning Tatar-German documents or in other words this work wants to stimulate young pupils and scholars to use archive records concerning Tatar history for their research, documents which are newly discovered, ignored for a long time, unpublished or undescribed. This small overview stretches from the 13th century to the 20th century. This means that the book does not claim to be a complete historical overview or a reference to all facets of Tatar-German cultural contacts. Our presentation here is intended as a workshop report or idea donor.

At the very begin of our investigations concerning documents of Tatar-German history nobody expected such huge amount of untouched documents we came step by step in front of us. Even just regarding Crimean Tatar-German diplomacy hundreds of sheets we faced, which partly laid in archives unspoiled and inviolate since hundreds of years. But also already translated documents one has to compare and analyze again because of inaccurateness or mistakes made in translation and/or copy process.

Just for one instance we know about the history of Tatar Tower behind the Main Cathedral "Holy Saint Catharina and Saint Mauritius" in Magdeburg, the city of Otto I, first Emperor of the Holy Roman Empire of German Nation. We know that the Tatar Tower was built because of the so-called *Tatar storm* of 1241, when the genghizide troops fought on the battle of Liegnitz/Legnica. Nevertheless, knowing this event of violence we ignore mostly the peacefully get-in-touch's between Germans and Muslims even in the same times. For example, the usage and adaption of oriental artistic ornaments of Muslim cultural sphere inside this Cathedral "St. Catharina & St. Mauritius" of Magdeburg or even the visits of Muslims in Magdeburg already in 10th Century when the scholar and traveler Ibrahim ibn Yacub in 965 visited Magdeburg¹. What is valid for the

¹ Abdurrahman Ali el-Hajji: *Ibrāhīm ibn Yaqūb at-Turtūshi and his diplomatic activity*. In: *The Islamic quarterly. A review of Islamic culture*. 14, 1970, S. 22–40. André Miquel: *L'Europe occidentale dans la relation arabe d'Ibrahim b. Ya'qub (Xe siècle)*. In: *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 21, 1966, S. 1048–1064 (Online: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/ahess_0395-2649_1966_num_21_5_421454); Adolf Böhm: *Die Reise des jüdischen Händlers Ibrahim ibn Jakob 973 von Magdeburg nach Prag – Der Versuch der Rekonstruktion einer alten Handelsstraße*. In: *Erzgebirgische Heimatblätter*. 5/1980, S. 106–109. Fuat Sezgin in collaboration with Mazen Amawi: *Studies on*

medieval and early modern time concerning bequests, sources and documents is valid for contemporary history research too: Nobody expected for example that there were more or other new sources in context of Musa Dzhhalil's biography. But as the new discovered photographs, documents and audio files of the surroundings of Dzhhalil in Germany showed us, no state of research, no texts and books are *the eternal*. History – just such specific history as the narratives of Tatar-German cultural contacts – is often either plaything of power interests and is being exploited or is ignored or concealed. It means to us to be carefully and inquisitive: No (hi)story or narrative we know already till the end. So there were always not just interferences of war and violence, no, every time we can aware also parallel relationships in intercultural contacts in business, science, art and culture between East and West, between North and South, between pagan, Jewish, Muslim and Christian societies.

That's why we have to look behind the shadow of the Tatar Tower and have to discover again or first time bequests of common Tatar-German history through curiosity, exact investigation and stringently combined tools of analysis in order to give new impulses for common researches, cooperation projects or even better understanding of our common past for defeating following generations from false facts, ideological history-images and negative stereotypes on each other. For what Maciej Musa Hassanovitch Konopacki² is saying about the situation in Poland is, in general, symptomatic of the Tatars' self-image in Europe: „The Tatars of Poland are an agile dynamic piece of the Polish society; we are living here and today. While in Europe the discussions regarding the so called Euro-Islam do not end, Europe has to recognize that we are here – Tatars, European Muslims – for hundreds of years in the heart of Europe!”³

Project Coordinators and editors:

Dr. Marat Gibatdinov, Dr. Mieste Hotopp-Riecke, Dr. Stephan Theilig
Kazan / Magdeburg / Berlin / Wustrau

Ibrāhīm ibn Ya'qūb (2nd half 10th century) and on his account of Eastern Europe. (Publications of the Institute for the History of Arabic-Islamic Science. Islamic Geography Bd. 159). Inst. for the History of Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe Univ., Frankfurt am Main, 1994.

² Concerning life and work of this veteran of Polish Tatar community see: Radziszewska, Iwona: Maciej Musa Konopacki (ur. 1926) – nasz Tatar, In: *Litteraria Copernicana*, 2(18)/2016, p. 189–197.

³ Taken on from Maciej Konopacki's speech on the occasion of the vernissage of the exhibition «Tatarzy Polscy. Historia i kultura Tatarów w Polsce» (Tatars of Poland. History and art of the Tatars in Poland). See: Hotopp-Riecke (2008: 25–27) or in [www](http://tamga.wordpress.com/2009/01/14/ausstellung-%E2%80%99Epolnische-tataren-geschichte-und-kultur-der-tataren-in-polen/) under URL: <http://tamga.wordpress.com/2009/01/14/ausstellung-%E2%80%99Epolnische-tataren-geschichte-und-kultur-der-tataren-in-polen/> [12.12.2009].

Orthographic Notes

In order to make it more manageable in practice for the readers we use the original signatures and labellings in German language as they are to find in catalogues and search engines of the archives in Germany. We even did not correct or changed old German titles of the records into modern German in order to give scholars the chance to find the correct descriptions / files / records in German language based catalogues.

We use original Tatar names of places, titles and cultural practices leaned on Turkish alphabet and latest variant of Tatar Latin alphabet according the law of the Republic of Tatarstan „Concerning the usage of the Tatar language as a state language of the Republic of Tatarstan“ issued by the state parliament of Republic Tatarstan on 2012, December 24. Some of the letters, which are not to find in English nor Russian language but in Tatar and German pronounced as follows:

Ə/ə is pronounced Ä/ä, it represents the near-open front unrounded vowel /æ/, like the pronunciation of ⟨a⟩ in „cat“.

Ç/ç is pronounced „ch“ in English. Bahçesaray is pronounced „Bahchesaray“.

C/c is pronounced „j“ in English. Cafer is pronounced „Jafer/Dshafer“.

Ң/ң is pronounced „ñ“ and commonly represents the velar nasal /ŋ/, like the pronunciation of ⟨ng⟩ in „sing“.

Ө/ө as open Ö/ö like usual in Turkish/German/Tatar. Ö is used in the alphabets of the Bashkir, Buryat, Kalmyk, Kazakh, Kyrgyz, Tatar, Tuvan, Mongolian and Yakut languages, in which it represents the open-mid front rounded vowel œ/ö as in Özenbaşlı or Özden.

Ş/ş is pronounced „sh“ in English. Abduräşid is pronounced „Abdurashid“. Ü/ü are usual similarly to Turkish as well as I/ı analogue Turkish alphabet, like the Russian „И“.

* * *

The chapter IX was written by Stephan Theilig, chapter III by Theilig and Hotopp-Riecke, part of the chapter V (pp. 153–157) by Ildar Kharissov, all other parts by Mieste Hotopp-Riecke. The proofreadings and corrections were made by Stephan Theilig, Marat Gibatdinov and Mieste Hotopp-Riecke.

For the Russian translations, we would like to thank very much Marat Gibatdinov and Alina Khaliullina.

All English translations, unless otherwise noted, are our own. In quoted speech, emphasis is denoted with italics, and unless otherwise noted, occurs in the original. Brackets have been used for speech inserted for clarification and we have used parentheses for the translation of foreign words, sounds or sayings occurring in the original.

Content

Discovering Tatar-German written heritage.....	5
Orthographic Notes	7
Introduction	9
I. Early times: When the <i>longue duree</i> of of Tatarophobia begins (12th/13th century)	11
II. The Teutonic Order and the offspring of Tokhtamysh Khan (14th/15th century).....	15
III. Prussians, Saxons and Tatars: Their relationships in Northern Middle Europe (1599–1806).....	28
IV. Times of change under Napoleon: Tatar-German intercultural contacts 1806–1815	43
V. Tatars to the Front! Secret Diplomacy and struggle for independence (1914–1918).....	55
VI. Between two dictatorships. Tatar-German relations in World War II (1933–45).....	66
VII. GDR times: <i>Homo sovieticus tataricae</i> or Tatars as Socialist brother people	85
VIII. Private Archives in contemporary Germany: Potential capacities in the clandestineness.....	98
IX. Tatar-German Places of Remembrance – An archive project with German students	108
By Way of Conclusion	112
Index and Appendix	193
List of Figures	193
Archive Adresses for research in Germany.....	196
General Index.....	205
Abbreviations	229
Authors	230

Introduction

The history of Tatars is still in move concerning two dimensions: Both in geographical as well as in thematically direction our horizons are widening through knowledge of new sources and usage of new methods. While in times of bloc confrontation we could not imagine, that some days we could do researches together in Japanese, German or Turkish archives. By using this new opportunities also the deepness of knowledge and enhancement of horizons of Tatar history are still widening.

This book wants to call young scholars to do more researches on historical sources, on original files and documents in archives worldwide, because there is still a lot of material to discover and to use for historical research but even in context of interdisciplinary fields like turkology, stereotype research, culturology or philology.

We presented already in Tatarstan as like as in Finland, at Crimea, in Poland, Turkey and Germany some documents from 16th until early 20th century discovered in the Secret Prussian State Archive or even taken from the Political Archive of the Ministry for foreign affairs in Germany. Here we want now to stimulate scholars and students to make investigations by dint of presenting different divisions of sources of Tatar-German history from the very begin in 13th century across the time till the 20th century, the century of deportations, revolutions and genocides. We are publishing here facsimiles taken from different eras and different archives in Germany in order to demonstrate the richness and diversity of sources concerning our common history but even in order to show, that there are still possibilities to discover new sources. Because: it is clear, our presented material here is just a cutaway, is only a detail of a larger whole issue. For every distinctive and relevant time we elected just a few instance sources according their contents and their importance as well as the access to the appropriate archives. But of course this guide, this overview does not have the claim to draw a complete pattern of Tatar-German history sources in German archives, but wants show the potential capacity of the material as well as the diversity of the archive landscape in the Federal Republic of Germany from State archives, new internet based virtual data bases, previously unreleased museum portfolios to the private bequests of German Tatarica researchers and family archives.

Yazma Miras – Project design and context

The scientific cooperation project „Documents on history of the Tatars in archives of Europe and the world“ is financed by the state programme „Preservation of the identity of Tatar people (2014–2020)“. The project is on one hand similar to the archive locations on the other hand concerning the contents (audio or printed files) divided in separate project parts, for instance those project parts which are dealing with Japanese or German sources. In context of the part based on German sources were held some roundtables and meetings as well as research travels and working sessions in archives all over Germany¹: In Berlin the „Prussian Secret State Archive“, the Federal Archive, the Archive of the first Berlin Mosque / Ahmadiyya-Community and the Archive of the Ministry for Foreign Affairs, in Leipzig the German Music Archive, in Halle/Saale the Archive of the German Oriental Society as well as in several private and regional archives in each region of the Federal Republic of Germany.

While the collected copies of printed and hand written material should be the database for future generations of pupils and students, who will be able to use the materials in institutions of Tatarstan like the Marjani Institute for History at the Academy of Sciences of the Republic Tatarstan the audio files were collected for usage in different spheres and in several kind: In National Archive of Tatarstan as well as in cultural institutions, films and radio stations. And first efforts were made in this direction: The songs of the „Volga Tatar Wehrmacht Ensemble“ for instance – recorded in Germany probably 1943 and discovered 2014 – were delivered to Tatarstan and appropriate for radio broadcasts and as movie soundtracks in Tatarstan².

In each chapter we try to give our readers some usefull informations concerning the locations, the coordinates of relevant archives and the way to reach them from abroad for doing investigations at local archives or even to describe the possibility to get copies of files via internet or post mail.

¹ A first report on the activities in the framework of „Yazma Miras“ in German language is to find for download as pdf-file under: <https://icatat.files.wordpress.com/2014/04/deutsch-hier.pdf> [22.07.2015], in Russian language under: <http://tataroved.ru/news/2014/04/22/130/> [25.07.2015].

² See chapter VI „Between two dictatorships“.

I

Early times: When the *longue duree* of Tatarophobia begins (12th/13th century)

As we know the very first news concerning so called Tartars reached German speaking areas in 12th century and the terms Tartar, Tadder, Tater, Tatter, Totter were in usage as a synonym for the Mongols (that time also called: Mungel, Mogul, Mongol, Mogel)¹. From 13th to 21th century the lexeme Tatar went along the centuries through some changes of its semantic and orthography. The semantic switched less than the orthography, only in shades, just in nuances according geographic dispersion, ethnic neighbourhood and regional dialect.

The first sources in German language concerning Tatars delivered in the 13th century – the term with the meaning „alien nation / foreign people“. The semantic reservoir of what means Tatar depends that time also on self awareness and processes of othering by people along the incursion routes of the Genghiside hosts, because they were conquered, expelled and/or incorporated by the Genghisides. So the semantic of the terms Tatar/Tartar/Mongol were also adopted or even modified finally with the outcome, that the semantic oscilated between *hero of the steppe* and *evil heathen from the East*. Because there are already basic works concerning the ethymology of Tatar here is only to postulate, that anyway has one to aware an lexeme / ethnonyme from two perspectives: The original semantic on one hand as well as the versatile meaning in later times in other contexts.

In principle one has to state that the contemptuously demonization of alien horse people from the East had already a long tradition when the first news regarding Tatars reached Middle Europe and German speaking areas. Since the legendary Skythians, the Hunnic, Sarmatian and Hungarian tribes arrived the Pannonian Basin they were apostrophised as barbarian conquerors² long times ago.

The very first news concerning the Eastern lands and their inhabitants, the *tartari*, contained the travel reports of the Dominican priest Julian. He traveled in 1234/35 in the Ural area. Also reports handed over by Johannes de Plano

¹ See: Messerschmid, Daniel Gottlieb: *Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalisch-Mogulischen oder Mogorischen Chanen. Aus einer türkischen Handschrift ins Teutsche uebersezt [Abu-'l-Gāzī Bahādur Ḥān: Šāğārā-i Tārākimā]*. Göttingen: Verlag der Wittve Vandenhoeck, 1780.

² See: Gießauf, Johannes: *Barbaren – Monster – Gottesgeisseln: Steppennomaden im europäischen Spiegel der Spätantike und des Mittelalters*. Graz: Leykam, Grazer Universitätsverlag / Reihe Habilitationen, Dissertationen und Diplomarbeiten, 2006; Dopsch, Heinz: *Steppenvölker im mittelalterlichen Osteuropa – Hunnen, Awaren, Ungarn und Mongolen [Vorlesungsmanuskript]*. Salzburg: IZMS – Zentrum für Mittelalterstudien, Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter, 2003.

Carpini, who traveled to Mongolia from 1245 to 1247 and at least Wilhelm Rubruk, who was probably the first traveller in 1254, visiting the former „Tatar capital“ in Karakorum. Even these first travelers adorned their reports when they could not understand what they had observed and could not fit into their Western patterns of interpretation, or reported under the influence of their exhausting journey and rice traces and anxiety.

After his first encounter with Turkic speaking people of Crimea in 1253 Wilhelm von Rubruk wrote, that “he feels as if he escaped the hands of demons; The promontory, on which he left the Crimea to the north, is like a gate to hell (unam portam inferni)”³ From a Christian-occidental perspective, all the peoples of the East who were to be converted were regarded as wild and uncivilized, which also found their way into linguistic usage of German. As a “wild stranger”, for example, “tatter” is recorded in the Hennebergian Region (near Meiningen, Thuringia) and “tāta” in Brandenburg⁴. At *tatter*, the authors refer to the *Tartar*⁵, which is original in its opinion, as a wild stranger, who can „eat a lot like a tatter“⁶. Also derived verb forms such as *tattern* or *tatterschen* in German for stammering, stuttering, cackling are testify or impressions associated with the language of strangers, which is etymologically controversial⁷. Due to the enormous temporal distance to the direct contacts of 1241 and the subsequent entry of the Tatars into the regional legend and vocabulary of the Silesians, for example, a regional semantics developed by Tater. In the nineteenth and twenti-

³ See: Schmieder, Felicitas: *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Jan Thorbecke, Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters, 1994, S. 224.

⁴ See: Bielfeldt, Hans Holm: *Die Entlehnungen des Sorbischen aus dem Deutschen im 16. Jahrhundert*. In: *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin (DDR): Akademie Verlag / Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Institut für Slawistik, Bd. XX, 1975, 303–363, here p. 326.

⁵ See: Spieß, Balthasar: *Volksthümliches aus dem Fränkisch-Hennebergischen*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1869, S. 53, Item 490: „Hä freßt bi e tatter“, Fn. 4.

⁶ See: Spieß, Balthasar: *Beiträge zu einem Hennebergischen Idiotikon*. Wien: Braumüller, 1881, S. 252.

⁷ Similar to the genesis of the ethnonyms Nemeč / Német / немец (German) in the Czech, Hungarian or Russian with the origin meaning of „stummer“ (incomprehensible talking) human. See: Bielfeldt 1975, S. 326. See also: Čornej, Petr: *Cizí, cizozemec a Němec [Der Fremde, der Ausländer und der Deutsche ENGLISH TITLE NEEDED]*. In: (Chocholáč, Bronislav / Libor, Jan / Knoz, Tomáš) *Nový Mars Moravicus aneb Sborník příspěvků, jež věnovali Prof. Dr. Josefu Váčkovi jeho žáci a přátelé k sedmdesátinám* [Neuer Mars Moravicus oder Sammelband mit Beiträgen, Prof. Dr. Josef Válka von seinen Schülern und Freunden zum siebenzigsten Geburtstag gewidmet ENGLISH TITLE NEEDED]. Brno: Matices Moravská, 1999, 97–109; Palkowitsch, Georg [Palkovič, Jiří]: *Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch: mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten*. Prag: Vetterl v. Wildenbrunn, 1820, S. 1122.

eth centuries, Tater / Tartar could also be a disgusted dwarf or uncombed / unkempt man and a malicious, ghostly being (Tatermann)⁸.

Documents on this early period of first direct contact are partly known, partially analyzed and rarely published. A research work on the early sources among other things in German, Austrian archives or about the stock of the Vatican archive are still worthwhile. For example through checking the “Virtual Prussian Confidential Document Collection” established by the Center “Humanities in the digital World” at the University Hamburg we were even able to identify the probably oldest deeds concerning Tatar-German relations: From 22. January 1248 is dating a document were is described that the pontifex Innocence IV was writing to Daniel, the “illustrious king of the Russians”, he should give information’s to the Brothers of the German Knights in Eastern Prussia in case the Tatar-Mongols would stretch westwards, in order to be able to organize resistance. These folders, this documents could give new impulses for discussions concerning the events in the Middle Ages in the Baltic-East-European region as well as could alight the stereotypes, used by each other for stigmatizing the enemy as the evil. Because the pontifex was sometimes not against alliances between Christian Teutonic Knights and the Muslim Tatars, as we know by reading sources of later times (see next chapter).

Actually sources from the Baltic and the regions of the Teutonic Knights are in the focus of the Workstation for the digital edition of Medieval sources, leaded by the Historian Prof. Dr. Jürgen Sarnowsky. The project at the Center of Humanities in the Digital World is digitalizing and editing for example the debt books and invoices of the grand chapels and supporters of the Teutonic Order, the Marienburg “Großschäfferei”, the Development and Virtual Reconstruction of the Old Registers of the „Teaching of the Teutonic Order” and the „Virtual Prussian diploma book“.

The department for the digital edition of medieval sources deals with the presentation of medieval sources and portal solutions on the internet. It maintains three virtual records (on Hamburg, Prussia and Johanniterorden in the Late Middle Ages) and runs other DFG-funded projects on the statutes of the Order of St. John, the debt books, and the accounts of the “Großschäffer”, as well as the older registers of the Teutonic Order⁹.

Other digital collections are also recommended for research on early sources. The documents of the Teutonic Order, which belonged to the most powerful religious orders in the Middle Ages and early modern times and possessed considerable territorial possessions in the Holy Empire, has spread all over Europe since the beginning of the 19th century. This has made it very diffi-

⁸ Drechsler, Paul: *Wencel Scherffer und die Sprache der Schlesier. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Sprache*. Breslau: Koebner, 1895, S. 259, 272.

⁹ The workplace for the digital edition of medieval sources in Hamburg is currently converting its website. <http://www.spaetmittelalter.uni-hamburg.de/> [Status: January 2016].

cult for historical research on the history of the Order. With the help of the new media, it now appears possible to merge the inventories virtually, thus significantly improving the fundamentals of research.

The archives, which contain important parts of the written order of the Teutonic Order, are also part of the Landesarchiv Baden-Württemberg (Department of State Archives, Ludwigsburg)¹⁰. Digital inventories are constantly being expanded. This applies to all digital collections in Germany's archives and means that the researchers get new, extended possibilities of research every year.

¹⁰ <https://www.landesarchiv-bw.de/web/> [Status: January 2016].

II

The Teutonic Order and the offspring of Tokhtamysh Khan (14th/15th century)

The earliest direct contacts between Muslims of the East and the German people were probably those by German missionaries and/or commercial travelers. One of the first of such missionaries was surely Henry of Latvia (German: Heinrich von Lettland; Latin: Henricus de Lettis), born before 1188 near Magdeburg, also known in the English-speaking world as Henry of Livonia. He was a priest, missionary and historian and wrote the Livonian Chronicle of Henry, which describes the evangelization of the regions which are now part of Estonia and Latvia during the Northern Crusades. He described first the Eastern peoples. But it is not attested, if he really traveled eastwards as far or much wrote down hearsay.

As far as the 13th century, just reports from the hearsay found their way to the west. The peoples of the East, on the one hand, were often associated with danger, with the mythological underworld and barbarism. On the other hand, there were traditionally good trade relations across the Amber Road from Central Asia over the Volga-Ural region to the Slavic-Germanic Baltics. As we showed in Chapter I it was only a few decades later that the first direct contacts between the Genghizid armies and Christian knights were made, although not peacefully, but during the conquests of the descendants of Genghiz Khan.

A paradigm shift took place between the violent first German contacts in the 13th century and the first Tatar-German direct contacts in the 15th century. In the 13th century, there were still clear dichotomies, here Christian Germans, there the disbelieving Tartars, Saracens or Mongols. Now in the 1440ies Muslim Tatars were already accepted as potential allies in the struggle against Polish-Lithuanian or Russian opponents.

Material regarding the contacts between the Teutonic Knights and the descendants of Tokhtamysh Khan, who settled in the Baltics since end of the 14th century, one can reach in several archives in Germany, Austria¹ and Poland. In Germany, the vast majority of documents on Prussian history are kept in the Prussian Secret State Archives in Berlin-Dahlem and thus also some documents on Tatar-German contacts, military and diplomatical history in particular.

I was surprised that there are dozens of letters, where are mentioned the negotiations and diplomatic exchange of Tatars and Teutonic Knights. Newly online-data-bases combined with archive research brought interesting material concerning first diplomatic relationships between the Grandmasters of Teutonic Knights and the Khans of Golden Horde in 15th century in Eastern Prussia re-

¹ Archive of the Teutonic Order in Vienna. There, all documents are transcribed, translated, scanned and put online: <http://monasterium.net/mom/AT-DOZA/archive> [22.01.2016].

spectively the State of Teutonic Order. When dealing with these materials, one has to struggle with various challenges: Different fonts/alphabets and different languages or dialects are there to discover and to decode, and of course there was no uniform orthography for all German dialects as well as different fonts of non-german languages.

Here just one example: There is one record in the Prussian Secret State Archive concerning the „Mahmet, Khan of tartaric Ordu“, his son Mamutyak and son in law Aydar as well as the count Elberdy. They together with 12.000 soldiers, amongst them troops of Knyaz Ulanov, supporting the counts of Smolensk against the Polish troops. There are German notices written on the cover of this record dated from 1827. This notices are mentioning 42.000 soldiers, but translated false: „dvenatsatj tyisač“ means of course 12.000 not 42.000 men. This is written in Königsberg by Ignatz von Macewicz, Professor from Vilnius in 1827, 4. August. It means one has every time to prove both: The original letter in alien language and the remarks as well as translations of former times, anyway written by scientists or just translators/interpreters.

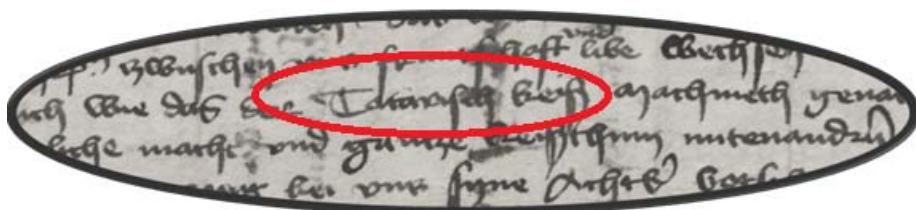

Figure 1. “Tatarisch keiβ“ (Tatarian Kaiser/Caesar) without the so called „Tartaros-R“, a section taken from German Letter of Vytautas, Grand Duke of Lithuania to Grand Master P.v. Rusdorf, June 22, 1424 , style of script: Notula or Gothic Cursive, GStPK Berlin.

Other handwritten letters as well as transcriptions and translations concerning the diplomatic correspondence of the time under the governance of Paul von Rusdorf² are telling us other details of Tatar-German-Polish-Lithuanian relation-

² Also: *Paul von Rusdorf*, born around 1385 in Roisdorf near Bonn, Western Germany; died 9. January 1441 in Malbork Castle at the river Nogat, main castle of the Teutonic Order (germ.: Ordensburg Marienburg, russ.: Орденский замок Мариенбург, lith.: Marienburgo pilis; pol.: Zamek w Malborku). He was the 29th Grand Master of the Teutonic Knights, serving from 1422 to 1441. The Treaty of Melno was one of von Rusdorf's first acts; it brought stability to the Order and its relations, but fighting resumed in 1431 with the Polish-Teutonic War (1431–1435). Paul von Rusdorf peace signed a treaty with Władysław Warneńczykiem, the Polish king, Sigismund Kiejstutowiczem, Grand Duke of Lithuania and others, 1435, but the reign of Paul of Rusdorf marked the climax of the internal crisis of the Order, characterized by strife, intrigue, party formation and the decline of discipline within the Order. In the end, Paul von Rusdorf resigned as a master on January 2, 1441, and died a week later in the Ordensburg Marienburg.

ship, the alltime changing alliances and friend-enemy-prisma³. These documents are concerned with alliance negotiations in order to assess the situation and build confidence with regard to possible joint ventures with the one or the other side, with the Tatar knights or Polish-Lithuanian knights, e.g. in a letter from Grand Master Paul von Rusdorf to the “Old” Grand Duke of Poland-Lithuania Switrigal⁴ of 15 March 1433: “HM [Hochmeister] to Duke Swidrigal concerning the resumption of hostilities interrupted by frost and snow against Lithuania and Poland with the help of the Wallachians, Tatars, and Livlanders, and the embassy sent for the foundation of a peace appropriate to the message, send by the Council of Basel, in 1433 on Sunday, Oculi” (Findbuch 66, p. 234). In the letter of Rusdorf, among other things, it also says: “It would be advisable and necessary that your Illustrious Highness with the Wallachians and Tatars attack and devastate the Polish lands”⁵.

Another document reports that on 11 April 1433, Paul von Rusdorf repeated his proposal. There one reads: “HM to the dukes Swidrigal, Fedko Neswiczky, Starost of Podolia, and Michael Ivanovicz, Voivod of Kiev, on the return of the Komtur of Mewe and the joint war against Poland with the help of de Podolians, Valakhians, Tatars and Livonians. Marienburg 1433 at Easter eve”⁶ and a letter from the Grand Master to Switrigal of April 29, 1433, has the same tenor: “To the Duke of Swidrigal: news of the Roman King [...], combating of Poland with the help of the dukes Vedko and Michael, the Podolians, Tatars and Vallakhians, and the departure of these peoples from Poland, proposes to invade Lithuania together with the Livonians, Marienburg 1433, Wednesday before Philippi and Jacobi.”⁷ It may also be interesting the statement by the commander (Komtur) of

³ The policies of those years are dealt with by Carl August Lucke: *Paul of Rusdorf, Lord of the Teutonic Order 1422–1441*, Bad Godesberg 1969 (sources and studies on the history of the Teutonic Order 15), see also the chapters “On the quest legacy: Shaping Eastern Europe (1240–1523)”, p. 3–63 and “On the Fast European chessboard. The Crimean Khanate and Poland Lithuania in the years 1523–1671”, p. 64–185, in: Kołodziejczyk, Dariusz: *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th century)*. A study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden/Netherlands: Brill, 2011.

⁴ Švitrigaila (Polish: Świdrygiełło; around 1370 – 10 February 1452) was the Grand Duke of Lithuania from 1430 to 1432. He spent most of his life in largely unsuccessful dynastic struggles against his cousins Vytautas and Sigismund Kęstutaitis.

⁵ The letter can be found as a copy in the Secret State Archives Prussian Cultural Heritage (GStA PK), XX. Main Department Historical State Archive Königsberg (XX. HA STA Kbg.), Ordensfoliant (OF) 13, p. 2–3.

⁶ Secret Prussian State Archive (GStA PK), regest in Find-Book 66, sheet 235, OBA 13, pp. 5–6.

⁷ Regest in Find Book 66 in OF 13, pp. 7–8 (GStA PK).

Mewe, Ludwig von Landsee (Lanse) to the Grand Master, July 3, 1433, that the dukes Vedko (Vetko, Fedko) and Alexander had invaded Poland and they had 4.000 Tatars amongst them⁸. And another quote shows us that also knightly behavior or different military diplomatic practices of the Tatars received recognition at the other regional powers. There it contains a praiseworthy statement by the Grand Duke Sigismund⁹ on the Tatars of 17 December 1432. He writes to the Grand Master that the Tatars have the proverbs “to declare” (to send a declaration of war) before they attack. In contrast to the Livonian Ordermaster, they did not do this!¹⁰

In nearly every bigger German library is conducting a own department for handwritten oriental manuscripts or even departments with the bequest of orientalist including manuscripts originated from Muslim countries. Now those documents are already partly as online resources ready for download and analyzing the material. We are doing this systematically with well known as well as underestimated or unknown archives and libraries. Often the Tatar manuscripts or books are mentioned and catalogued as *Orientalica*, *Arabica* or *Turcica* sources and were therefor still in the shade of the mainstream history. Here we just give a few examples. The famous Orientalist Leberecht Fleischer¹¹ is mentioning in his catalogue as item 22 a “Kitab or the book of the genealogy of Tatars, which were translated from Tatar into German language”.

⁸ GStA PK. XX. HA StA Kbg., Ordensbriefarchiv (OBA) No. 6540.

⁹ Sigismund Kęstutaitis (Lithuanian: Žygimantas I Kęstutaitis; Polish: Zygmunt Kiejstutowicz; c. 1365 – 20 March 1440 in Trakaj/Troki) was the Grand Duke of Lithuania from 1432 to 1440, Duke of Mosyr (1385–1401), Duke of Nowogrodek (1401–1406) and Starodub (1406–1432). Sigismund was his baptismal name; Sigismund's pagan Lithuanian birth name is unknown. He was the son of the Grand Duke of Lithuania Kęstutis and his wife Birutė.

¹⁰ GStA PK. OF 14, pp. 709–7010.

¹¹ The Arabist and Orientalist at the University of Leipzig, Heinrich Leberecht Fleischer (1801–1888), is regarded as the main founding father of the DMG (Deutsche Morgenländische Gesellschaft / German Oriental Society). In 1960, the DMG founded the Nepal Research Center (Nepal Research Center NRC) in Kathmandu / Nepal, and the Orient Institute in Beirut / Lebanon (since 2002 in charge of the Max Weber Foundation) with external agencies in Cairo (since 2010) and in Istanbul (since 1987). More informations concerning DMG see chapter III.

3

Отъ Великого Князя Швытрикгайла приятельна писемъ,
Милому Князю Павлу Мистру Прясному. Грамоты ва-
ши Князя Подсковъ Кунтура Кызлевского слуга
Климокъ принесъ къ намъ къ Смоленску на третьей
неделе въ четвергъ по Велики дни. Пишете, иже
есте готови со всеми своими людьми къ семой неделѣ
въ Ляцкую землю потягнати: то намъ велики любу,
што не вляшпивая дело чините. А пишете, што сыхомъ
послаи прося Колоского Соеводи, што бы въ тѣи гасы
также съ своими людьми отъ своеи стороны отягнать
въ Ляцкую землю; и мы къ нему послали, просяги
его. А пишеть о Князя Михаила и о Князя Фредка, што
сыхомъ и тѣмъ отъ тое стороны изъ Подолья Ляцкой
земли велики заважати и щкодити; а о Князя Алексан-
дра **А**когда ведомо еще вамъ не было, што приступилъ къ
намъ: ино о томъ есмо къ вамъ уже послали перво гра-
мотѣ и словомъ намъ приказали есмо, а потомъ и слугу
его отпустили есмо, што послалъ къ вамъ, то вжѣ
[уже] вамъ ведомо есть; ино Князю Фредку велики есмо
оттялъ отъ Подольское земли заважати Ляхомъ, што
наиболши могути со всеми тамошними людьми, а и съ Та-
тари пакѣ, занюжь и Татарѣ съ нимъ досеть есть; а
Князь Александръ Носъ отъ Луцкое стороны. Надеемся,
имуть имъ много заважати и щкодити ихъ земли;
о томъ есмо послали къ нимъ, ко Князю къ Александру

Figure 3. Russian transcription of item II, style of script: Russian,
GStPK Berlin, Signature: HA XX. OF 6430a, sheet 3 (old: Regesten, Schl. XVIIa Nr. 86).

It might be worth investigating the bequests and biographies of different personalities of German, Saxon and Brandenburg-Prussian history in the search for Tatar sources, such as the Councilor of the Grand Elector of Brandenburg, Jacobus Nagy de Harsány (interpreter around 1670s), Prof. Ignatz von Macewicz (Vilnius, worked on the Crimean Tatar files of the Secret Prussian State Archive 1827), Prof. Theodor Mundt (1808–1861)¹², Franz Genthe (1857–1923)¹³ or Hans Saring (1887–1979), a German officer and semi professional historian (Genealogist) wrote Articles concerning this stuff in Berlin-Dahlem 1934 and 1937¹⁴, his bequest is still untouched until today¹⁵). Franz Genthe used these (Crimean) Tatar files of the Prussian Secret State Archive too, several times between 1897–1928, but they all focused – as the Saring and Mundt – on special issues like military history or just on concrete periods like the Nordic Wars. But

¹² Mundt was a German critic and novelist. He was a member of the Young Germany Movement (jungdeutsche Bewegung) of German writers. Born at Potsdam, Mundt studied philology and philosophy at Berlin, settled in 1832 at Leipzig as a journalist, where he co-edited “Blätter für litterarische Unterhaltung”, and where he was subjected to a rigorous police supervision. In 1848 he was appointed Professor of Literature and History in Breslau (Wrocław), and in 1850 ordinary professor and librarian in Berlin, where he died. He wrote the book *Krim-Girai, ein Bundesgenosse Friedrichs des Großen: Ein Vorspiel der russisch-türkischen Kämpfe*. (Kirim Girai, a confederate of Frederick the Great: A prelude to the Russian-Turkish struggle). Published in Berlin by Schindler, 1855. One box with letters of Mundt from 1825 until 1861 are to be found at the archive of the Humboldt University Berlin, see online under URL: <http://kalliope-verbund.info/de/findingaid?fa.id=DE-611-BF-15929&fa.enum=1&lastparam=true#1> [22.01.2016].

¹³ Genthe was a military researcher and author. He wrote several articles concerning the first Tatars in European Armies, for instance: *Die Bosniaken in der dänischen Armee: ein Beitrag zur Geschichte der bosnischen Lanzenreiter in den Armeen fremder Mächte* (The Bosniaks in the Danish army: a contribution to the history of the Bosnian lance riders in the armies of alien powers). In: *Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina*. Wien: Gerold, Vol. 8, 1901, p. 201–203; *Das sächsisch-polnische Bosniakenregiment, die Stammtruppe der preußischen Ulanen und die holländischen Bosniakenlanzenreiter* (The Saxon-Polish Bosniak Regiment, the original troop of the Prussian Uhlans, and the Dutch Bosniak lance riders). Wien: A. Holzhausen, 1907; *Die Bosniaken in der preußischen Armee: ein Beitrag zur Geschichte der bosnischen Lanzenreiter in den Armeen fremder Mächte* (The Bosniaks in the Prussian army: a contribution to the history of the Bosnian lance riders in the armies of alien powers) Wien: Gerold, 1901 and the novel “*Der Husar des Großen Königs*” (The Hussar of the Great King). Berlin: Scherl, 1923.

¹⁴ Saring, Hans: *Tatarische Gesandtschaften an Kurfürst Friedrich Wilhelm während des ersten Nordischen Krieges* (Tatar embassies to Elector Friedrich Wilhelm during the first Northern War). In: *Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte (Research on Brandenburg and Prussian history)*. 46, 1943, p. 374–380.

¹⁵ Bequest in Secret Prussian State Archive: VI. HA NI Saring, H., title: Nachlaß Saring (-Depositum), Acession: 44/1961, Document type: Manuscripts, Material collection; Signature_ID: 260068.

anyway nobody of this scientists and/or enthusiasts took a look on the brider context of the material from middle of the 13th century till 1786.

Prof. Dr. Helmuth Scheel (1895–1967), Prof. Dr. Lajos Fekete (1891–1969) and Dr. Bruno Bassi from Stockholm were also researchers, interested in the (Crimean) Tatar files. Bassi used the material in January 1938. Scheel used between 1933–58 just one file, but published intersting articles¹⁶. Fekete was a Hungarian turkologist specialist of Turkish-Persian paleography.

As these examples show, there are still numerous possibilities to deal with the unknown terrain of the Tatar-German history, in order to understand developments which later on happened and sometimes only seemed to have nothing to do with the old (pre)stories.

¹⁶ Helmut Scheel, *Die Sendung des polnischen Gesandten von Stadnicki an die Pforte (1733–1737)* (The mission of the Polish envoy of Stadnicki to the Porte), in: *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin*, Berlin, 1932, Nr. 35, p. 177–194 and Helmut Scheel, *Ein Schreiben des Krim Giraj Khan an den Prinzen Heinrich, den Bruder Friedrichs des Grossen* (A letter of the Crimean Giraj Khan to the Prince Henry, the brother of Frederick the Great), in: János Eckmann, Sırrı Levend Agâh, Mecdut Mansuroğlu, Eds., *Jean Deny armağanı*, Ankara, 1958, Türk Dil Kurumu yayınları, Nr.172, p. 213–220.

dem, Schreibet Krieg Segnid dem, hat dagede obr den weyß von leyflant
 Das her hat hulft gesunt Swidriglich, obr en und her Im nicht enttraget
 und an nun den bund auf halben, her wil bey dem orden bleyben et

Segnid von got, wurden te Eremdig, hie auf besund lich, sint wir
 ragen euch obr den weyß von leyflant, Das her wider uns serme lichte
 vnsin fonden zu hulft gesunt her dye do noch eyne tage weyß von d
 sind des Strettes moeren, als wir die von Jurte lagernomms, wissel, de
 menomms krogen, Bedigol, Spode, und andi, gefangen, vornome haben
 und zu allenverwehen, dye miere do ist noch den weyßen jagden
 edliche von den serme, leyflent, gefangn und uns sampt mit nage
 phenden karmisch buchsen, und andi, haben dye dye selber leyflent
 rshende gelassen habi, Anbracht habi, Das wir we getruwet hat
 Das der selbe weyß fen uns obr dye vorstreybuge des eringen
 kedis und mentraget Das thum sulde Santonole Das bey bey all
 fremen restorlichen genouert ist, Das wmat ein sulde begnet
 habe dem vor entraget und nicht alleyne rison Suid' und Thib
 men sve an greyßen welln vor entfagen phlegen, sin moget N

men sie an greysen welln vor entzigen phlegm zu moget
wol merken ap das wol geschehen sey wedr du wilschewunge und
bude do mette wir nuf lunde ex und curru ganser oden arum
und Oretz an sampne cristlich und neste zu ewigk reyt sein
vor schribn und verhanden ap si her sey ein marer aron me sche
das her den abenomer von der heyligen Romischen kirche hulft uf
dve redorcrstliche thut (Ist so abn seyne meynige und vor
sac den Kerssthenglonn vime fohen) das wir dach wol zu getruwen
das das mit curruen musn und gesehle nicht geschn ist d Smit den
mole de wol wisset und betachen moget wie große und druckige d
heylige gloubt lere In myn lunde durch welche willn wir und mde
durch gutte wille wie das gressuestrichsumpe und wudy, kabin und
mit got hulft und nuf gutt, fride das getruwen wol zu behalden
und wie wir zu rathe mit das mit den selb betch des ewigen
fides der wie als von dem meyst von lenfande zu getorn ist
und wie das her den vngeloubigen wider dve risonliche chut hulft
dem heyligen vime dem veltste dem He for und andi konigen und
fursen durch vnse schaffe vorkundigen sulden wie wolten doch nicht
thun Gunde wolten curru also lange der Ime schonen mit wen

Figure 5. Duplication of a German Letter of Sigismund, Grand Duke of Lithuania (lit.: Žygimantas Keštutaitis, pol.: Zygmunt Kejstutowicz, rus.: Сигизмунд Кейстutowич) to Grand Master of the Teutonic Order Paul von Rusdorf, December 14, 1432 with reference to the Tatars as fair opponents and optional allies, style of script: Notula or Gothic Cursive, GStPK Berlin, Signature: HA XX. OF 14, S. 709/710.

III

Prussians, Saxons and Tatars:

Their relationships in Northern Middle Europe (1599–1806)

European history is mostly written with a Eurocentric-Christian perspective and the closed Muslim-Christian respectively Tatar-German relationships are widely underestimated in Western Europe. On the other hand the famous French philosopher Voltaire said even allready in 18th century: “Les Turcs vivent assez proche de nous, mais nous ne les connaissons cependant pas suffisamment ... Presque tout ce qui a été dit sur leur religion et leur législation est faux; et les conclusions que l’on tire quotidiennement contre eux, sont sans fondement”¹.

In the historical context of the 16–18th century the word „Turk“ described nearly every Muslim in the eyes of the Europeans on the one hand, on the other hand this ethnonym described Muslim peasant in Asia Minor, regardless of their ethnographical roots. In the Early Modern Period the ethnonym Tatar/ Tartar/Tater – functioned in the same manner as a label for subsuming aliens and different “foreign” peoples from the East – no matter whether they were of Turkic, Caucasian or Mongolian origin. Thus the ethnonym Tatar or even the wrong diction Tartar described over centuries in Western European eyes the barbaric other, the Muslim nomads and bestial riders of the East. But this is not the only historical truth. The knowledge of “the other” was rather sophisticated and not as xenophobic as we would like to announce it from today’s point of view.

As we saw in the previous chapter the Grand Masters of the Teutonic Knights (Magister generalis) and their subjects lived in East Prussia in a direct sphere of contact with the world of Islam, namely the settlements of the Lipka Tatars in Poland-Lithuania. But the Prussian Monarchs were also well diplomatically connected to the Crimean Khans like in former times the crusaders stayed in diplomatic exchange und military alliances with the troops of the descendants of Dželal ad-Din, the son of Tokhtamysh Khan.

A research group, linked to the Institute for Caucasica-, Tatarica- and Turkestan Studies (ICATAT) in Magdeburg started to reexamine these different levels of intercultural transfer- and communication processes, exemplarily illustrated by the following examples in this chapter. We distinguish two different areas here: Diplomatic relations and delegation trips were intercultural distance relationships. The settlement of Muslims in Brandenburg, however, were close interreligious relations.

¹ “The Turks live quite close to us, but we do not yet know enough ... Almost everything that has been said about their religion and their law is wrong; and the conclusions that daily draws against them are baseless”.

Diplomatic encounters

The “Grand Elector” Frederic Guillaume of Brandenburg (1640–1688) ambitions to enforce the contact with the Crimean Tatars based on an established diplomatic relationship. As Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT, Berlin) discovered by evaluating more than 385 new documents, which were to be found in the Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation (GStPK) the interferences between the Crimean Khanate and German kingdoms like Prussia and Saxony were much closer than believed until today. Now it is clear based on this researches, that at least 9 Crimean-Tatar missions were sent to the Brandenburg-Prussian Court during the 17th and 18th century (interim achievement of the research). The Crimean Tatar delegations reached the Prussian monarchs in Königsberg (today Kaliningrad), Berlin, Potsdam, Thorn/Toruń, Stettin/ Szczecin, in the near of Stralsund and a lot of other towns of former Brandenburg-Prussia. The missions established by 10 to 20 persons brought gifts like swords and horses and wanted to use these missions also as a door opener towards the courts of Denmark or even the Emperor of Holy Roman Empire of German Nation. However, the diplomatic contacts were not limited to the monarchs themselves and their political-military background. So a conversation between the wives of both monarchs is known and these manuscripts have come down to us in fragmentary form in files of the GStPK in Berlin.

In detail

So, the mentioned 385 documents in German, Crimean Tatar, Polish, French, Italian, Ottoman and Latin language will have to be transliterated, translated and analyzed. Some pieces of that material were already known and worked on first by the Hungarian historian and paleographer Lajos Fekete between 1926 and 1928. He pointed out, that the Crimean-Tatar-Prussian material is from high importance on the fields of historical and turkological sciences. Later on the German historian Hans Saring² used some pages of this records for his two articles in 1934 and 1937. But a huge part of the documents remained untouched. In Second World War the documents were saved in Germanys’ underground mines in Harz Mountains and near Magdeburg and Wolfsburg. From

² Saring, Hans: *Tatarische Gesandtschaften an Kurfürst Friedrich Wilhelm während des ersten Nordischen Krieges*. (Tatar embassies to Elector Friedrich Wilhelm during the first Northern War) In: *Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte* (Researches on the Brandenburg and Prussian History). 46, 1934, 374–380. And Saring, Hans: *Tatarische Gesandtschaften an den kurbrandenburgischen Hof nach dem ersten Nordischen Krieg bis zum Ende der Regierungszeit des Großen Kurfürsten* (Tatar embassies to the kurbrandenburgischen yard after the first Northern War to the end of the reign of the Great Elector). In: *Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte* (Research on the Brandenburg and Prussian History). Preussische Historische Kommission (Prussian Historical Commission, Eds.), 49, 1937, 115–124.

there huge parts of the Prussian State Archive materials, which deals with Eastern German Provinces like Silesia, Eastern Prussia and Pomerania were delivered to Warsaw, because that were now Polish areas. Other volumes went to West Berlin (the Anglo-American-French Zone) and some material delivered to Magdeburg in the later German Democratic Republic, because there was situated a sub-branch of the Prussian State Archive. During the time of bloc confrontation neither western scientists could reach this material nor scientists of the socialist Eastern Bloc³ touched them. After break down of the Iron Curtain and the reunion of Germany also the archives of East and West were reunified. That way the material went back to Berlin. After 10 month research in archives and libraries of Berlin more than 350 documents was rediscovered in spring 2009 by Mieste Hotopp-Riecke.

Beside them, other researchers discovered and analyzed letters and manuscripts concerning Tatar-German diplomacy of the 15th century as well as the era of Girey dynasty of the 17th/18th century.

That did our colleague from Sweden Prof. Sven Ekdahl and our Hungarian colleagues Sandor Papp (Universität Szeged) and Gábor Kármán (GWZO Leipzig)⁴.

In 1740, when Frederic II (“the Great”) became king in Prussia and started his series of wars against the different alliances of Austria to establish Silesia as part of Brandenburg-Prussia, he needed a lot of substantial help. The English paid subsidies to him, but money could not resist the double attack of the allied Russian and Austrian armies in 1760. With the help of the secret ambassador in Constantinople named Karl Adolf v. Rexin and a young Dutch adventurer on the court of the Crimean Tatars, Boscamp, Frederic tried to bring the Ottoman Sultan and the Chan of the Crimean Tatars into war and open a second front from the southwest against the Austrian forces. The things changed, when Peter I became czar in Russia and made a peace treaty with Frederic. The Prussians did not need further military help of an auxiliary power, but stayed in diplomatically contact with both Islamic powers.

Detailed we know so today only about the number of diplomatic travel, sometimes on the number of passengers and their principals. However, quite a lot of analyzes will be needed with further archival contents, in order to understand better the preparations and effects of this Tatar-German diplomacy con-

³ In German language “Vertrag für Freundschaft, Zusammenarbeit und gegenseitigen Beistand” signed 14.05.1955. In GDR this agreement was called the “Warsaw treaty”. In Western Europe was the term “Warsaw pact” or “East Bloc” in usage.

⁴ We both Stephan Theilig and Mieste Hotopp-Riecke are very deeply grateful to or Swedish and Hungarian colleagues, because they gave us their research material, hints and notes. So we are now well prepared to install an international research and publication project in the framework of Yazma Miras at the Academy of Sciences, Republic Tatarstan.

tacts. Analogies, extensions and comparisons with the previously known materials from Copenhagen⁵, Vienna⁶ and Warsaw⁷ could be certainly very useful here.

Here only the current state of knowledge is roughly outlined. On March 7 the year 1599, the first letter of a Tatar embassy came under “Mohomet Aga” of the Crimea to the Brandenburg court. From this contact, the re-discovered by Hotopp-Riecke quadrilateral translative testifies “News from Frankfurt concerning. Attaching the Tartar envoys Archduke Mathias” from the Prussian Secret State Archiv in Berlin⁸.

A few decades later, in 1632, there was a next Brandenburg-Crimean contact, between a Crimean delegation and the Director of the Electoral Military Council Gerhard Romilian of Leuchtmar⁹ under the reign of Duke George William of Brandenburg¹⁰.

Later on the ambassador Sanduny Mehmet ‘Alī Mirzā send by the Crimean Khan Mehmed IV Girāy tarried with his delegation 1656 in Königsberg. After Brandenburg-Prussia switched the lines in summer 1656 towards the Swedish site against Poland-Lithuania (and their allies, the Tatars) the Grand Elector changed again his allies in 1657 and fought now together with Polish king John II Kasimir¹¹. Under Meydan Gazi Mirza came 1659 the third Crimean Tatar delegation.

⁵ Matuz Josef. *Krimitatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen. Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen* (Crimean Tatar records in the National Archive in Copenhagen. With historical-diplomatic and linguistic studies). Freiburg: Klaus Schwarz, 1976. 378 p.

⁶ See for instance: Augustynowicz, Christoph: *Begegnung und Zeremonial: das Bild der Krimitataren bei Balthasar Kleinschroth und Johann Christian Lünig* (Meeting and ceremonial: the image of the Crimean Tatars in works of Balthasar Kleinschroth and Johann Christian Lünig). In: (Klein, Denise ed.): *The Crimean Khanate between East and West (15th – 18th century)*. Wiesbaden: Harrassowitz, publication series “Forschungen zur osteuropäischen Geschichte” (Studies on East European History), No. 78, 2012, pp.189–209.

⁷ As we agreed with Kołodziejczyk, Dariusz: *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties followed by an annotated edition of relevant documents*. Leiden: Brill, 2011.

⁸ GStA PK: I. HA Rep. 11, Auswärtige Beziehungen Nr. XI 271a Tartarei, fasc. 1 “Zeitung aus Frankfurt betr. Anbringen des Tartarischen Gesandten bei Erzherzog Mathias”.

⁹ *1589 – †1644. Gerhard von Calcum / Kalchum, ‘Director des Kriegsrraths am Berliner Hofe’, ‘Prinzenerzieher’, Johann Friedrich von Leuchtmar. Erdmannsdörffer 1876, p. 698.

¹⁰ Georg Wilhelm von Brandenburg (*3.11.1595, Cölln an der Spree; †1.12.1640, Königsberg), Johann Sigismund, Hirsch 1878, p. 619–629.

¹¹ Jähnig 2006, p. 66–68.

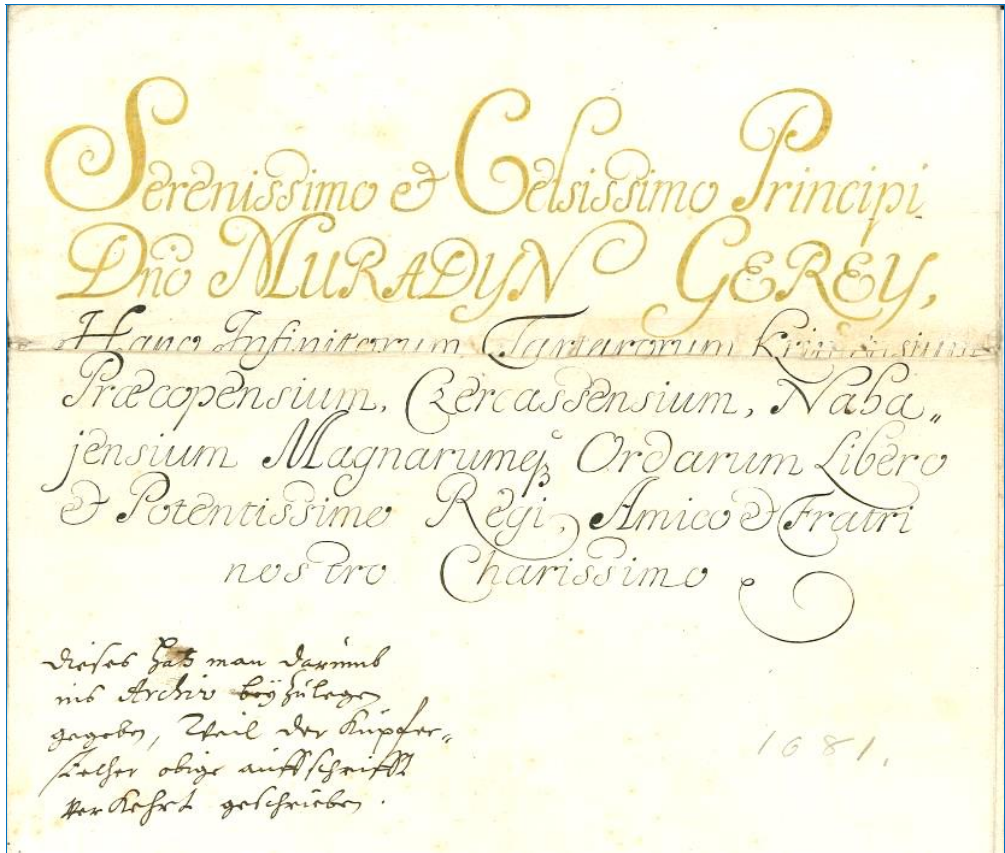

Figure 6. Frontcover, Letter written by the Grand Elector Frederick William I to Murad Giray Khan (1681) in Latin language with German annotations.

These should also visit the King of Denmark, but remained more than two months in the custody of Brandenburg, of which a few weeks in the village Prohn near the city of Stralsund at the Baltic Sea what these led to ask the Danish court order as quickly as possible answers to the Tatar notes, because of the maintenance of 15 envoys came the Brandenburg court exchequer dearly: Each emissary had to be fed, but some travel funds they did not lead with themselves. And every emissary had to be rewarded, what alone damask, silk and English cloth were purchased to the value of 329 Reichsthalern¹². In 1665 the authorised representative for finances, von Niemicz, welcomed two further delegates of the fourth mission of the 'krimischen Tartaren'. The emissary Şah Gazi Ağa was leading later on the fifth mission to "Collogne upon Spree" ("Cöln an der Spree", today Berlin) in 1670, the delegate Kaplan 1671 the sixth, "Temur Kirim Gazi" in december 1677 the seventh (at a field camp whilst the siege of Stet-

¹² See.: Saring 1934, S. 379/380. S.a.: Matuz 1976, S. 20–58; 118–125.

tin/Szczecin¹³) and Aslan Ağa the eighth mission with around 10 men and 15 horses in 1679 to Berlin. A next one followed 1681 under “Krym Chazy” respectively “Themur Chazy Beg” (probably Timur Gazi bey). However the diplomatic contacts were not limited to the Monarchs themselves and their political-military background. So a conversation between the wives of both Monarchs is known and these manuscripts have come down to us in fragmentary form in untouched files of the Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation in Berlin¹⁴.

As one can see, lasted mutual diplomatic legations between Brandenburg-Prussia and the Crimean Khanate over two centuries. However, these are only the results of research on two doctoral works. Explicitly to do research on Tatar-German relations, would certainly unearth more results, because the coverletters, gift lists, passports, descriptions and participant lists of embassies, the costs of accommodation and food, as well as their documents concerning the communication processes at the court are only just beginning to explore.

¹³ GStA PK: I. HA Rep. 11, Auswärtige Beziehungen Nr. XI 271a Tartarei fass. 7 “betr. die Abfertigung des tartarischen Gesandten Themur Krym Chazy und Mustafa Aga zur Durchreise nach Dänemark”.

¹⁴ For Tatar-Prussian alliances see also: Mundt 1855 as well as Saring 1934, Pröhl 1986, Schwarz 1988, p. 151-152.

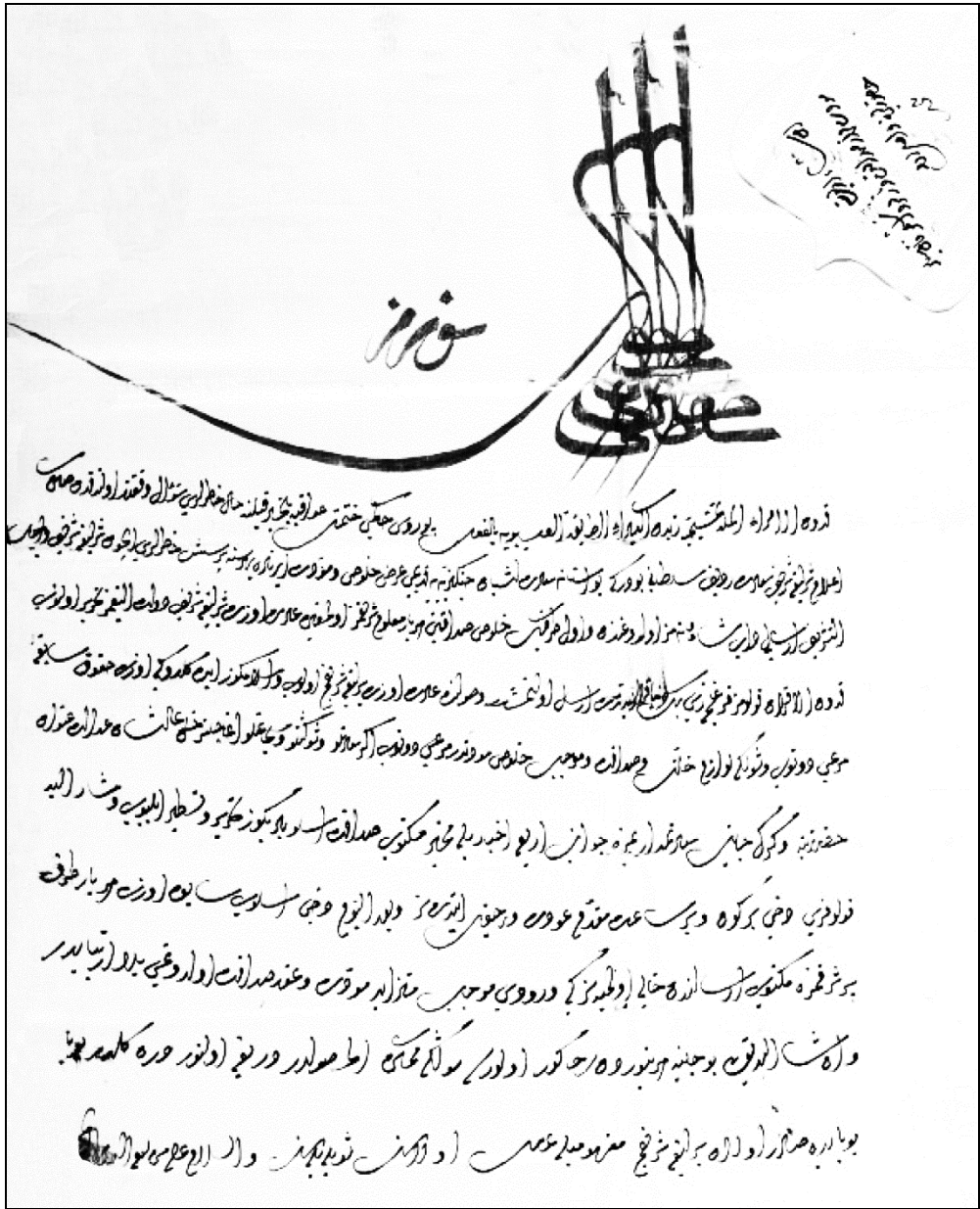

Figure 7. Frontcover of letter (“Tartar Creditif”) dates from 1682 from the file “concerning the ambassador Krym Chazy on his way to Denmark”. The letter belongs to the diplomatic correspondence between Kurfurst Frederic William I of Brandenburg and Murad Girey Khan.

Prussian Tatars

In the late 17th century there were to find first Polish-Lithuanian Tatars and Crimean Tatars in the Army of Saxony as an import of the double monarch Augustus the Strong, King of Poland and Elector of Saxony. And thus – inspired too by the great maneuvers of Saxon Army including their Tatar soldiers near Zeithain – the Electorate of Brandenburg-Prussia also began to import Muslim soldiers. It was the “Grand Elector” Frederic Guillaume (1640–1688) who first started with forming a trained standing army in Brandenburg-Prussia and so he looked around his reign for military capacities. The Brandenburg-Prussian Electors especially looked for allies in their different conflicts against Sweden and also Poland during the 17th century. Likewise the Tatars were well known as good horse breeders and Brandenburg-Prussia needed numerous of horses to build the new cavalry. On the other hand, the Tatars were also well known as strong soldiers. Upcoming communities Muslim Tatars were not far: Since the establishment of the Grand Duchy of Lithuania, they formed the palace guard in the ancient capital Troki / Trakay. As part of the Polish-Lithuanian elite troops, they kept special rights and were known beyond the borders of the neighboring states of Brandenburg-Prussia and Saxony addition.

That’s why a second research field, which is in the focus of historian Stephan Theilig (ICATAT, Berlin) concerns the direct contacts of Prussians and Tatars in the border-zone of East Prussia. During the whole 18th century numerous Tatars served in the Prussian army as soldiers, especially in the cavalry. In 1741 the first Tatar pulk was incorporated as Ulans to the 4th Husar Regiment. They stayed just for 2 years. But in 1744/45 another pulk became part of the “Bosniak-Esacadron” in the 5th Husar Regiment in East Prussia. They were around 75 men, including an imam for the Muslim soldiers. This was the birth-hour of the so called “Bosniak-Regiment”, a history of transcultural “conviventia” between Muslim and Christian soldiers for more than 50 years.

Based on these experiences the later Prussian king Frederick William II was sympathetic to the plans of Friedrich Leopold v. Schrötter in 1794. Schrötter saw the possibility to settle the Tatar families of the region around Sokółka and Białystok into the new Prussian territory after the 3rd division of Poland. The original idea came from the Tatar Colonel Janusz Murza Baranowsky, who liked to establish a Tatar unit to the Prussian cavalry and to settle the soldiers` families as Prussian subjects. The Tatar pulk served as an autonomic part of the so called Bosniaks. It consisted of 5 Squadrons and more than 500 soldiers, fully integrated into the Prussian army and with the same rights like for the other soldiers.

The number of soldiers in this so called “Tatar Pulk” fluctuated, reaching sometimes a strength of about 500 men. The majority of these men came with their families from the 1795 Russian-occupied areas of the former Eastern Poland and Lithuania, the main settlement areas of Lipka Tatars. In addition, there was a slightly lower number of families from the Prussian territories in South

and East Prussia. The National-Extracte¹⁵ of that time also had a number of Tatars who moved from the Crimean Khanate into the Prussian service, more families came from the occupied territories of Austria to the south and east of Warsaw, which was called Western Galicia.

A fundamental problem in all (New East- and East-) Prussia was the language. Few inhabitants spoke German, a few Prussian administration employees and military dominated in return the Polish. So also noticed the General of the Tatar Pulk, Johann Heinrich von Günther, that it was quite difficult in the training and drill of Prussian military service to “admit that were due to the fact that the officers had only occasionally moderate skills, but this was understandable under the problem of mediation because of Polish language”¹⁶. Already several months later, however, seemed the training attempts already to succeed, because the approach Günther began to bear fruit on mutual understanding: “I have the Tatars really better trained found when I could me imagine after the crude ignorance, they lived before”.

One reason for this was the first instruction of Günther for training in riding and drill. Still drawn even in Polish it was based on the new Cavalry Regulations of 1793, which later by cabinet order from October 18, 1796 were officially and now also fully translated for the Tatars in Polish, but with the proviso that the translator should be thoroughly examined first at his discretion and reliability.

In addition to the training program and the ordinary service of the Tatars, the existence of the Tatars was also determined by their family life. Family members were part of the regiment too and so the military made through education as well as with a kind of child benefit for all under 13-year-old children. This little aid received parents monthly.

In the corresponding lists found next to these payouts as well as the names and birthdays of the children. It is striking that from 1796, the beginning of the commercials, the number of children increased steadily. Counted the Tatar Pulk in February 1796 still 127 men, 25 women and 45 children (of which 23 boys and 22 girls) 7, the number of children increased as of December 1797 (including 58 boys and 39 girls) in December 1798 again slightly to 101 children (63 boys and 38 girls). It should be noted that there was an increase in the numbers of children under 13 years, the older children were there, but no longer counted. In addition, it is interesting that at the births from 1796 increasingly name as “Friedrich”, “Christian”, “Alexander”, “Leopold”, “John”, “Henrietta”, “Gottlieba”, “Elisabeth”, “Rosalia”, “Josepha” appeared alongside the traditional

¹⁵ See Geheimes Staatsarchiv Stiftung Preußischer Kulturbesitz Berlin: National- und Zuwachs- Extrakten, GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900 (for 1795 p. 196–199), ebd. Nr. 1901 (for 1796: 36–40, 56–59, 93–96, 104–107, 116–119, 218–221, 235–238, für 1797: 243–246, 272–275), ebd. Nr. 1902 (for 1797 and later Bl. 9–13, 53.f., 172–176, 251–254), ebd. Nr. 1903 (for 1799 Bl. 3–6).

¹⁶ Letter of Günther to the King, 30.07.1796.

name like “Mustapha”, “Janusz”, “Abraham”, “Mahomet”, “Marianna”, “Assia”, “Carolina” or “Anna”, which on a clear signletting close to the new social environment¹⁷.

The new garrisons lay close to the border with neighboring East Prussia, such as Rajgród. The small town was right on the border of East Prussia, on an elongated and ramified lake. Today it has just over 1500 inhabitants and is considered as a merchant place towards the Lithuanian border. In the 18th century, however, it was a small flourishing trading center in an excellent location right on the border, in a wooded area and fish-rich area. In addition, it was strategically located and was excellent defend. It is therefore not surprising that therefore again for the possession of this small town erupted fights.

In addition to the nearly 900 inhabitants, the town had a relatively large Jewish community of about 400 members, however, did not possess the right of citizenship. More than 40 dealers were located here, in addition to a variety of artisans, forestry workers, fishermen and simple farmers. A Tatar surgeon even provided a simple medical Service¹⁸. Furthermore here was found a small town hall, a church, a brick factory, a water mill, eight dining rooms, a brewer and nine distilleries. It was a small, but not effusive richness. The garrison life on the other hand may have been more lively than in the other pre-frontier towns. With the advent of the 87-strong Tatar garrison life changed because Rajgród had never possessed a garrison. The horse feed must be supplied. Suddenly new purchasing power in the city. Uniforms had to be made and repaired. The families needed food and everyday necessities. The approximately 158 houses, 74 stalls and 116 smaller fields sufficed just so, because even if Rajgród was a thriving border town, so this always must be seen in the context of the surrounding land of Mazury. Before new houses could be built or rebuilt, the soldiers and their families were housed in the “Bürgerstuben”. For the spiritual care imams were actually used and paid, although no actual colony company that was founded, but most families lived rather in the garrison quarters and only a few on the actual settlement which was offered in 1795, returned.

Until 1806 this construction of a multicultural, -ethnic and -religious unit existed before it was transformed to the regiment of “Towarzysz”, later divided into the two Prussian Ulan-Regiments.

Both, the diplomatic contacts and the Prussian-Muslim soldiers, were partly in the focus of historians in the 19th century, but not as an origin research field. These historians picked them out as a form of orientalism or exotism. In this historiographical context the intercultural communication and transformation processes were excluded. The focus is mainly based on the political-military

¹⁷ See paylists in GStA, I. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1901 (for 1796 p. 122–124, 208, 229, 251), Nr. 1902 (for 1797 p. 6, 164f.).

¹⁸ Szlaszyński, Jarosław: *Handlowe znaczenie Rajgrodu na Początku drugiej połowy XVIII wieku*, in: 496. *Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego*: Białystok 2009, p. 33–40.

perspective. But especially from today's point of view and the actual social-political problem fields in context of integration debates the example of the "Prussian-Tatar Conviventia" could give impulses for new debates.

Beside this examples of intercultural contacts between Polish-Lithuanian respectively Crimean Tatars and Germans there are of course also unpublished deeds and documents concerning Tatars from Volga-Ural-Region and their tangencies with Middle Europe, especially with the Germans. As an example here stands Hyronimus Megiser, a polyglot Professor from Leipzig University. He first time wrote a book were transcribed Tatar texts, in 1590is. He also was the first one, who translated the journey diary of Marco Polo into German language and giving as a supplement a "Tatar alphabet" in 1611¹⁹, which was not yet compared and analyzed until today. A first idea of what this alphabet could go back explained at a project meeting in Kazan²⁰ Prof. Dr. Aleksandr Garkavets (Ahmet Bajtursynov Institute of Linguistics, Alma-Ata) from Kazakhstan.

As for the instance we could take the collection of the German historian Leopold von Ranke (1795–1885). In his bequest are to find more than 10.000 books and manuscripts, amongst them writings of the Venetian diplomat Trevisian in Constantinople from 1551–1554. His Manuscripts "Ottomano primo Imperatore, dal quale la casa Ottomana ha avuto principio del nome..." are giving us informations concerning "manuscripts concists excerpts concerning (...) the Tartars between Don and the Volga".

¹⁹ Polo Marco; Ramusio, Giovanni Battista; Megiser, Hieronymus [Transl.] *Chorographia Tartariae: oder warhafftige Beschreibung der uberaus wunderbahrlichen Reise, welche ... Marcus Polus, mit dem zunahmen Million ... in die Oriental und Morgenländer, sonderlich aber in die Tartarey ... verrichtet ...* – Leipzig, 1611. p. 450.

²⁰ "Documents on the Tatar History and Culture in the Foreign Archives", Kazan, Marjani Institute for History, 2014.

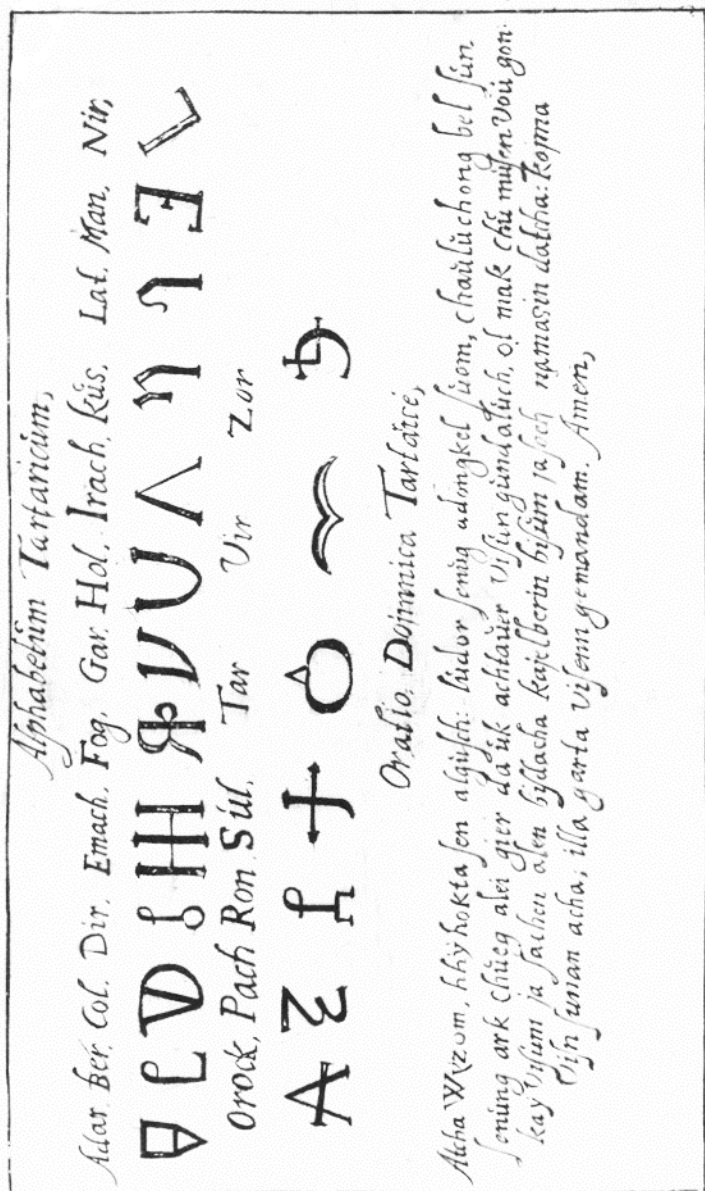

Figure 8. “Tatar alphabet” from Hyronimus Megiser's book (1611): <http://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/polo1611/0450>

The “Institutum Judaicum et Muhammedicum” in Halle as Mediator to the East²¹

In the beginning of the 18th century Halle²² was the center for the protestant “Pietist” movement. Especially in the context of the University of Halle new institutes were founded. The Institute of Judaicum and Muhammedicum was one of these. The object was the studies of oriental languages, translation of the protestant literature and the use of them for missionary purposes, even to evangelize the Tatars in Russia.

The main focus in Halle was on the professor of theology and founder of the orphanage in Glauchau, the so called Francke Foundations, August Hermann Francke. In 1702 his endeavor for a philologia sacra was followed by the founding of a “collegium orientale theologicum”, in which twelve theological scholars worked on translations of biblical texts into oriental languages, based on missionary interests. Thus, languages like New Greek, Arabic, Turkish, Persian, Ethiopian, Armenian and even Chinese are found on the study plan. Teachers such as Solomon Negri and Carolus Rali Dadichi also worked as teachers. In 1715 the theologian Johann Heinrich Callenberg came to the College, and learned to read and write in Arabic. Together with Negri and Dadichi he translated the pietistic basic texts into Arabic, but also Luther's “Kleiner Katechismus”, Freylinghausen's “order of salvation”, and Francke's “beginning of Christian doctrine”. He studied the Quran, which Negri previously translated into a Latin form. Callenberg continued his academic career in Halle. In 1727 he was appointed as an extraordinary professor of oriental languages at the University of Halle and in 1739 he became finally a professor at the faculty of theology. His interests were focused in an interest in linguistics and philology and other “oriental” realities, an interest in influencing the oriental churches and an interest in the mission of non-Christian populations in the respective countries.

²¹ All quotations taken from materials of the archive of the Franckesche Stiftungen in Halle. Under the file AFSt/H, K28 all documents concerning Tatars in Potsdam and missions to Tatars in Russia can be found.

²² This is here the city Halle on the river Saale in the state of Saxony-Anhalt not the Stadt Halle in Westphalen, West Germany. In Halle / Saale is also the oldest and most extensive library for oriental works is home. The library is an institution of the “Deutsche Morgenländische Gesellschaft” (DMG=German Oriental Society), founded on 2 October 1845 in Leipzig. Today the DMG has several hundred members worldwide. The books of the DMG library as well as archive material (about 64,000 titles) can be researched through the University and State Library of Saxony-Anhalt. http://bibliothek.uni-halle.de/zweigbib/ha1/bibliothek_dmg/ In the stock is for example an edited manuscript of the *Babur name* of Nikolai Ilminski (1822–1891), published in Kazan 1857 in Tshaghatay language with Russian forward. (“*Baber-nameh diagataice / ad fidem codicis petropolitani edidit N. Ilminski*”), Signatures in Halle: Bg 1061. 4; D Fa 3470, 4).

With the founding of the Institutum Judaicum et Muhammedicum in 1728 Callenberg created the first institutionalized, purely private donation-funded missionary enterprise in Protestantism. He thus also responded to suggestions from the numerous contacts of the Pietist movement in Halle especially to Eastern Europe and Asia. Thus, it was in a letter to Callenberg from Moscow as early as 1722: “That you have given yourself the trouble, the beginning christian Teaching translated into Arabic, I would be very fond of myself. There are many Tartars, and there are several more to come against the autumn, so that, at the expense of some of them, I may, at my expense, divest various supper by a Tartar clerk, and see what a fruit originates from it; Also give them some news of it”.

For Callenberg's institute, three men in Eastern Europe and Asia were involved, who would translate the translated scriptures to both Jewish and Muslim believers, so that they could decide to take a baptism in the nearest church. Among these three were the Georgian theologian Johann Georg Widmann, Johann Andreas Manitius, and Stephan Schultz, a student from Königsberg. They found support in the numerous sponsors and correspondents of the foundation in St. Petersburg and Königsberg.

The focus of mission and travel activity was in Poland, Russia and the Black Sea region. In all, more than a thousand Jews, especially in Poland, had converted to the Christian faith. It is more difficult to say, however, for Muslim converts, although the number of Turkish and Arab printed pamphlets was about 20,000 copies between 1728 and 1730. Callenberg distributed books to the institute, distributed wherever these writings were to be used, in which the scriptures should be in stock: the eastern focus is on the distribution of Arabic, Turkish and Persian literature.

In the corresponding directories are the places Tobolsk, Archangelsk, Astrakhan, exactly the centers of effectiveness with regard to the Asian continent.

One letter of the Potsdam military preacher Paul Pintzger on Callenberg must therefore have been more appropriate. In this Pintzger asked Callenberg for help to convert the mostly Tatar-Muslim soldiers, who were in Prussian service. The theologian answered this question in great detail, and three days after the writing of the question, sent on April 30, 1740. He sent, together with his reply, a large booklet of Arabic and Turkish literature to Potsdam to support the missionary intentions. But – of the Tatars located in the garrison of Potsdam only isolated soldiers remained after 1740 in the army.

1740. April. 30.

147

Muhammadani Potsdamenker misji
mel

- 1.) Kempis Arab. 1. 6.
- 2.) 1. Petr. 11. 11 - 25. turc. 6.
- 3.) Evangelii Johannis Juitae. turc. 6.
- 4.) Concilio Christi montana, turc. 6.
- 5.) Precatio Christi Pontific. turc. 6.
- 6.) Insuper contra Muham. Arab. 6.
- 7.) G. de novi Testamenti. auctoritate. Arab. 6.
- 8.) Frylinghski via salutis, Arab. 6.
- 9.) Franchii prima clem. doct. XI. Arab. 6.
- 10.) Catech. Lutheri minor, Arab. 6.
- 11.) de usufit. Lafani - 6.
- 12.) Colloq. Xpi cu Samarit. - 6.
- 13.) de Christi in vitam reditu. - 6.

Figure 9. List of the translations of christian books and tractates sent to the priest in the garrison in Potsdam to convert the Tatars in the Prussian army.
AFSt/H, K28, BI-147 ©ICATAT Archive Berlin.

IV

Times of change under Napoleon: Tatar-German intercultural contacts 1806–1815

The Napoleonic era in German-speaking areas represents a watershed in the history of Tatar-German cultural contacts. Until now, in the history only military contacts, contacts between missionaries and travellers and Tatars or diplomatic contacts were established. In the Napoleonic era, however, experienced thousandfold cultural contacts between representatives of the two peoples in everyday life, in the rural areas of the villages and small towns.

Thousands of Russia-Muslims (Crimean Tatars, Volga Tatars, Kirgiz and Bashkirs), Buddhists (Kalmyks) and other non-Russians (Chuvash, Udmurts, Yakuts) were quartered for months in German towns and villages, as well as in Saxony, in Thuringia and Brandenburg-Prussia, in the Altmark and Magdeburg.

For example, in 1813 around Magdeburg seven battalions Cossacks, Tatars and Bashkirs under the Russian General Rossy and the Prussian General Hirschfeld stationed for five months from December, especially in Westerhüsen (between 4 and 6 thousand Tatars, Kirgiz, Bashkirs and Kalmyks) and Olvenstedt (“mostly Kosaks and Bashkirs”)¹.

¹ Rieks, Johannes: Chronik Olvenstedt's. Magdeburg: Creutz, 1896.

ließ hier, wie überall, wo sie einkehrten, nur wenig ehrenvolle Denkmäler zurück. — Die Baschkiren, mehr Thiere als Menschen, kündigten sich uns als schreckliche Fresser an und suchten durch Übermaß im Branntweintrinken sich zu entschädigen für die Entbehrung des Kümüß, eines bezauschenden Getränkes, welches die Heimath ihnen aus Pferdemicch bereitet. Sie starrten von Ungezieser und

115

Schmutz, verwandelten die reinlichsten Stuben, in denen sie einquartiert wurden, sehr bald in Höhlen des Schmutzes, nahmen es aber auch nicht übel, wenn der freie Himmel ihnen als Obdach angewiesen wurde. Sie führten Bogen, Pfeile, Lanzen, mit denen sie, da die Jagd ihr Hauptnahrungszweig ist, sehr geschickt umzugehen wußten, ritten auf kleinen, dem Anscheine nach höchst dauerhaften Pferden, welche mit hohen hölzernen Sätteln belegt waren, waren mit schlechten Lumpen bedeckt und erinnerten uns durch ihre oft wiederholten, religiösen Gebräuche, daß sie Muhamedaner waren. Sie gaben uns gegründeten Anlaß, an ihrer Brauchbarkeit im Kriege mit gesitteten Völkern zu zweifeln. Alexander, an dessen humanen Sinn wir so gern, so fest glauben, schien sie uns bloß zugeführt zu haben, um uns zu zeigen, daß sein Scepter bis tief in Asien reiche und um diesen Halbmenschen Gelegenheit zu verschaffen, einige Funken lichtvollerer Regionen aufzufassen und mitzunehmen in ihr düstres Vaterland. Möchte Gardelegen doch nie wieder Kosacken und Baschkiren sehen, nicht als Freunde, noch viel weniger als Feinde!

Figure 10. Facsimile taken from: Bauke, David: *Mittheilungen über die Stadt und den Landrätlichen Kreis Gardelegen*. (News concerning Gardelegen and Gardelegen county). Gardelegen: Selbstverlag, 1832, p. 113–115. (City archive of Gardelegen, Saxony-Anhalt).

The German word “Selbstverlag” means “self-published” and describes a particular constellation. The author published the work without the support of a publishing house, often appear as small regional or books with very specific topics. Often exist only two copies of such books in regional archives or are privately owned.

In many anecdotes and stories concerning regional history these foreign soldiers are mentioned.

These are quite ambivalent: From excited and curious to fearful and full of stereotypes. This is indeed also true to the participants of other nations in the war-participating armies. Even French, Swedish, Poles and Hungarians were atrocities or exploits attributed, depending on configuration, the friend-enemy situation.

Beside a passage from the Altmark is to read (citation: "The Bashkirs, more animals than people, is announced to us as a terrible eater and searched by excess in drinking spirits to compensate for the deprivation of Kumys, an intoxicating drink, which is the home prepared for them from horse milk. They stared vermin and dirt; transformed the painful rooms where they were quartered, very soon in caves of filth, it took but not bad when the free sky was instructed them as shelter. They carried bows, arrows, lances, with which they, as hunting is their main food branch, very cleverly knew to deal, rode on small, apparently highly durable horses, which were covered with tall wooden saddles were covered with poor rags and reminded us that they were Mohammedans by their often repeated, religious customs". Taken from Bauke, p. 115). Bashkirs, Cossacks and Tatars of the Russian army were billeted on her face to the west, northwest and back for a long time there.

Here are just a few examples, some quotes presented related to Tatars in the Napoleonic era in Germany. Such chapters in regional books, articles in magazines would be useful to issue in Reprint. Many regional archival records are often still unpublished.

Friedrich Meinecke, after whom was later named the Institute of History at the Free University, for example, came from Salzwedel, where his father was postmaster. In his parents' house after the liberation of the Napoleonic occupation soldiers of the Russian army were quartered. In his memoirs he writes amused by his father's childhood and the mounted Tatars and Cossacks, as they let him ride on a donkey, and her little horse bathed in the river Jeetze behind the father's house. "Mother, may I go along with the Cossacks?" asked the little Friedrich senior and got the casual reply, go just go. A packed sandwich and an Easter egg, Friedrich is then with the warriors from the house. Had him the maid not later captured, who knows "what would have happened to me probably when the Cossacks had taken me", mused the old Meinecke.

Sentiment towards the Tatars was partly directly euphoric at this time. For this is a contemporary example also from the hometown of Friedrich Meinecke: "... There was this Russian cavalry detachment of one officer and about twelve to twenty men: Tatars, Bashkirs, armed only with bows and arrows and individual irregular Cossacks. We had such great confidence in this stranger that nurses and mothers their children lactating these guests on horseback in order to make

them kiss...”², because they and the Kalmyks would probably put more decorum and good manners to the day than the Russians, although the consumption of alcohol at all these soldiers was quite high.

To this wrote Waldemar Uhde, a dialect poet from Börde region near Magdeburg: “But with this Bashkirs were three Russian Landwehr people who Drushinen were called. Because they reasonably understood German, they had been allocated to the wild Tatar soldiers as interpreters. One can say that the Bashkirs decent behaved than the articulately Drushinen. The three Russian Landwehr people were the specters of the whole village”. This book was written in Low German language (Plattdeutsch/Niederdeutsch). As already mentioned in Chapter *Teutonic order and the offspring of Tokhtamysh Khan*, in Germany there are two languages and dozens of dialects. For translations into High German and / or English and Russian or transcriptions of such texts specialists can be obtained from our partner Institute as mentors. To get an idea of the otherness of the source language here follows an original quote in Low German analogous to the facsimile of the Book of Uhde³.

Low German: “*Bi disse Baschkiren awer waren drei russische Landwehrlühe [...] de Druschinen heiten dhaun. Weil de hallewegs Dütsch verstunden [...] waren sei de willen Tatersoldaten as Dolmetscher taudeilt worden. ... Man kann [...] seggen, datt sick de Baschkiren anständiger benähmen dhaten, as de sprakkunnigen Druschinen. ... de drei russischen Landwehrlühe sind de Schreckgespensters vont ganze Darp west*”.

High German: “*Bei diesen Baschkiren aber waren drei russische Landwehrleute, die Druschinen genannt wurden. Weil sie halbwegs Deutsch verstanden, waren sie den wilden Tatarensoldaten als Dolmetscher zugeteilt worden. Man kann sagen, das sich die Baschkiren anständiger benahmen als die sprachkundigen Druschinen. Die drei russischen Landwehrleute waren die Schreckgespenster des ganzen Dorfes*”⁴.

² Danneil, Johann Friedrich: *Die ersten Kosaken in Salzwedel (nach der Handschrift)*. In: *Der Altmarkbote*. Salzwedel, 1958, p. 6; see also: (same): *Die ersten Kosaken in Salzwedel*. In: (Schmidt, Hans H.F.) *Die Altmark. Ein Lesebuch*. Rostock: Hinstorff, 1988, p. 119/120.

³ Waldemar Uhde: *Dat Russenjahr (1813). Geschichte von ein Bördedarp un sine Lühe* (The year of the Russians (1813). A history of a village and its people). Leipzig: Lenz, 1913.

Some very rare books, there is this book only eight times in Germany, partly no longer be borrowed, because it is too old. One is to find at the National Library in Leipzig (Permalink <http://d-nb.info/576723479/> Signatur: 1913 A 961) another one at the County Archive Saxony-Anhalt in Magdeburg (Signature). Other copies are use to find in Hannover (Lower Saxony State Archive / Niedersächsisches Landesarchiv) as well as in depots in Göttingen, Kiel, Herne, Rostock and Berlin (Signature of State library Yc 3193/3753<a>).

⁴ Waldemar Uhde: *Dat Russenjahr (1813). Geschichte von ein Bördedarp un sine Lühe*. Leipzig: Lenz, 1913.

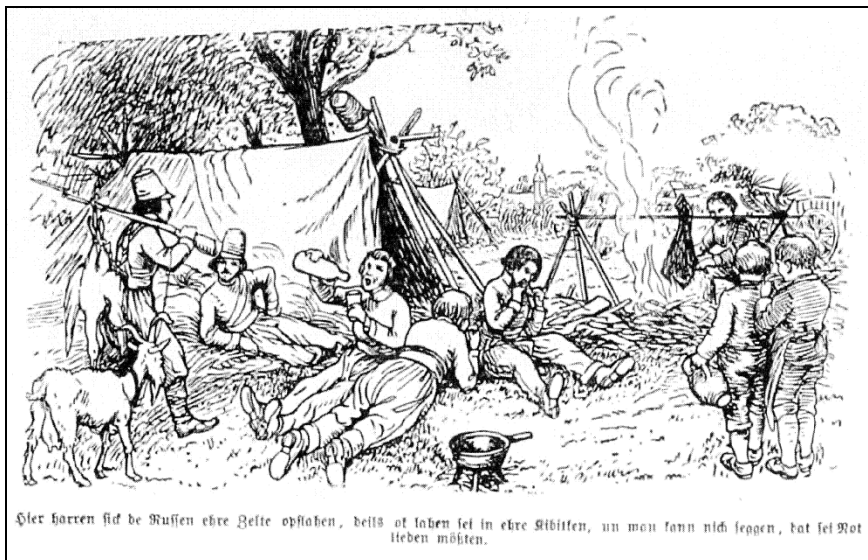

Figure 11. Waldemar Uhde: *Dat Russenjahr* (1813).
Geschichte von ein Bördedarp un sine Lühe (The year of the Russians (1813).
 A history of a village and its people). Leipzig: Lenz, 1913.

Montagsblatt

Das Heimatblatt

Mitteldeutschlands

WISSENSCHAFTLICHE BEILAGE

DER MAGDEBURGISCHEN ZEITUNG

Nummer 28

MAGDEBURG, 10. JULI 1933

75. Jahrgang

Die Externsteine im Osning

Das Haupt-Heiligtum der alten Germanen. Von Sigismund von Gleich

Wer von Bad Meinberg ober Detmold in der Richtung auf die Stadt Naderborn zu den Höhen des Teutoburger Waldes wandert, kommt dicht vor dem Anfänge in den Bergwald durch das alte Städtchen **O r n** und steht als-

baud überrückt und er-griffen vor dem gewiß erhabensten Naturdenkmal von ganz Norddeutsch-land. Vor seinen Blicken ragen im Walde fünf mächtige Säulen - Felsen zum Himmel empor: die Externsteine. Sie sind

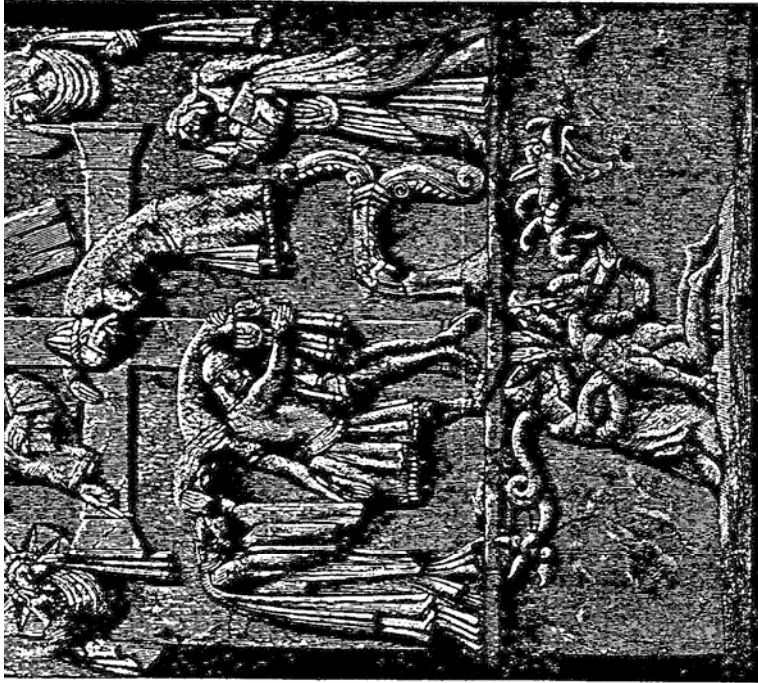
am rechten ebenso der Mond. Unter dem Kreuze sieht man zwei Gestalten, offenbar Mann und Frau (Adam und Eva?), von einem Schlangendrachen fest umschlungen und aufammengebunden.

In beiden Seiten des herrlichen Bildwerkes sieht man Gänge in Felsen hin- ein und erweiteren sich dort zu einem Kulkraum. In diesen Felsen ange- schaut befindet sich etwas absteigend ein in einen Felsblock eingeschauenes

Figure 12. Paper published in "Monday News, Middle Germany's Native Gazette. Scientific supplement of the Magdeburg Newspaper", printed by Faber. Article here: "Napoleon's stay in Magdeburg on 12 and 13 July 1813 and his travel habits at this time", written by Rudolf E. Grotkaß, printed in Nr. 28, 10. July 1933, p.221/222, Nr. 29, 17. July 1933, p. 230/231 and Nr. 30, 24. July 1933, p. 238/239, taken from archive of the library at the Otto-von Guericke-University Magdeburg, sign.: FGSE-IGER-1 / ZDB-ID 9972535

zum Himmel empor: die
 Erbsensteine. Sie sind
 kirchlich zum Ratio-
 nalisentum erklärt
 worden.
 Am Fuße des mächtigsten
 dieser Felsen fällt ein Me-
 nistlerischer Meise auf.
 In den Felsen eingebau
 ist das Relief einer Kreuz-
 abnahme von über drei
 Meter im Quadrat Größe.
 Der Leib des Erlösers
 ruht auf den Schultern
 des Joseph von Arima-
 thia, der nach der Sage
 in der Grabschale das
 Blut Christi aufbewahrte.
 Er steht links vom Kreu-
 zestamm. Ihm zur Linken
 steht die Mutter Maria,
 die ihr Haupt trauernd
 auf das Haupt des Ge-
 kreuzigten beugt. Rechts
 vom Kreuzestamm kniet
 auf einem eigenartig zum
 Sessel umgekehrten baum-
 artigen Gebilde, Nikode-
 mus, der den Leib des
 Herrn auf die Schultern
 des Joseph herabgelassen
 hat und sich nur schmerz-
 erfüllt am Kreuze fest-
 hält. Ueber dem linken
 Kreuzesbalken blickt auf
 des Vaters (oder des geistigen Christus?), der die Auf-
 erschungssehne und ein Kind in seinem Arme hält. Am
 linken Kreuzesbalken trauert, sich verhillend, die Sonne,

den Reichen herab die Gestalt
 Mer auch nur eine Ahnung davon hat, wie die alten
 Deutschen die göttlichen Mächte, die in der Natur walten,
 im Zusammenhang mit erhabenen Naturdenkmälern,

nordöstlicher Richtung auf die Weinburger Hügel fällt.
 Mer auch nur eine Ahnung davon hat, wie die alten
 Deutschen die göttlichen Mächte, die in der Natur walten,
 im Zusammenhang mit erhabenen Naturdenkmälern,

abwärts in einen
 Felsblock eingehauenes
 „Grab“, passend für eine
 menschliche Gestalt, von
 einem Kreisbogen über-
 wölbt. Links von dem
 beschriebenen Felsen, der
 nach der anderen Seite
 sich zu einem idyllischen
 Waldsee abfällt, steht der
 am meisten einer Säule
 oder einem Turm glei-
 chende, höchste (etwa 40
 Meter hohe) Felsen. Vom
 benachbarten dritten Fel-
 sen, den man durch Stufen
 besteigen kann, führt
 eine kleine Brücke über
 den Abgrund auf die
 Spitze dieses ragenden
 Felssturmes; diese ist zu
 einem zweiten Kulturraum
 ausgehauen; man ge-
 wahrt, daß er früher oben
 ganz geschlossen war und
 erst durch spätere Ab-
 sprengungen nicht von
 oben erhalten hat. Im
 Kulturraum steht ein Flei-
 nes säulenartiges Märl-
 den, daher ist ein kreis-
 rundes Loch von Sonnen-
 oder Mondgröße in den
 Felsen geschlagen, durch
 welches der Wind in genau

Here we find informations about the daily life of Rustem Raza, the personal mameluke of Napoleon as well as concerning captured Tatars and Bashkirs in Magdeburg. Rustem, born in Caucasus and sold by the Ottomans to Egypt was not the only Muslim in Napoleon's army. Even hundreds of Lipka-Tatars served in his imperial guard and were quartered for months in central Germany.

A part of the Tatar-German written cultural heritage from the beginning of the 19th century are also non-archival materials focusing on troopers in Central-Germany – a still existing materialized history: like memorials, graves and dedications. Especially nearby old battlefields of the Napoleonic Wars graves of Tatars or Bashkirs could still be found. Mostly these are reconstructions or, multiple renovated. But they are customized in local common memory to this day and therefore also fixed in chronicles, letters, poems, songs, postcards, photographies, receipts, ... and so on. How useful this could be for historical investigations, shows the example of the so-called Tatar grave nearby Kleinbeucha, south-east of Leipzig. Indeed, it is about an Islamic resting place and not a grave in the general sense, which recalls a just namely known officer Yusuf, who probably died in context of the Napoleonic Wars. The dedication mentions the man: “Yusuf, son of Mustafa”. An older inscription mentioned also the word “roku”, a more polish sounding word, so that there is a very high probability, that it was a Lipka Tatar from the Polish-Lithuanian regions in the Baltic. Through the centuries, the grave and story of Yusuf, the Muslim officer from the east has entered regional history as Saxon mythology and a part of everyday culture. In the regional history of local native researchers Yusuf is sometimes described as Bashkir, Russian, Turk or Tatar who came from the distant steppes of Mongolia or the southern expanse of Russia. The inscription on the original gravestones included the dedication: “1813 roku Wachscheff – Yusuf, the son of Mustafa, the good-natured and brave” followed by “Nothing is good except God and Muhammad is the Prophet of God”. At the beginning of the 18th century Polish Tatars served in the Saxon army, when Saxon and Poland were ruled in personal-union by the Saxon Electors. 100 years later, as mentioned before, Tatar horsemen from Poland-Lithuania served in both the Napoleonic army and the armies of the Allies. Soldiers of the Lipka Tatars, under the command of Captain Sultan Ulan and Lieutenant Hassan Sultan Ulan, took part in the battles near Leipzig and Dresden and then after the end of the war served in army of Alexander I.

Russischer

Kourier.

Mittwoch, den 14. April 1813.

Hamburg, gedruckt bei Conrad Müller, Nikolai Kirchhof Nro. 122.

Hamburgs neue Bürgergarde.

Das Feuer der Vaterlandsliebe und der Bürgerthugend, angefaßt durch den Heldenmuth und die Ermunterungen unseres verehrungswürdigen Befreiers, Sr. Excellenz des Herrn Generals, Baron v. Tottendorff, lodert mächtig auf in der Brust vieler braven hamburgischen Männer. Tausende ergreifen die Waffen, tausende üben sich in denselben von Anbruch des Tages bis zum Niedergang der Sonne und ein im Kriegsdienst erfahrener, talentvoller, kenntnißreicher Mann, der sein persönliches Wohl, sein Leib und Leben für Hamburgs gute Sache zu opfern bereit ist; — steht an ihrer Spitze!

Demüthigter giebt es noch Menschen, die aus niedrigem persönlichen Interesse, aus kleinlicher Habsucht der wichtigsten, der heiligsten Sache: der Vertheidigung ihrer Vaterstadt und ihres Vaterlandes im Stillen entgegenarbeiten und manchen Bürger, der seinen inneren Beruf, sich den Reih'n der Vaterlandsvertheidiger anzuschließen, fühlt, durch heimliche Mänke davon abzuhalten bemüht sind. Es ist unlängbar, daß sich die bisherige Bürgergarde bei den am 24. Februar d. J. ausgebrochenen Unruhen rühmlich ausgezeichnet und Verdienste erworben; auch daß Hamburg damals dem edlen Eifer und der Rechtschaffenheit seiner Bürger die schmerzliche Herstellung der Ordnung und Sicherheit zu verdanken hat, indem die wohlbedenkten und geacht-

ten Männer, selbst die Mitglieder des Rath's, es nicht unter ihrer Würde hielten, Schildwache zu stehen und Patrouillen zu machen; allein damals war nur von Zerstreuung eines zusammengekauften Volkshaufens die Rede; wezu es nur des Ansehens der vorzüglichsten Bürger bedurfte; — hätten wir daher bloß die Aufrechterhaltung der inneren Ruhe zu berücksichtigen, so könnte auch unsere Bürgergarde, nach Abstellung ihrer bisherigen Mißbräuche, in ihrer alten Verfassung verbleiben.

Jetzt aber, in dieser eisernen, entseßlichen Zeit, wo uns Tod und Verderben, Schmach und ewige Sklaverei drohen; wo der Tyrann, der uns, mitten im Frieden und ohne Schwedensreich unterjochte, uns für Rebellen und für vogelfrei erklärt hat, weil wir unsfere Gerechtfame als Menschen wieder geltend gemacht, weil wir uns in unser altes, von ihm mit Füßen getretenes Recht wieder eingesetzt haben; — jetzt, in dieser gefahrvollen Lage reicht eine, nach Bequemlichkeit ihren Dienst verachtende und in den Waffen durchaus ungeübte Bürgergarde zu unserm Bedenken keinesweges hin. Nur deutscher Muth, nur deutsche Knochen, nur Pulver und Blei, Schwerdt und Pflze gewähren uns Rettung, gewähren uns Sicherheit! — Man achte die Macht des Tyrannen nicht zu gering und schläferne sich nicht durch die Eihildung seiner Ohnmacht ein; (die früheren, durch die zu große Sicherheit herbeigeführten Schicksale der Preußen

Figure 13. Russian Courier, Wednesday, 14. April 1813, Hamburg/Germany, printed at Printing Manufactory Conrad Müller (Hamburg). Taken from ICATAT-Archive, inv. Nr. 1813-I-opm-4S. By dint of this newspaper written by members of the Russian Army the anti-Napoleonic allies tried to bring the view of the Russians and the culture of the Eastern people closer to the common people of Germany. The relevant article here is titled: "Festival of Tatars, given by Marshall Suwarow". The Field Marshal Suvorov was a bitter enemy of the French, and wrote in 1794, after he had conquered Warsaw, to Catherine II: "Mother, let me march against the French!" The article describes very euphemistically as Suvorov in 1782 on behalf of Catherine the Crimean Tatars the homage, the oath decreases to the Czarina of Russia. All Crimean tribal leaders were summoned. On the part of the new rule 32000 Maass brandy, 800 sheep and a hundred oxen were donated.

Figure 14. Tatargrave nearby Leipzig in Kleinbeucha.
Foto: ©ICATAT Archive Magdeburg.

A international conference in 2013 brought scientist from different faculties and countries together. Nearby Kleinbeucha began a discourse which resumed different perspectives, sources, interpretations and conclusions – preserving local history and creating data for further investigations in a wider spread, transnational context⁵.

⁵ Hotopp-Riecke, Mieste, Theilig, Stephan (Eds.): *Fremde, Nähe, Heimat. 200 Jahre Napoleon-Kriege: Deutsch-Tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen*. Berlin, 2014.

Figure 15. Since the 19th century neighbors from Kleinbeucha have been taking care of the tomb of Yusuf, son of Mustafa. As soon as tombstones and signposts weather, these stone and wood artefacts are archived and replaced by new signs and gravestones. Top of the page: Wooden sign 21st century, middle: burial plate from the 1980s; Bottom: informational wooden sign in the late 1990s. ICATAT Archive Magdeburg.

The long 19th century

While solely because of their mass, the source location to the Tatar-German encounters is quite good in the Napoleon time, other time periods and events of the 19th century are far less documented. These additional sources for so-called long 19th century have not yet been developed, discovered and/or published. As an example, this also applies to the legacies of German artists, travel writers and scholars who were staying in Tatar settlements in the 19th century. One of these was Wilhelm Kiesewetter. The director of the “Museum of European Cultures” in Berlin, Dr. Elisabeth Tietmeyer, writes in her book “Kiesewetter's ethnographic travel pictures”: “In general, the written sources concerning his biography are proving to be quite sketchy. Most activities that describes Kiesewetter in his book, previously could not be confirmed by other sources so far. Also, there are large gaps in information regarding his person”⁶.

One cause for this is the change of inner-european perspectives. This fundamental cultural-historical transformation originated in the industrialization of Central Europe, the beginning of Ancient Studies and Classical Archaeology flanking the imperial colonization attempts especially of France and Great Britain. The focus on sciences, culture, music and literature westernized. Indeed, there was a still continuous interest into the east. Germany and especially Prussia was through the centuries well-connected to Poland and Russia. But now the interests concentrated more in industrial innovation in the own western parts, namely the Ruhrgebiet. The diplomacy as well was westernized in behalf of economic interests. This means, that there have to be more attention in investigation of Tatar-German resources in this period. Especially the mentioned transcultural transformation processes has to be analyzed and seen as bidirectional processes. The fact, that at the beginning of the 20th century the Tatar-German relations are continuing in a pre-modern intensity, can only be interpreted as a continuum of the relations.

⁶ Tietmeyer, Elisabeth: The painter Wilhelm Kiesewetter in the Crimea (1845–1847). In: Kellner-Heinkele, Barbara / Gierlichs, Joachim / Heuer, Brigitte (Eds.): *Islamic Art and Architecture in the European Periphery. Crimea, Caucasus and the Volga-Ural-Region*, Wiesbaden: Harrassowitz, p. 109–116.

V

Tatars to the Front! Secret Diplomacy and struggle for independence (1914–1918)

Similar to the time of Napoleon wars one century before, there were observed again ten thousands Muslims during the First World War in Germany. However, now the Tatars, Bashkirs, Kirgiz and Kazakhs were only part of a large group of Muslims. This group comprehended also Muslims of the British army from India and North African Muslims of the French army. In contrast to 19th century such direct contacts with the population of German speaking areas as a hundred years before did not happen, because the Muslims were now not quartered interned as liberators in German flats and houses, but as a prisoner of war in camps far away from villages and towns.

This period of Tatar-German history has been studied and described quite well, but there are still untold stories too. One of the first researchers to deal with Muslim prisoners in the First World War in Germany was the East German Orientalist and Islamic Scientist Prof. Dr. Gerhard Höpp (February 4, 1942 in Berlin, December 7, 2003)¹. He gathered and analysed several material from the time of the First World War, but died much too early and in the middle of his work. The estate of Prof. Höpp is now in the Center of the Modern Orient in Berlin. There are only 123 crates with research material stored there, 15 crates with archives for Muslims in Germany during the First World War, e.g. documents of the “Association for the Support of Russian-Mohammedan Students”². In addition to unprocessed sources by Prof. Höpp, there are artefacts also invite to research, which are collected in the virtual collection “Europeana”³. The project “www.Europeana.eu” is a EU-digital-platform for cultural heritage. Mona Lisa by Leonardo da Vinci, Girl with a Pearl Earring by Johannes Vermeer, the works of Charles Darwin and Isaac Newton and the music of Wolfgang Amadeus Mozart for instance are some of the highlights on Europeana, and of

¹ Höpp, Gerhard: *Muslime in der Mark als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924*, Berlin: Zentrum Moderner Orient. Das Arabische Buch, 1997 and Höpp, Gerhard (Eds.), *Fremde Erfahrungen. Asiaten und Afrikaner in Deutschland, Österreich und in der Schweiz bis 1945*, Berlin, 1996.

² A list of his bequest online under URL: http://www.zmo.de/biblio/nachlass_hoepf_web.pdf. A free electronic search engine under URL: https://www.zmo.de/biblio/Projekt_elektr_Findb.htm [22.12.2016].

³ For instance the virtually collection “Europeana 1914–1918. – untold stories & official histories of WWI”. This public archive is hosting stories, films and historical material about the First World War and is collecting also private material concerning family history. Europeana 1914–1918 mixes resources from libraries and archives across the globe with memories and memorabilia from families throughout Europe, to find under URL: <http://www.europeana1914–1918.eu/en>

course amongst them also Tatar material. More than 3,000 institutions across Europe have contributed to the Europeana-collection. These range from major international names like the Rijksmuseum in Amsterdam, the British Library and the Louvre to regional archives and local museums from every member of the European Union. Together, their assembled collections let users explore Europe's cultural and scientific heritage from prehistory to the modern day, and as an integral part of European culture the Tatar intellectual and material heritage. This is true not only of literature and exhibits such as photos, herbaria and paintings from the period of the First World War, to which this chapter is dedicated, but for all epochs of European culture.

Besides that like in a shadow of already well-known facts and sources of Tatar-German history there are to find much more undiscovered, forgotten or underestimated sources concerning our common past. For instance, we know about the history of Tatar POW's, Prisoners of War, of the First World War in Camps like Wünsdorf nearby Berlin, Havelberg or at graveyards like those behind the Martyr-mosque in Berlin. Nevertheless, knowing these facts and places we ignore mostly the regional archives and new internet-based tools for investigating the history of the First World War concerning buried Tatar soldiers or even the history of Tatar-German relationships at all. In order to be able to teach history for a better understanding of different people with migrant background from Muslim countries, from Russia, for the national minorities of Germany or even Germans and Tatars we are using successfully since a couple of years new interdisciplinary approaches. We are combining elements of Turkology, onomastics, stereotype research and regional history in order to get new accesses to our target peer groups: Pupils in and outside schools, Students, scholars and adults in the landscape outside the urban centres, in villages and small towns. For getting the attention of the public audience we want to use and show always interesting materials from the region where the peoples live. That way the German people have a better understanding and easier access to such less well-known issues like Tatar-German history.

New tools & new sources for new outcomes

Therefore we are using different old files in Archives as well as new tools of the world wide web. In Germany are existing different levels of Archive systems as well as other state institutions where are to discover historical sources concerning Tatar prisoners of war of the WW I. There are the classical Federal Archives and county based archives. But even in regional archives or archives of small private museums or in many municipalities and land registry offices are to find sources concerning Tatar soldiers in Germany. And there are new internet based tools too, which we could use for research. So we have to combine old written and printed sources with this new internet data bases. We presented already here in Tatarstan as like as in Finland, at Crimea, in Poland and Germany

some documents from 16th to early 20th century discovered through exact research and stringently combined new tools of analysis in the Secret Prussian State Archive or even taken from the Political Archive of the Ministry for foreign affairs. Two different other divisions of documents in context of Tatar-German history show the multiple range of sources. First there are small booklets or reports of the International Red Cross or field commissions conducted by Christian priests. For instance the clergyman Correvon is mentioning in his report the well known camp in Zossen-Wünsdorf but doing this, his report is giving a general overview concerning all camps all over Germany too. In the same manner, the report of the Danish-Russian Red Cross-Commission is giving a more detailed report and such way one can read for example that there was a special regime for cooking at the prisoners camp of Havelberg. There were just 5 or 6 Muslims and a few dozens Jews amongst thousands of orthodox Christian Russians and a few Catholics and Protestant Christian. But in the bakery and kitchen of the camp were prepared separated foods for Muslims, Jews and Christians.

Sometimes its wondering why such details were counted and published for instance in the report of the Russian-Danish Red-Cross-mission. Perhaps it depends on the build-up of such a commission. In the Danish-Russian Red-Cross-mission for example worked a Lady named Praskowie Kazem Beg⁴. Maybe she is a relative of the famous orientalist Alexander Mirza Kazem Beg, but anyway because of her family Muslim background she probably looked more explicit for minority respectively Muslim and Jew issues in the framework of this mission. Beside usefully information one also can observe some racist stereotypes like this: *“There was a colourful mix of prisoners in these camps: The teeth bared Nigger from Senegal, who sometimes as cannibal probably eat men meat before wearing the French military dress. There were vegetarian Turko’s, French business men, Dutch toothless dockers with younglings on their sides, who had enormous appetite; The easiest prisoners to feed were the Russians: The essential thing for them was the huge quantity of meals, not the kind of quality...”*⁵.

Like mentioned above, additional research in archives of regional Museums is desirable: a sheet taken from the regional archive of the Wesel-Voerde county showing entrées of Muslim Soldiers from Russia, died in the camp of Friedrichsfeld near the Netherland-German borderline. They host in such regional archives not only documents but also a huge bulk of photographs like pictures taken inside the camp regarding cultural activities like theatre and daily life of the prisoners.

⁴ See: *Berichte der dänisch-russischen Kommissionen zum Besuch der Gefangenenlager in Deutschland* (Reports of the Danish-Russian commissions on the visit of the prisoners of war camps in Germany) Nr. 4351/16. U 5/2. Kopenhagen / Berlin: Dänisches Rotes Kreuz, 1915.

⁵ See: *“Aus deutschen Gefangenenlagern II”*, p. 26.

A quite usefully tool for doing researches in contexts of missed prisoners of war are the databases of the German War Graves Commission (Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge) a German non-governmental organisation. Under the headline “Never should a mother cry for her son again” this NGO invested millions of Euros for investigation, rebuilding and documentation of graveyards – anyway for Germans or their former enemies – not only in Germany, but also in whole Europe. Its objectives are: “acquisition, maintenance and care of German war graves”; “tending to next of kin”; “youth and educational work” and “preservation of the memory to the sacrifices of war and despotism”. One can use their data base by using surnames, places of birth or personal data like birthday. You can give some of such basics and the online-programm is giving all informations concerning the missed soldier, if his data are already written into the data base. In this way graves of Tatar soldiers were found in the cities of Parchim, Friedrichsfeld, Gardelegen, (Havelberg), Potsdam, Berlin, Bensheim, Nauen, Dresden, Schwabstadt, Puchheim, Ulm, Cochem, Saarlouis, Traben-Trarbach and many places more – it means all over Germany. This was just a preliminary survey, one has to go step by step through the whole data bases in order to get concrete knowledge about quantity and quality of these Tatar graveyards in Germany.

The NGO-members are doing a real good job, but sometimes small mistakes also happened. For example in the case of Parchim, Gardelegen, Puchheim and some other places there are to read inscriptions like: “Here are buried Russian soldiers – Здесь покоятся русские военнопленные” also in Russian language by ignoring the term “rossiyski” but using the word “russki”. But anyway the collaborators gave the Russian Christian tombstones the orthodox cross and no cross but also no other symbol to the tombstones of Muslim soldiers.

Artefacts, which manifest themselves in the memory landscape of Tatars and Germans, as well as physically visible in German towns and villages, form these various tombstones and memorials, which still require research.

But lets return to printed sources and Tatarica-relevant biographies in context of World War One. As one more interesting issue there are bequests, letters, photographies, manuscripts of Friedrich Schrader, better known under his Ottoman pseudonym Ishtiraki (Arabic/Ottoman “the socialist”).

Friedrich Schrader⁶ studied Philology and Oriental Studies in Magdeburg and Halle, spoke two dozen languages and published mainly in the Ottoman Empire. His contacts with Tatar, Armenian and European intellectuals make him very interesting for Tatarica researchers too, especially since he was also very interested in Panturan / Panturkic ideas and criticized those rising ideologies. He

⁶ Friedrich Schrader (* November 19, 1865 in Wolmirstedt near Magdeburg in Prussia; † August 28, 1922 in Berlin) was a German philologist of oriental languages, orientalist, art historian, writer, social democrat, translator and journalist. He lived from 1891 until 1918 in Constantinople (today Istanbul).

criticized scholars such as Vámbéry (Hungarian Orientalist and Zionist and scientific advisor to Theodor Herzl) and Friedrich Max Mueller (Indo-scholars like Schrader and inventor of the term “Aryan”) by exporting ethno-nationalist ideologies to the Middle East (Zionism, Panturanism) without any understanding of the complex social structures of the real Ottoman society, with simultaneous collaboration with the oppressive dictatorial regime of Abdul Hamid. In the years 1907/08, Schrader worked in Baku and studied the fire temple culture of the Pars people as well as dealt with the Tatar language (probably Azerbaijani, but we do not know exactly).

In the context of Schraders work and life we come across another interesting publication: The book “Germany and the Orient. Tatar library nr.1”, written in 1918 (see illustration below)⁷.

Also the estate of a contemporary of Friedrich Schrader, namely Martin Hartmann, would be interesting for Tatarica researchers. Hartmann's collected correspondence may contain letters and manuscripts of Tatar intellectuals, which he met in Istanbul, and which Schrader probably had met too⁸.

In 1916, Max Rudolf Kaufmann, a close associate of Schrader, was first deported to Ankara because of his critical attitude towards Turkish militarism and minority policy, and then deported to Germany, where Eugen Mittwoch gave him a place at the “Nachrichtenstelle für den Orient” (News Agency for the Orient), which published several publication.

The Intelligence Bureau for the East (German: Nachrichtenstelle für den Orient) was a German intelligence organisation attached to the German Foreign Office established on the eve of World War I dedicated to promoting and sustaining subversive and nationalist agitations in the British Indian Empire and the Persian and Egyptian satellite states. The Nachrichtenstelle was headed first by archaeologist Baron Max von Oppenheim. Aside from Oppenheim himself, recruits to the Bureau included Franz von Papen, later briefly the Chancellor of the Weimar Republic, Wilhelm Wassmuss (sometimes referred to as the German Lawrence of Arabia), Gunther von Wesendonck, Ernst Sekunna and others. Oppenheim was replaced in 1915 by Schabinger von Schowingen, and later in 1916 by Eugen Mittwoch, internationally the most respected and prestigious German orientalist (and also a respected Orthodox Jewish scholar), who recruited more liberal and cosmopolitan people for the Nachrichtenstelle such as Friedrich

⁷ Friedrich Schrader, was a correspondent for “The New Orient” and published, for example, *The art monuments of Constantinople*. In: *The New Orient* Vol. 5, 1919, pp. 302–304 and 352–354. So far only the number 1 of the Tatar Library has been found. But did more journals appear in the series “Tatarische Bücherei” and where the written legacy of Schrader remained?

⁸ Martin Hartmann: *Unpolitische Briefe aus der Türkei: Der Islamische Orient – Berichte und Forschungen* (Vol. 3) (Apolitical Letters from Turkey: The Islamic Orient – Reports and Researches), Leipzig, Verlag Rudolf Haupt, 1910.

Schrader, his Swiss associate Max Rudolf Kaufmann or the young Nahum Goldmann (later President of the World Jewish Congress).

Under the leadership of the also internationally highly respected Eugen Mittwoch (who founded the semitic department at Hebrew University in 1924, and worked for British Intelligence in World War II, after he had to flee to London from Nazi persecution), the Nachrichtenstelle, which had to deal with the failure of the initial subversive campaigns, pursued a more rational, scientific approach, e.g. by publishing the respected quality journal “Der Neue Orient”. In 1918, the total staff consisted of 59 persons, including some lawyers and messengers. The German employees were mostly Orientalists, diplomats or journalists.

Interesting papers on the contacts of Abdurashid Ibrahim, the camp imam of Wünsdorf and the secret service of the German Empire, files on the financing of a Tatar student club in Helsinki, or the controversial discussion on the use of Tatar prisoners of war behind the enemy lines in the First World War are to find today in the Political Archives of the Federal Foreign Office of the Federal Republic of Germany in Berlin.

Kriegszeit – Künstlerflugblätter was a German artist magazine founded in 1914 by the artist and publisher Paul Cassirer with the collaboration of Alfred Gold. He published original lithographs by German artists, who were mostly members of the Berlin Secession and who were close to German Impressionism. The predominantly nationalistic martial-affirmed lithographs of Max Liebermann appear, in addition to works by Ernst Barlach, Max Beckmann, August Gaul, Willy Jaeckel, Käthe Kollwitz, or Wilhelm Trübner, with a partial chauvinistic undertone, specially made for this journal⁹.

Other interesting sources – are sound records made by German scholars in POW-camps. At the beginning of the 20th century two phonogram archives were established in Vienna and in Berlin, respectively, that are amongst the oldest of the world. In addition, there is the Lautarchiv at Humboldt University Berlin that has collected records since 1909.

These archives contain sound documents that were recorded in prisoner of war camps of Germany and Austria during World War One. Among the prisoners there were tatars from the Volga region, Siberia and Crimea who had served in the Imperial Russian Army. The contribution deals with sound documents recorded from these prisoners and introduced to the enclosed written documents¹⁰.

⁹ Stephan Brakensiek (Ed.): *Kriegszeit – Künstlerflugblätter. Kunst im Dienst von Krieg und Propaganda 1914–1916 (Wartime – artist flyers. Art in the service of war and propaganda 1914–1916)*, Trier: Norderstedt Verlag, 2014.

¹⁰ For more details see: “Sound recordings of Tatars – POW of the First World War in the archives of Vienna and Berlin”, the contribution made by Ildar Kharissov (Berlin) in Russian part of the book.

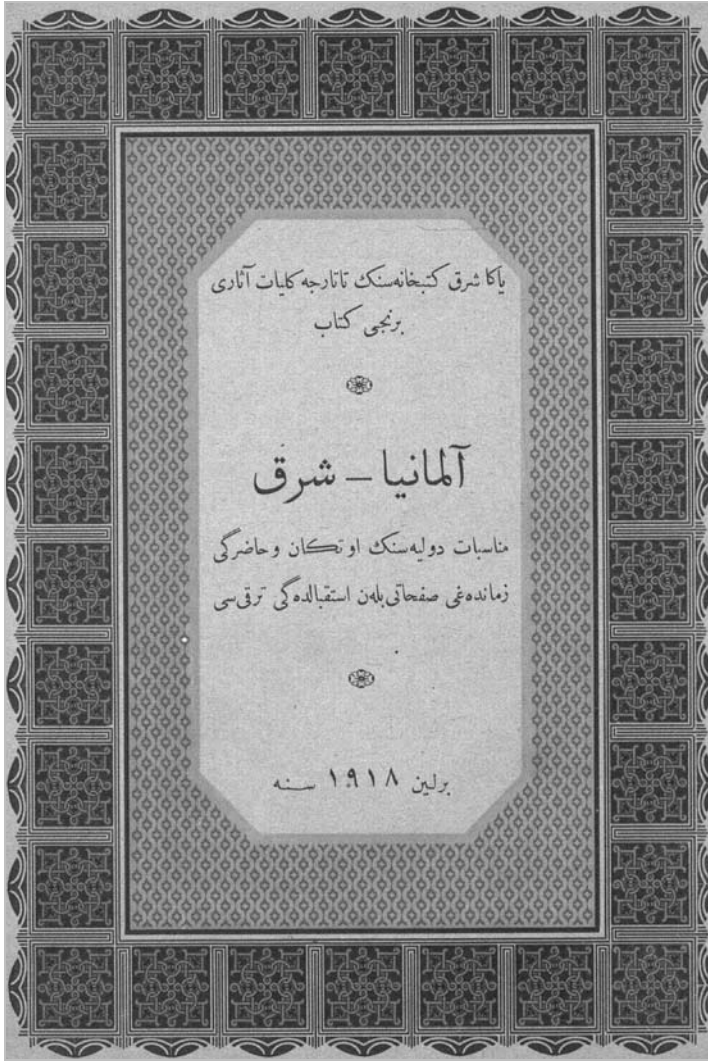

Figure 16. “*Almania – Şerek*”. (Germany and the Orient: their relationships in past, present and future). Berlin, 1918, 72 p. Series of writings: Tatarische Bücherei (Tatar Library). Berlin: Verl. Der Neue Orient (The New Orient), 1918; Number 1; Note of the archive: Text arabic (but is not arabic, it is a Turkic language), Signature of the Secret Prussian State Archives: 7 D 222.

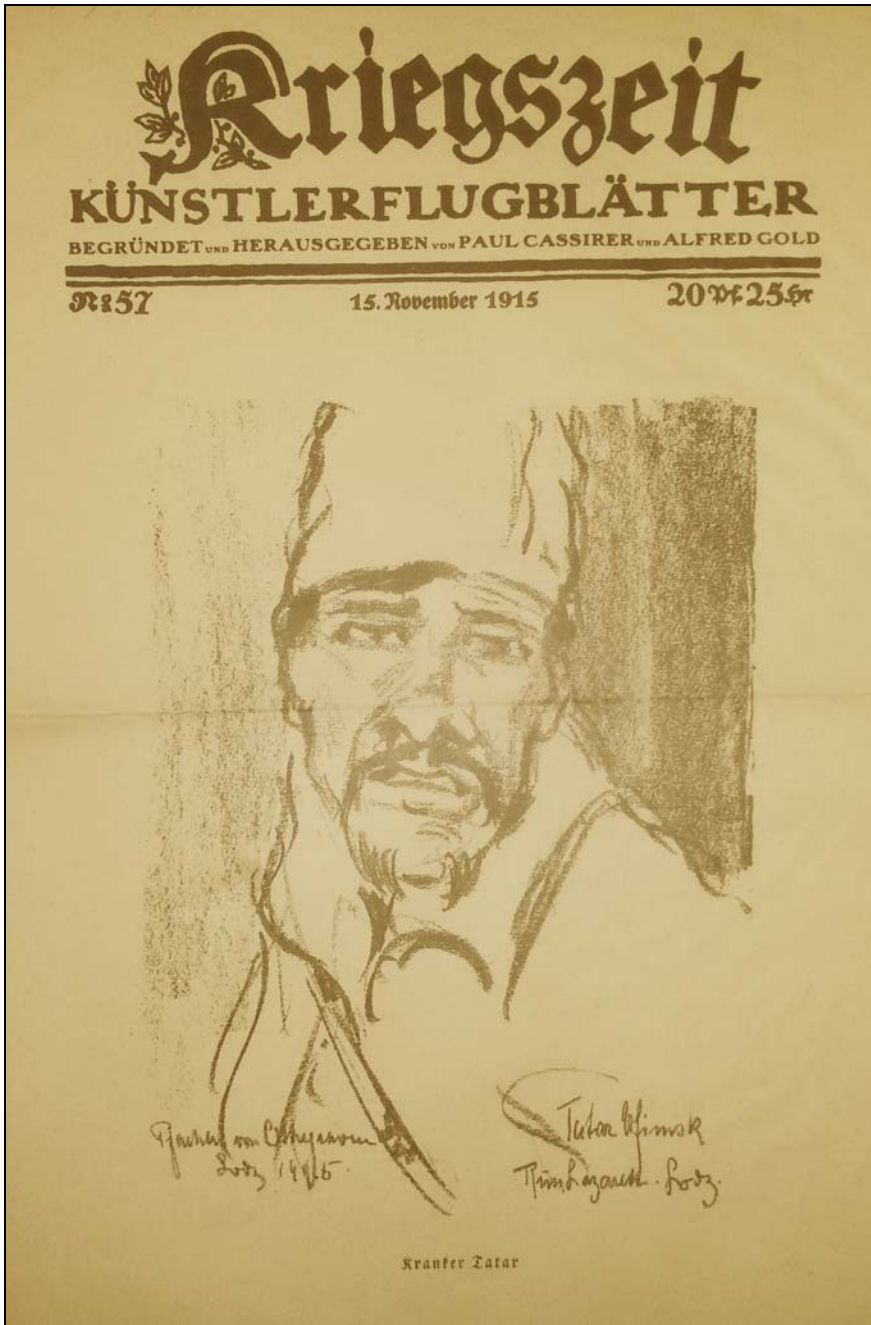

Figure 17. The title page of the November edition of 1915, sick prisoner of war, which apparently came from Ufa, can be seen, titled “Sick Tatar”. Below is marked: Russian hospital Lodz. Private Archive S.Theilig.

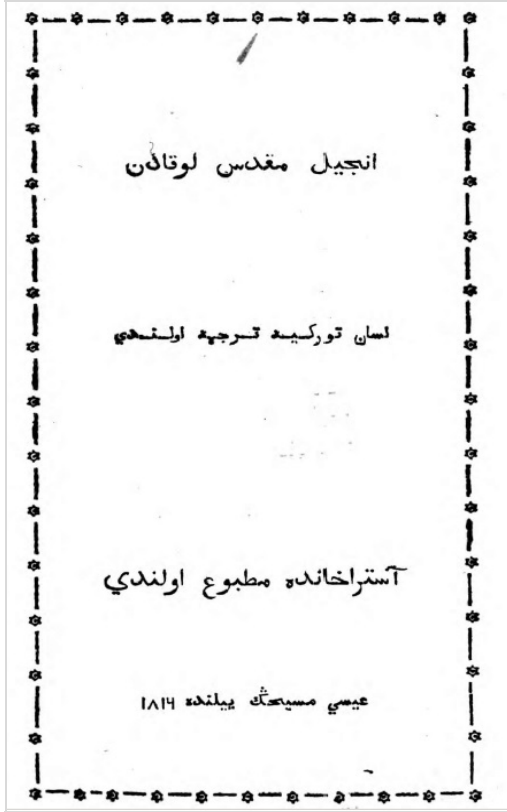

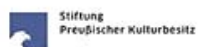
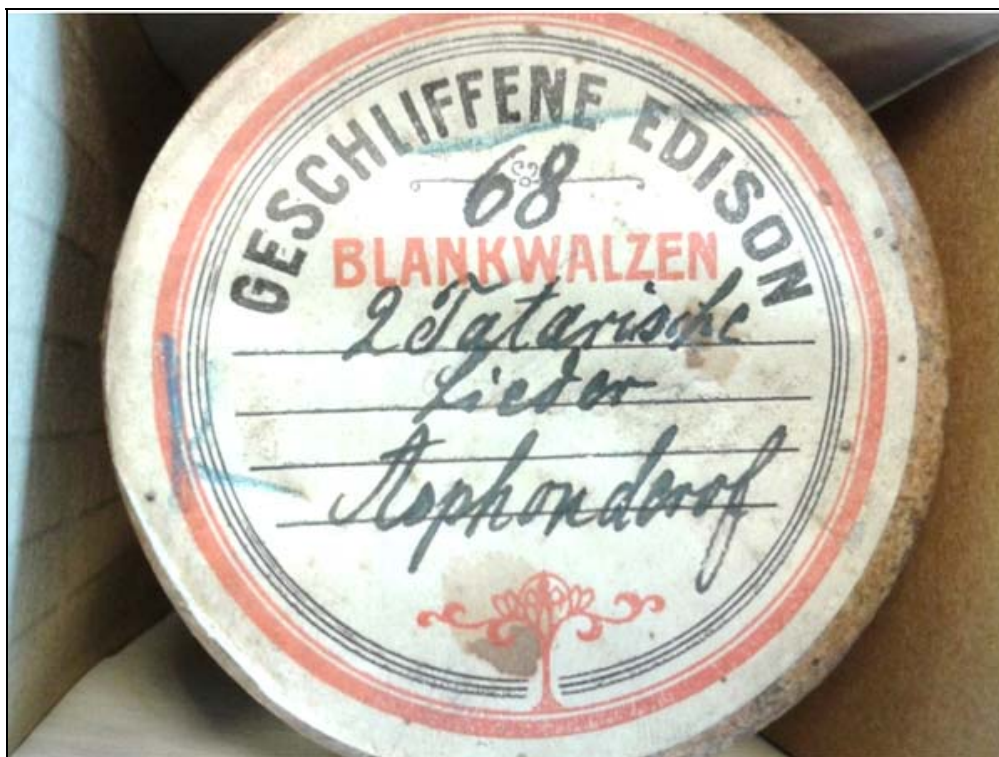
Figure 18. Bible-exemplar printed in Astrakhan 1824, today hosted in Bavarian State Library, Munich. Description: *İncil-i Mukaddes-i Luka'dan lisan-ı türkiye tercüme olındı* (Lukas Evangelist). – In arabic fonts, Volga-Tatar language, Astrahanda matbû' olındı.

Published: *Îsâ Mesîhing yılında* 1814, Signature: B.orient. 164 d; Online under
 URL: [http://www.europeana.eu/portal/de/record/9200386/
 BibliographicResource_3000126467733.html?q=Tatarisch](http://www.europeana.eu/portal/de/record/9200386/BibliographicResource_3000126467733.html?q=Tatarisch)

Figure 19. “Tatarian-Grusia”. Of course, the researcher that time did made conjectures too: Supposedly Tatar language turns out to be Azerbaijani, Kyrgyz, or another language on closer inspection. In this case, the following is recorded: “Tatarian-Grusia”, which we could identify as the Turkic-speaking part of Georgia or even the Caucasus, which is more Azerbaijan in today's perspective or the compact settlements of Ahıska Turks.

Description: Желтушник лесной / Gold-Schöterich / Миксандрэде-пэдуре / Qızıl isitmə otu / *Erysimum aureum* M. Bieb., collected by A. Polatschek; Source: Botanic Garden and Botanical Museum Berlin-Dahlem; Signature: B – Herbarium Berolinense – B 10 0068569.

Stiftung
Preußischer Kulturbesitz

Königlich Preussische Phonographische Kommission, "2 Tatarische Lieder", Ident. Nr. VII
W 72 AK, Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, Ethnologisches Museum
© Foto: Ethnologisches Museum, Staatliche Museen zu Berlin
Fotografin: Carsten Neubert

Figure 20. Wax roller with two Tatar songs by Motagar Asfonderov recorded in POW-camp Kassel-Niederzwehren during the First World War. The storage and copyright: Berlin Phonogrammarchiv (Ethnological Museum, Berlin); Storage unit: VII V 72 AK; Photographer: Carsten Neubert. Photo source – the portal of the German Digital Library. www.deutsche-digitale-bibliothek.de

VI

Between two dictatorships.

Tatar-German relations in World War II (1933–45)

In the twentieth century, especially after the Bolshevik October Revolution and the long civil war in Russia, something new developed in the Tatar-German relationship. For centuries this story was mostly dominated by armed conflicts and by stereotypical perceptions and long-distance relationships. The exceptions to this were the close-by settlements as neighbours, e.g. in the Tatar-German Dobrudja, the relations between the Germans and Tatars in the Crimea and in the Volga area in the 18th century, as well as those in the Baltics, where Germans and Tatars lived in the neighbourhood with Poles and Lithuanians since the fifteenth century. In the years between the First and Second World Wars a Tatar diaspora developed in Germany, which had many points of contact with later events, e.g. the emergence of the first German Islamic community in Berlin, today's Ahmadiyya Mosque in Briener Strasse. The image of a foreign ethnicity far in the East now gave way to a reality in the heart of Germany, characterized by migration and integration, by the political and economic activities of Tatars in Germany¹.

“The tatar intellectuals Ayaz Ishaki, Sadri Maksudi, Fuad Tuktarov and the Bashkir Zeki Velidi Togan and Abdülkadir Ynan tried to unite the Tatar and Bashkir emigrants in the German capital and, together with other Turkic-speaking exiles, to draw the attention of the German public to the fate of their peoples”². Thus, the Turkic-language journalism in Germany developed and in the printerries of Berlin came out Tatar journals like “Yaña Milly Yul” or even

¹ Gilyazov, Iskander: *Die Wolgatataren und Deutschland im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts*. In: (Kügelgen, Anka von, Kemper, Michael, Frank, Allen J.) *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries*. Berlin: Klaus Schwarz, 1996 and (same): *Die tatarische Diaspora: Zu einigen Besonderheiten ihrer Entwicklung*, in: Hausmann, Guido; Rustemeyer, Angela (Eds.) *Wege zum Imperienvergleich. Ansätze und Beispiele aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeier zum 65. Geburtstag*. Berlin 2009 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte), p. 68–78.; see also: Cwiklinski, Sebastian: *Tatars and Bashkirs in Berlin from the end of the 19th Century to the Beginning of World War II*. In: Türkler, Vol. 5. Ankara: Yeni Türkiye, 2002, p. 449–456; (same): *Between National and Religious Solidarities: the Tatars in Germany and Poland in the Inter-War Period*. In: (Clayer, Natalie) *Islam in Inter-War Europe*. London: Hurst, 2008, p. 64–88; and (together with Jancke, Gabriele): *Räume des Selbst: Gastfreundschaft im Reisebericht des tatarischen Gelehrten Publizisten Abdurrahman Ibrahim (frühes 20. Jahrhundert)*. In: (Bähr, Andreas) *Räume des Selbst*. Köln [u.a.]: Böhlau, 19, 2007, p. 131–150.

² Cwiklinski, Sebastian: *Tataren und Baschkiren in Berlin: Geschichte und Gegenwart (Tatares and Bashkirs in Berlin: Past and Present)*. In: Binder, Beate; Blask, Falk (eds.): *Von Sonnenschirmen und wilden Horden (Of sunshades and Wild Hordes)*. Münster: LIT, 2004, p. 86–99, here: p. 88–89.

dramas by Ayaz Ishaki. There is very little known about the life of this Tatar-Baschkir Community in Berlin, which took place in the private sphere. They often met in the house of the Tatar businessman Abdurrahman Shafi, who had married Emine Kasakoff, a daughter of the Kasakoff/ Kasakov family, who had owned an import-export company in Berlin since 1908. It is estimated that there is still a great need of research on the Tatar social life in Germany during the inter-war period.

But the mass of the publications again concerns rather military-historical themes, because the majority of the Tatar-German direct contacts took place in this context: in Wehrmacht, SS, prisoner camps and barracks. The meritorious, interesting and pathbreaking publications by Iskander Gilyazov³, Sebastian Cwiklinski⁴, Patrick von zur Mühlen⁵ and Joachim Hoffmann⁶ each report on certain aspects of this development.

Nevertheless, there are still enough aspects of the Tatar-German history to be discovered. It has been shown again and again that less noticed events or historic events, which have already been fully explored, can still have new interesting and unpublished pages. Here we would like to briefly describe such moments in for short examples: A) the discovery of a audio records, B) the example of the Crimean Tatar Association in Germany, C) the lack of knowledge concerning Tatar newspapers of Second World War in Germany and D) the archives of the DobrudjaTatars.

³ He writes: *На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны*. Казань: Мастер-Лайн, 1998; and: *Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха»*. Казань: Татарское книжное издательство, 2005.

⁴ Cwiklinski, Sebastian: *Die Wolga an der Spree. Tataren und Baschkiren in Berlin*. Berlin: Der Ausländerbeauftragte des Senats, 2000. (same): *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs. Deutsche Ostpolitik und tatarischer Nationalismus*. Berlin: Klaus Schwarz, Islamkundliche Untersuchungen, 2002.

⁵ Patrick von zur Mühlen: *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern: der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg*. Düsseldorf: Droste, 1971.

⁶ Hoffmann, Joachim: *Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer*. Freiburg. Br.: Rombach, 1986.

TATAR ƏDƏBİATY

Съҗагыс һәм баҗ редакторь
Ҡ. ШӘФИ АЛМАС

№ 1

1944

Berlin

Ҡинвар

Bu sanda

1. Məçmuqadan məqsət Q. Şəfi Almas.

Tatar ədəbiatı tarixindən parçalar:

2. Tatar xalqının bəjek çırçısı Idelle.
3. Q. Tuqaj şiqerlərə:
1. Şaqır, 2. Tuqan tel, 3. Ana doqası, 4. Tuqan aulı,
5. Qıtqa.
4. Bəjek qələm ostası, ataqlı qalim.
(Qalimçan İbrahimof içadına qarata). Q. Xəmid.

Teatr — muzıka:

5. Tatar muzıkasının yşeş tarixi Aq.
Xalqın ataqlı keşelərə turında istəklər:
6. Tel qalime professor Xuça Bədiqi Qalimçan.
7. Fəciqəle jazması Q. Tan.

Jəş qələmlər:

8. Sanduqac Q. Tan.

X. Arıslı şiqerlərə:

9. Tatar jegetəne
10. Sin
11. Min

Ş. Nioqmətl şiqerlərə:

12. Min kərəşce
13. Ana ujlərb

Y. Nauruz şiqerlərə:

14. Jazlar kiler
15. Tormış dustıma
16. Saqınam sine, dusqaj
17. Sejlər iden.

Q. Xədicə.
Xəsənof.

521 900

Figure 21. Facsimile taken from the magazine Tatar Ādəbiyatı, Nr. 1 (January 1944), Newspaper Archive State Library Berlin.

Figure 22. Joint work visit by Marat Gibatdinov and Mieste Hotopp-Riecke at the German Music Archive in Leipzig on April 10, 2014. Here, Tonmeister Torsten Ahl was able to let us hear first time the shellac disc of the Volga Tatars legion, recorded by Polydor Company probably in 1943.

Recorded voices of Tatar butterfly

Nearly every scientist at the field of Music-ethnology, turkology, Eastern Europe history or military history has already informed, that in German and Austrian archives a couple of discs, old shellack-discs, with the voices of Bashkirs and Tatars, POW of the World War I in Germany are stored. There existed no stringent description of these audio-files until the work of Ildar Kharissov in the framework of the research project at the Academy of Science of Austria⁷, but we are aware of them. I supposed in context of our research-project „Yazma miras” that even from Tatar prisoners of WW II we should be able to discover some discs – perhaps. But how could they be investigated? We used to identify explicit Tatar issues in archives, data-bases and libraries through giving search terms, which not existing in other language, even not in other oriental languages. For instance while searching Tatar poems, texts or literature you can give words like sandugaç, bertugan, kübäläk or köncigiş. Feeding search machines of nowadays online collections of University libraries or meta-search-machines like the virtually Karlsruhe-catalogue⁸, sometimes one could be succesfull. But really exciting moment was, when two discs discovered at the German Music Archive, a department of the German National Library in the city of Leipzig. Giving the butterfly „kübjaljagem” (beside kübjaljak/kubalak/ kübyälyäk/kubalagim/ kübyälyägim/ kubalagem/kübyälyägem/ a.s.f.) the system gave the signature of two discs, which was immediately ordered. But if you search for these recordings only by using keywords like “Tataric” or “Tatar”, you can not find them. So, a little knowledge in Volga-Tatar can help a lot⁹. A few days later we sid there together with my colleague Marat Gibatdinov and the journalist from Leipzig, Nassur Yurushbaev¹⁰ at the studio of German Music Archive. The record-master Torsten Ahl explained us, that we were the first human beings, that hear

⁷ See contribution of Ildar Kharissov in this book.

⁸ Karlsruher Virtueller Katalog (KVK) is a book search engine administered by the library of the Karlsruhe Institute of Technology. It was developed by KIT-Library in 1996 and continuously expanded and adapted since. It searches a large number of catalogs of research libraries and consortia in Germany, Austria, and Switzerland, as well as important consortia and national library catalogs in other countries. Beyond that, it also searches open access and digital media search engines and catalogs. It is said to encompass more than 600 million books and serial publications. Online under URL: <https://kvk.bibliothek.kit.edu/index.html>.

⁹ Hereby I am deeply grateful to my teachers of Tatar language: Margarete Ersen-Rasch (Author of the best Tatar textbook in German language, simple named: „Tatarisch” and published in Wiesbaden: Harrassowitz, 2009) and to Sebastian Cwiklinksy at the Institute for Turkology at Freie Universität Berlin (*Mieste Hotopp-Riecke*).

¹⁰ Nasur Yurushbaev, Tatar filmmaker, journalist, lives in Leipzig. He translated, among other things, the work of Gotthold Weil “Tatarische Texte” (songs recorded from Tatar prisoners of First World War) into Russian, author of the Tatar-Bashkir memorial at the Russian Orthodox Church in Leipzig and the Tatar-Bashkir Memorial Stone in Dresden.

the voices of these discs, because nobody touched them until these days in May 2014. At the discs are to find the folk-songs of the Volga-Ural Legion of the Wehrmacht: “Balamiskin” (pitiable child), “Kübjalagem” (butterfly), “Ak-kaen” (white birch), “Dschach dschigitlar dschach kyslar” (young boys, young girls) and “Jamlider dschaylarnen aylary” (funny month’s of summer). The category „language” is filled in the catalogue as „Russian”, but of course is Tatar.

In the catalogue is only to find the record-date „between 1930s and 1940s”. There are Label-numbers, matrix-numbers and so called mirror-numbers scored on the discs. Because at the German Music Archive are just to find unclear or false entries, I would like to prove the exact record data via using these different numbers. The company Polydor was taken over by the Music Major EMI and they have an own music archive still in Germany. Still there is a need to research on the question: who exactly did sing the songs, who of Musa Dzhilil’s comrades entered when the studio, who did order the studio and how much paid the Wehrmacht for that to the Polydor company...

Anyway, in 2014 we presented first time this records at the annual German Sabantuy – festival in Leipzig. A really emotionally moment passed by, as the guests from Tatarstan as well as the Tatar community of Germany all together heard first time the sound and voices of the Dzhililovtsy and sing than together again kübälagem, butterfly... I will never forget this moment of my life.

The traces of Crimea in Bavaria

In 1964 was founded the first Association of Muslim Turkic people in Germany (“Landsmannschaft der Krimtataren in Deutschland”) in generally after the Second World War: Some former Crimean Tatar soldiers of the German Wehrmacht were able to remain in Germany and escaped from death in GULAG and deportation to Soviet Union, founded this association. These Crimean Tatars the association in Southern Germany, but members were to find all over Germany (since the 1990s Volga-Tatar and Dobrudja-Tatar members have also been present). Now the association is more than 50 years old and the advisory board members Alim and Saadet Saitow, Celi Osman and Norbert Link-Hessing decided to dissolve the association because of the complete assimilation of the second and third generation of Crimean Tatar migrants in Germany. Before the closure of this part of the Crimean Tatar history in Germany young enthusiasts of the initiative “Qırımlı” want to observe and study their issues, protagonists and heritage around the cities of Munich, Augsburg and Ulm in Bavaria together with young Tatar academicians from Turkey, Ukraine and Russia in order to publish one book concerning this nearly forgotten part of history. First interviews in this direction recorded in 2008 by Läisän Kalimullina and Mieste Hotopp-Riecke¹¹.

¹¹ *Tepreç – Sabantui in Bayern*. In: *Altabash*, Nr. 46/47, Juli/August 2008, p. 18–21. Further unpublished sources at ICATAT-Archive Magdeburg.

Figure 23. Crimean Tatar dances in Langweid-Foret, Bavaria 1960s (members of the oldest migrant organization of Muslims in the Federal Republic of Germany. Archive of Landsmannschaft der Krimtataren in Germany e.V., Meitingen / Herrlingen, Bavaria.

The missing links to common past: Tatar media of Germany in 1930/40s

In Germany, various Tatar publications were published until 1945, magazines containing partly propaganda texts of the Nazis, but also Tatar literature, poetry and reports. We have very little knowledge of some of these publications, e.g. on “German-Tatar Newspaper” (Deutsch-Tatarisches Nachrichtenblatt) and “Türk birliği”, the “Newspaper of the East Turkic Armed Forces” (Zeitung des Osttürkischen Waffenverbandes / Crimea).

We have so far only known the names of both publications. They appeared at least demonstrably in 1944. Other publications such as the journal of the Volga-Tatar’s military legion “Idil-Ural” and “Tatar Ädäbiaty”, the “Organ of the Tatar Fighting Bound” (Organ des Tatarischen Kampfbundes/ Tatar Köreş Berlege Komitete) are better known, but not all of them have been handed down

to us¹². Concerning publications like “İrekle il öçen. Tatar Culture Almanac” (1944) or “Tatar çhalyk ğyrlary” (1943) we just know the names. A number of other Turkic-language publications were published in Berlin, in which Tatar authors published articles or where Tatar topics were addressed. For example, in the Azerbaijani journal “Kurtuluş” writes Mammad Amin Rasulzadeh¹³ about the Tatar intellectual Yusuf Akçora, or in some issues, one of the leaders of the Crimean national movement, Cafer Seydahmet Kırımer / Dzhafer Seydamet¹⁴, published a long article as “Yusuf Akçora’nın mübarek ruhuna” or “Mefkûrenin zekâ ve seciyeye tesiri”¹⁵. Seydahmet wrote also for another journal named “Yeni Kafkasya” (New Caucasia), also published by Resulzade and friends, and also stored in Germany, for instance in newspaper-archive of State Library Berlin. Other magazines from the surroundings of the Prometheus league such as “Yaş Turkestan” and “Milli Yol / Yañı Milli Yul” founded by Ayaz Ishaki are also found in Berlin¹⁶. In these magazine many information on the Berlin Tatar community can be found.

¹² There are for instance just to find the Vol. 1 of Tatar Ādābiyatı, 1944 in the State Library Berlin and only 1943, 40 (22.Aug.) – 1944, 82 (24.Juni), 1943, 34 (22.Aug.) – 51 (19.Dez.); 1944, 1 (9.Jan.) – 25 (24.Juni) from journal “İdil-Ural”.

¹³ Mammad Amin Rasulzadeh (Azerbaijani: Məhəmməd (Məmməd) Əmin Rəsulzadə Turk.: Mehmet Emin Resulzade; 31 January 1884 – 6 March 1955) was an Azerbaijani statesman, scholar, public figure of Pan-Turkic movement and the first and only president of the Democratic Republic of Azerbaijan (1918–1920). His expression “Bir kərə yüksələn bayraq, bir daha enməz!” (“The flag once raised will never fall!”) became the motto of the independence movement in Azerbaijan in the 20th century.

¹⁴ Cafer Seydahmet Kırımer (1 September 1889, Kızıltaş, Crimea – April 3, 1960, Istanbul), Crimean Tatar and Turkish politician and statesman. He was born in Kızıltaş village near the city Yalta and had his first college in Crimea, middle and high school college in Istanbul. In 1911 he went further in Paris at the School of Law. When the First World War began, he came back to Crimea. In Crimea, he founded a secret revolutionary organization with his close friends. When the People's Republic of Crimea was declared in 1917, he became the Minister of War and the Minister of Foreign Affairs under the presidency of Numan Çelebi Cihan. Upon the occupation of the Crimea by the Bolsheviks, Cafer Seydahmet Kırımer, as representative of the Crimean Parliament, went to Paris via Kiev, Warsaw. Then he came again to Istanbul and continued to work for the freedom of Crimea until the day he died in Turkey, see: Temur Kurshutov: Общественно-политическая и литературная деятельность Джафера Сейдамета. In: Rocznik Tatarski_3_2016, p. 139–152.

¹⁵ For instance: *Yusuf Akçora’s blessed spirit*. In: *Kurtuluş* Nr. 6, April 1935, p. 167–169; *Influence of intelligence and choice*. In: *Kurtuluş*, Nr. 7–8, May-June 1935, p. 225–229.

¹⁶ For Milli Yul and Yañı Milli Yul see Cwiklinski: *Volga on the Spree*, p. 37–39.

İnsanlara
hürriyet!

KURTULUŞ

Milletlere
istiklâl!

Azerbaycan Millî Kurtuluş Hareketinin Organi

Nr. 11

Eylül

1935

Bir zaferin yıl dönümü

Yıl 1918. Ay Eylül. Gün 15! . . .

Azerbaycanlı iseniz, şüphesiz, hangi zaferden bahsedeceğimizi anladınız! . .

15 Eylül! . . . Evet, bu, millî tarihimizin büyük gününü, istiklâl savaşımızın şanlı zaferini gösteren bir tarihtir.

Bundan onyediy yıl evvel Bakû, bu tarihî şehir, hürriyetimizi boğan, milliyetimizi hiçe sayan, istiklâlimizi danan ve, çoluk-çocuklara, ihtiyar ve kadınlara bakmıyarak, vatanımızı meşhur Mart hadisesi gibi kırğınlarla ateş ve kılıçtan geçiren kanlı düşmandan halâs edilmiştir.

İstiklâl savaşımızda tesiri asırlar ve nesillerce kalacak Millî Cumhuriyetin kurtuluşu, şüphe yoktur ki, varlığını bu halâsa borcludur.

Bu halâs ile, sade altı ay evvel rus bolşevikleri tarafından silahsız Türk ahali üzerinde yapılmış kanlı kırğının intikamı alınmamıştır. Hayır! Bakû uğrunda aziz canlarını veren şehitlerin güttikleri gaye, ne kadar hak olsa da, sade intikam ve sade kin hislerinden çok yüksekti. Güdülen, hürriyet, milliyet ve istiklâl gayesidi. Tarih yeni bir Türk hükümetinin kurulmasını sıraya koymuştu. Bu halâs ile Azerbaycan Cumhuriyetinin varlığı temin olunuyordu.

Türk tarihinin bu yeni varlığı, doğununun en mes'uliyetli çağında, Türk kardeşliğinin unutulmaz bir hamlesinden istifade ediyordu. Azerbaycanlı

mücahitlere, teşkilat ve teçhizatca, kendilerine üstün kuvvetlere karşı galebe çaldırın şey Türk askerlerinin yardımı idi. O zamanki tabirle Osmanlı ordusunun Azerbaycan'a gösterdiği yardım ve Anadolu Mehmedciğinin Bakû kapularındaki cihadı kardeş istiklâli ve Türk varlığı için yapılmış cihatların en mukaddesidir.

Bu mukaddes cihatlarını, onlar kendi yurtlarının bulunduğu en müşkül bir çağında yapıyorlardı. Bu fedakârlık, şüphesiz, ortaklı Türk tarihinin daima takdirlerle yadedeceği yüksekliğinin bir timsali olarak kalacaktır. Azerî Memiş'le kol-boyun olarak kardeş mezarında yatan anadolulu Mehmedciğin hatırası bize kütsi fedakârlığın ne olduğunu minnet ve şükranla bildirecektir.

Ters talih bu fedakârlıkla kazanılan zaferin maddedeki ömrüne son verdise de, onun mânadaki değerini kat'iyen azaltmadı. Bu tersliğin devam ettiği hadise ve realitelerin yeis verici tesiri, ne kadar ağır olursa da olsun, Azerbaycan 15 Eylül gününü kat'iyen unutamaz ve unutmıyacaktır! . . .

Zafer sade Azerbaycan'ın ve sade Türklüğün değildir. Hadisenin Kafkasya bakımından değeri dahi şüphesizdir.

Brest-Litovsk muahedesine zeylolarak, eski Almanya'nın, Bakû mıntakası üzerine Lenin hükümetiyle bağladığı mülüm muahada*) münasebetile, Şuray

Figure 24. Tatar intellectuals published articles in *Kurtuluş* and other Turkic journals, printed in Berlin.

Dobrudja-Germans and Tatars: Reciprocal acculturation on the Black Sea

German literature from Romania is a special source-base for Tatar-German history research. It tells of a largely vanished piece of multinational history: Many of the German villages of Transylvania/Siebenbürgen bear in their written local history memories of Tatar invasions and Ottoman empery with itself. And almost all the German villages of Dobrudja in eastern Romania were formerly Tatar settlements. The most intensive pictures of the other in Romanian literature of the modern period were thus imprinted in the literature of the 'Dobrudjanians'.

Settlement history – Swabian, Saxons and Tatars

The settlements of the Germans in the different geographic areas of Siebenbürgen and Dobrudja differ fundamentally from the time of immigration. The first German settlers migrated from 1841 to the still Ottoman ruled Dobrudja from the north. It were mainly peasant families from Volhynia and the Black Sea area of the Russian Empire. The first German place in today Romanian area was Akpunar (bright spring) near Babadağ in the North Dobrudja. From this time till 1878 the Dobrudja belonged to the Ottoman Empire. As a result of the abolition of the German colonist priory in Russia (1871), the second wave of immigration began from 1873 and lasted until 1883. A third immigration thrust began in 1890/91. Most of the new arrivals settled in former Tatar settlements, as they were partly empty, by wars and the plague in the first decades of the 19th century. The apparently only new foundations were Neue Weingärten, Groß-Pallas and Jakobsonthal. All other villages in which Germans settled compactly kept their Tatar names as (in the local Romanian version): *Alibechioi* (Alibeyköy / Sir-Ali-Village), *Babadag* (Father mountain), *Caramurat* (Black Murat), *Ciucurova* (deep rank), *Colelia* (Köleliye = slave market), *Karali* (those with black), *Murfatlar* (the „generous”), *Ortachioi* (Ortaköy / Middle village), *Sarighiol* (Sargöl = Yellow lake), *Sofular* (the „pious”), *Techirghiol* (Tekirgöl = Barb lake) etc.

But Turkic people have been encountered since the 6th century AD. In the territory of today's Romania. Under the Bolgar Tsar Chaka, in the 13th century Petscheneks and Kumans were allowed to settle. At the time of the Seljuk dynasty in 1263, approximately 10.000 Turkmen from Anatolia settled in the area of Dobrudja. Since 1393 Dobrudja is an Ottoman area and the Ottoman Sultan Beyazid I colonized the Babadağ area with Tatars, much like his successor, Muhammad I. Settlers from the 16th century settled in Dobrudja: Budjak-, Nogay- and Crimean Tatars. After the conquest of the Crimean Khanate (1783) by Russia, a mass exodus of the Crimean Tatars followed in the direction of Dobrudja

and from there later on to Asia Minor. Around 1880 Romanians made up only 28 percent of the total population of Dobrudja. After Tatars and Turks were expropriated and expelled in Romania around 1885, another mass expulsion respectively mass escape of 80.000 Turks and Tatars to Anatolia took place in 1918 due to the war.

In the inter-war period from 1919 to 1939 the demographic development changed in favour of the Romanian population: Tatars and Turks had emigrated, Romania's national territory almost doubled. After the escape, expulsion and resettlement in the Second World War and the mass migration after 1990, only a few dozen people of the former 60.000 Germans are still living in Dobrudja and today some 23.000 Tatars live there.

Figure 25. A Tatar authors in a German journal from Romania: Abdülhakim Aktaş and his parents. Photos taken of „Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen” (Yearbook 1964, p. 89 and 1965, p. 105) ICATAT Archive Magdeburg / Archive of Landsmannschaft der Dobrudscha-Deutschen, Germany.

Modern times: tentative acculturation

There is evidence in the Dobrudja-German literature, which reports from a recent past multicultural world, which no longer exists today. “In the former Turkish village, Germans now lived peacefully among other peoples: Turks and Tatars, Romanians, Greeks, Jews, Armenians, and so on”, says the regional historian Keller. Similar statements can be found dozens of times, certainly a bit transfigured, but the quite real actions of interethnic solidarity, such as donation and aid package campaigns from the 1960s, not just from Dobrudja Germans from the Federal Republic for the countrymen remaining in Romania, but for all

Villagers in the ancient homeland, regardless of their nationality, testify to the serious solidarity of the Dobrudjanians. It is explicitly mentioned in the publications of the Dobrudja Germans in the Federal Republic of compatriots (Landsleute) – no matter whether Tatars or Germans, always referring to the region or the municipality, not to the ethnic origin of their inhabitants.

Texts as testimonies of hesitant reciprocal acculturation are found in the popular literature of the Dobrudjanians. Whether in counting rhymes, in the everyday language or in manners and customs: tatar lexemes migrated into German, and German cultural practices were taken over by Tatars (Tillage, stock breeding, domestic economy).

As a transnational space of the memory of the old common home of Dobrudja very soon after the war-ravages arose from 1949 publications in Germany. Already before the founding of the Compatriot Association of the Dobrudja and Bulgaria Germans appeared from 1956 the “Rundbrief of the Dobrudja Germans”, then later also the “Yearbook of Dobrudja Germans”. It was by far overpowering the almost exuberant descriptions of the respective neighbours of former times, whom «neighbours help, even among foreign people, was always a sacred duty which no one deprived himself of. With the Turks and Tatars, our countrymen have always lived in good agreement in the Dobrudja, and many tears were weeded by this people when we were resettled into the Third Reich”. The terminus Dobrudjanian or Dobrucalı, which was used both by Germans and Tatars, established itself as a regional identity ethnonym.

These periodicals were used to search for former neighbours and friends, to find places, to explain relevant federal laws for resettlers and to cultivate folklore. There were also to find Tatar and Romanian homeland poetry. This ranged from simple reader letters of resettled Dobrudjanians to specialist articles by prominent representatives of the Crimean Tatar national movement. The remarkable emotional intensity and numerical presence of the Tatar contributions is explained by the publisher Otto Klett in the Yearbook of Dobrudja Germans from 1964. In his article “Our friends”, he dedicates to the "tataric, northern turkic colleagues of the Yearbooks staff" the following words: “In our yearbook there are always reports, which also speak of the other peoples of Dobrudja. At first glance one might think that this is too much of the good, that does not belong here. Looking more closely, however, we find that our life in Dobrudja was interwoven with the other people. Whether you want to or not, you have to report about this cohabitation, provided the documentation is not one-sided”.

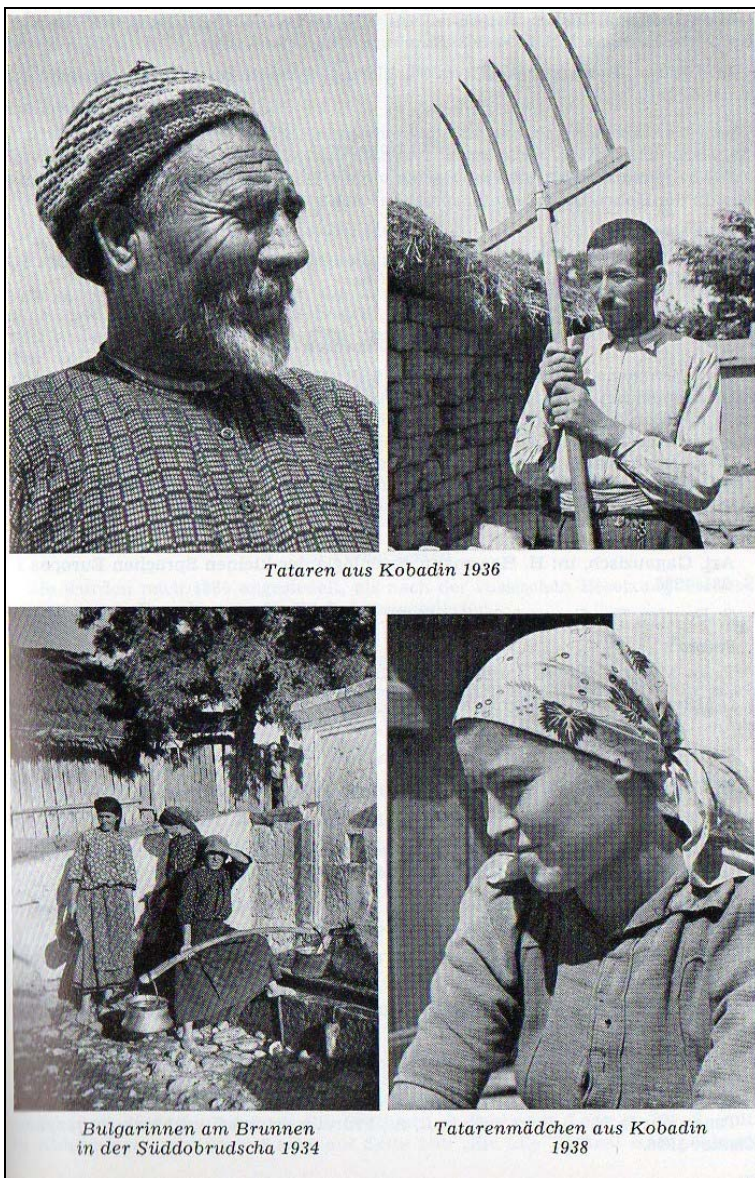

Figure 26. „Tatars from Kobadin”, taken from *Jahrbuch der Dobrukschadeutschen*, Heilbronn: Selbstverlag der Landsmannschaft der Dobrukschadeutschen, 1976, p. 131.

The texts of Tatar authors contributed to the elucidation of Tatar history, ethnogenesis and the understanding of Tatar migration movements, Examples which may be mentioned here are “The Tatars and the Ottoman Turks in Dobrudja” by Mehmet V Yurtsever (*Yearbook 1976*), “Völkerverständigung im

Kleinen” by Abdülhakim Aktaş (1965) and the article series “The Dobrudja and the Turks” by Müstecip Ülküsal (1964–66). Ülküsal, a native of Dobrudjan intellectual, was one of the most active Crimean politicians and journalists, and is still an undisputed symbol of the Crimean Tatar national movement. The texts of Tatar authors helped to inform about Tatar history, ethnogeneses and the understanding of Tatar migrations.

Material cultural bequest: Calligraphy, Architecture, Ornaments

What else can one discover whilst searching for Tatar bequests in Germany? Calligraphy, architecture, ornaments, arts and crafts! There is no Tatar bequest in the public sphere of Germany like buildings or sculptures, but in the archives, collections and libraries of Germany one can come across diverse material with Muslim Tatar material culture like handicrafts, ornaments and calligraphies as well as reminiscences to architecture. So the first Janissary corps of the Polish-Saxon king Augustus II¹⁷ brought influences in music and fashion, whereas the above-mentioned Tatar soldiers brought own emblems and ornaments, weapons and helmets. In libraries and archives hundreds of manuscripts and books with ornaments, silk sheath and calligraphies, printed books and manuscripts by the Crimean Khans¹⁸, hand written diaries of Tatar soldiers¹⁹, Tatar poem-manuscripts etc lies.

¹⁷ He installed that Janissary Music Corps only for representative reasons in 1729. Frederick Augustus I or Augustus II the Strong (German: *August II der Starke*; Polish: *August II Mocny*; Lithuanian: *Augustas II*; 12 May 1670 – 1 February 1733) was Elector of Saxony (as Frederick Augustus I) and King of Poland and Grand Duke of Lithuania (as Augustus II). See: Müller 1984, p. 110–111.

¹⁸ I rediscovered more than 340 handwritten letters, passports, notices, invitations etc. which exchanged the Khans of Crimea and the the Great Elector (Kurfürst) of Brandenburg-Prussia respectively the Kings of Prussia from 1599 until 1786 at the Prussian Secret State Archive. Together with the collaborators of Prof. Dr. Ismail Kerimov, head of the NIZ (National Research Center for Crimean Tatar history, language, culture and literature) at the KIPU (Crimean University for Engineering and Pedagogies) as well as our cooperation partners from Mardjani Institute at the Tatarstan Academy of Sciences we will translate and publish them in the next years.

¹⁹ Above mentioned Volga-Tatar soldier of Russian Army, POW’s of the WW I, did write diaries, letters as well as a Russian-Tatar Pocket Dictionary while sitting in the Weinberg-camp. The box with that objects inside lays in the manuscript-archive of State Library Berlin (<http://staatsbibliothek-berlin.de/en/orientabteilung/start.html> [24.11.2009]). Collaborators of the ICACAT Berlin together with Artists and Scientists of the Tatar community in Berlin are currently translating and preparing it in order to publish it.

Figure 27. The palace of Tatar-Khans at Crimea, A.W. Kiesewetter, 1846 Kiesewetter, August Wilhelm: Modell “The Palace of Tatar-Khans at Crimea”, 1846, Crimea, Oil on Canvass and wood, 30 x 133 x 103 cm, © Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin.

In some German museums hundreds of exponents of Tatar origin or made by German researchers and artists like Wilhelm Kiesewetter (1811–1865) are stored. In the Museum of European Cultures there are two archive sections solely dedicated to Volga-Tatar and Crimean Tatar material culture. In the stores there are laying drapery, jewellery, scarf’s, tubeteykes (hats) and shoes. Two eminently exhibits by Wilhelm Kiesewetter are the miniature-models of the Bahçesaray Palace and a Crimean Tatar mountain village. Kiesewetter was a painter and ethnographer from Berlin, who travelled through Crimea, Russia, Caucasus and Scandinavia between 1838 and 1853. He lived among Crimean Tatar families for two years in Gursuf, Aqmescit and Bahçesaray, where he studied the culture and daily life of his environment. He wanted to show in Western Europe how the far away cultures looks like and promote the ideas of mutual appreciation of that ways of life. At the Museum of European Cultures are stored today more than a hundred sixty exhibits, among them three miniature models of Crimean Tatar places, 34 canvasses and 11 drawings and lithographs with Crimean Tatar topics, two with Volga-Tatar themes and eleven canvasses from Crimea regarding Gypsies life of that time²⁰. The department for Volga-Tatar exhibits includes around 50 subjects like clothes, shoes and jewellery. These exhibits by Kiesewetter like around 990 other were never displayed together in a coherent exhibition. Only some parts were shown at least 80 years before, after Dr. Hans Findeisen and his wife Nata Findeisen, collected them in Soviet Union

²⁰ See: Kaulbach 2005, pp. 4 & 23.

before the Great Terror and times of deportation. The museum started collecting Tatar objects in 1916. That time the collection of Carl Wache was purchased by the Museum of Anthropology, the predecessor of today's Museum of European Cultures²¹. Carl Wache collected Crimean Tatar textiles (marama) while traveling through Crimea by the beginning of the 20th century. The ethnologists Hans and Nata Findeisen travelled during 1929 by order of the museum through Crimea and the Caucasus. They wanted to save whatever they could reach, because "the Europeanisation did a quantum jump in his advancement"²². Meanwhile, Hans Findeisen collected objects in the Caucasus his wife Nata worked together with the famous Crimean Tatar ethnographer and painter Hussein Bodaninskiy (1877–1938). He arranged the first Museum after the February-revolution in 1917 and was the first director of the Khan Palace Museum of Bahçesaray. After kicking out of his job by the Stalinist Administration he – as a member of the 'Intelligentsiya' – was murdered in 1938, because of "nationalist activities"²³. The main part of the exhibits were destroyed or disappeared.

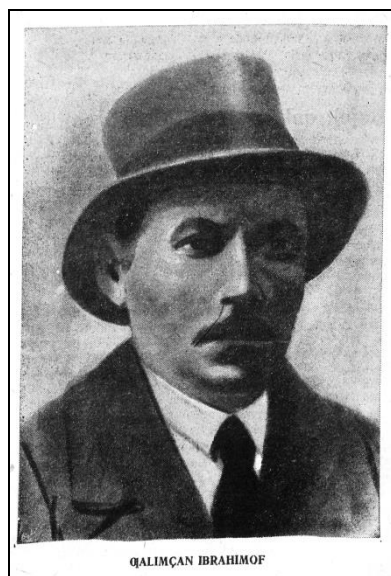

Figure 28. Portraits from "Tatar Ädäbiyatı", Nr. 1, p. 5. ICATAT Archive Magdeburg.

²¹ See in: www under URL: <http://www.smb.spk-berlin.de/smb/sammlungen/details.php?objectId=10> [12.12.2009].

²² Two letters written by Hans Findeisen to the director of the museum from 19.10.1929 & 3.11.1929 (Archive-No: Archiv SMB-PK, EM, Akte I B 111, Nr. E 999/29, E 1236/29) See: Thietmeyer, 2009.

²³ See: Thietmeyer, 2010.

In the Museum of European Cultures later on exhibits of Dobrudja-Tatar origin made the collection complete. That material was collected by the German economist and journalist Gustav Adolf Küppers (1894–1972) during a travel by order of the museum between 1935 and 1938, when he travelled five times to South East Europe²⁴. Many of that exhibits were confiscated after WW II by the Red Army and restored after appropriate negotiations and treatments²⁵. German and Tatar scientists, artists as well as members of the Tatar communities in Poland and Germany wants to create a similar exhibition based on that material in the near future in Berlin through cooperation with Polish and Crimean Tatar scientific institutions²⁶.

But not only Berlin has a rich tradition in saving Tatar material culture objects: The Military History Museum by the German Bundeswehr (MHM) and the so called “Türkische Cammer” (Turkic Chamber) by the Saxony National Art Museum in Dresden covers a lot of Tatar art exhibits and crafts like horse harnesses, tents or tableware²⁷. From the times of Polish-Saxon monarchy onwards they have been stocking excellent beautiful tents, ceramics and other art exhibits, described mostly as Ottoman collection, but with a couple of Crimean Tatar Art inside. This exhibition opened for the first time in 2010 in March.

²⁴ All information’s regarding the Museum of European Culture Berlin are taken from the Manuscript “*Materielle Kultur und Identität. Zur Geschichte und Ethnografie der Krimtataren im Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin*” (Material Culture and Identity. To history and ethnography of the Crimean Tatars at the Museum of European Cultures – State Museums of Berlin) by Dr. Elisabeth Tietmeyer, the director of the Museum. Thank her for giving the permission for getting a preview into that article.

²⁵ The SES (Saxony Ethnographic State Collections) of today includes – beside the Museum in Dresden – also the Grassi-Museum in Leipzig. Before the Crimean Tatar exhibits were restoring to the Museum in united Berlin, for instance some pictures of Kiesewetter were sending back from USSR to the Grassi-Museum of Leipzig in GDR. Some pictures were used by the Soviets as cover plates of the used wooden cases.

²⁶ Barbara Igielska, the curator of the exhibition “Tatarzy Polsce” in Szczecin 2008/09 offers still the catalogue under URL: <http://zamek.szczecin.pl/wystawy.php?id=100> [22.11.2009].

²⁷ See online under URL: http://www.skd-dresden.de/de/museen/ruestkammer/tuerckische_cammer.html [28.12.2009].

Figure 29. Woman's Fez, Crimean Tatars, red velvet, embroidered, before 1925. Collectors: Hans and Nata Findeisen; © Museum Europäischer Kulturen-Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz; Photo: Waltraud Schneider-Schütz.

Beside this complete new exhibition there are a lot of other exhibits regarding Tatar history in Saxon Libraries and Museums. Here can I give only a short list especially concerning relevant art subjects of military history. In the MHM one can observe helmets, swords, lances, flags, uniforms of the Tatar Ulans of Saxon, the Saxon Janissaries and the Janissary musicians as well as canvasses like “Janissary Officer” by Rudolf Trache²⁸ or “The Royal Saxon Ulan-Regiment No. 17” by Theodor von Götz²⁹. In the State Saxon Rüstkammer (armoury) and Kupferstichkabinett (etching cabinet) one can find Tatar exhibits and artefacts regarding the Tatars too. How important such exhibits are regarding the self-awareness of the Crimean Tatar people show a sentence by the former Vice Minister of Culture, Autonomous Republic of Crimea, Ismet Zaatov: “(The) ethnographic accuracy (of Kiesewetters paintings, the author) is of tremendous scientific value. His works can be used to build a true picture of the Crimean Tatars in the first half of the nineteenth century (...) no traces of which are left on the peninsula after the deportation”³⁰.

²⁸ Military History Museum Dresden, Inv. No.: MHM, BAAU8371. The most Janissary musicians were Northern Africans, the so called ‘moors’, while the Janissaries themselves came from Poland – probably Tatars – and Hungary and were a gift by the Ottoman Sultan from Constantinople. See: Bauer (2006: 16–18), p. 16.

²⁹ Military History Museum, Inv. No.: MHM, Hc-505.

³⁰ Before the job at the ministry, he worked as the director of the Crimean Tatar Museum in Aqmescit (Simferopol). See: Tietmeyer, 2009, p.12.

VII

GDR times: Homo sovieticus tataricae or Tatars as Socialist brother people

After the founding of the German Democratic Republic on October 7, 1949, the German archive landscape was divided as the country itself. This process had already begun in the Soviet zone of occupation and concerned nearly all archives: national archives, company archives, archives of parties and mass organizations¹.

In the last few years some researches on the German archiving system in National Socialism have appeared. Hermann Schreyer² was the first researcher to turn a large part of the little-researched German archive history after 1945, and presented a first overview of the state archives of the GDR for the period 1945 to 1990. This book by Schreyer also gives an overview of the functioning and ideological penetration of the GDR archive system through the Stalinist doctrine of the Soviet occupation power after 1945. Such a book has yet to be written for the Federal German (Western German) archive history, because such an overview of West German archive history after 1945 does not yet exist. The volume of Schreyer demonstrates the instrumentalization of the state archive system for political and official purposes at the expense of the actual specialist work and shows their personal, organizational and task-related effects.

In the “bourgeois phase” 1945–1957, the management level of the state GDR archival system was characterized by the continuity of the archives of the Nazis during the Nazi era. Soon afterwards, the GDR-archives became a refuge for abused GDR officials. At the latest, with the deployment of the former SED³ Chief of Staff Karl Schirdewan as head of the State Archives Administration in

¹ For example, there were party archives, which were divided: A party archive of the CDU East and one of the CDU West (CDU = Christlich-demokratische Union / Christian-Democratic Union), the continuation of the entire German publishing archives was divided, parts of the Prussian secret state archive remained in West Germany, other parts in Poland or the GDR etc.

² Schreyer, Hermann: *Das staatliche Archivwesen der DDR. Ein Überblick* (The State Archives of the GDR. An overview). Düsseldorf: Droste Verlag, 2008, 308 pp. There are two other publications on the history of the GDR: Walther, Simone: *Zum Umgang mit der NS-Vergangenheit beim personellen Neubeginn im zentralen Archivwesen der SBZ/DDR 1945–1952. Versuch einer Bestandsaufnahme* (On dealing with the Nazi past in the personnel new beginning in the central archives of the Soviet Zone / GDR 1945–1952. An attempt at a survey), in: Friedrich Beck u.a. (Eds.), *Archive und Gedächtnis. Festschrift für Botho Brachmann* (Schriftenreihe des Wilhelm-Fraenger-Instituts Potsdam), Potsdam 2005, pp. 217–236 and Hanslok, Andreas: *Museologie und Archivwissenschaft in der DDR. Abgrenzung und Annäherung zweier Nachbarwissenschaften* (Museology and Archive Science in the GDR. Delimitation and approach of two neighboring sciences), Marburg, 2008.

³ SED = Sozialistische Einheitspartei Deutschlands / Socialist Unity Party of Germany.

1958, the continuous reconstruction of a socialist archives began. As a result, educated specialists were harassed because of a lack of systemic conformity, were forced out of leadership positions and replaced by politically opportune, but unqualified employees. Several renowned archivists moved to the Federal Republic of Germany. This still leaves trace in the former GDR archives until today as well as concerning their possible usability or the segregation or destruction of archival materials or even their concealment.

However, what does all this mean for us in the context of Tatarica research in former GDR archives? We can illustrate these circumstances by concrete examples.

The first example concerns the field of Musa Dzhaliil research. As we know there where a dozens of publication by and/or concerning Musa Dzhaliil published in GDR, it worked a ‘Musa Dzhaliil Brigade’ in the GDR, a film about his way of life was made⁴ and student initiatives were taken to look after Dzhaliil's biography and literature.

The archive of the Dzhaliil brigade of the VEB Bremsenwerke (brakes factory) from GDR times in Berlin is probably lost forever, because the responsible persons of the Dzhaliil-Brigade-Archive were removed from their factory when it was bought up by the Western German old owners, the company “Knorr-Bremse”⁵. They do not engage in any conversations about the past, report intimidation, pressure and conflicts⁶, based on the different assessment of the past of the company and the GDR as a whole.

⁴ In this film, “The Red Chamomile”, the ‘creme de la crème’ of the GDR artists contributed. The film was directed by Lothar Bellag, the music originated from Wolfgang Pietsch and the performers were: Fred Delmare (Sakhrum), Hans-Joachim Hanisch (Fuad), Albert Hetterle (Timur), Günter Naumann (Habdulla), Hilmar Thate (Dzhaliil) as well as Helga Göring, Barbara Dittus, Kati Székely, Eberhard Mellies, Ekkehard Schall, Werner Dissel, Atila Kiliç, Max Bernhardt; Production company: DEFA-Studio (Potsdam-Babelsberg, Artistic Working Group Solidarity), German Premiere: 24.11.1963, Television of the GDR I.

⁵ www.knorr-bremse.de

⁶ Some remarks concerning the GDR-heritage of Musa Dzhaliil one can see in the „Musa-Dzhaliil-Internet-Archive”, created in 2008 by some students and researchers in the framework of the project „Rasnoobraziye / Diversity”, led by Leysan Kalimullina and Mieste Hotopp-Riecke, supported by the Robert-Bosch-Foundation, online under URL: <https://rasnoobrasie.wordpress.com/2008/01/03/blog-archiv-der-projektgruppe-%E2%80%99Erasnoobrasie/> [12.01.2016].

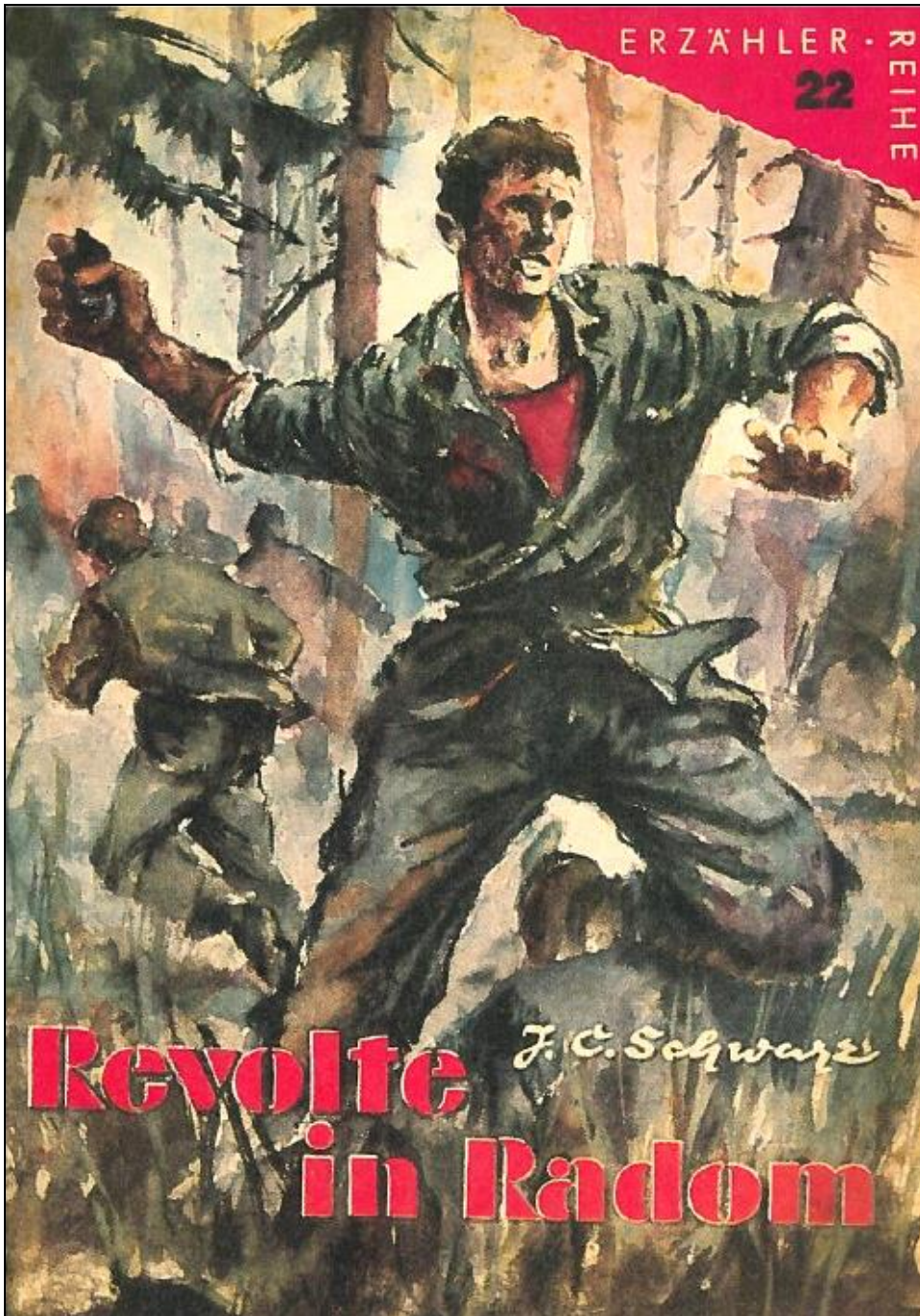

Figure 30. Frontcover of „The revolt of Radom” Novel by Joachim Chaim Schwarz, illustrations by Klaus Poche. © ICATAT-Archive Magdeburg.

On the other hand, the new owner of the brakes factory, Knorr-Bremse, headquartered in Munich, did not want anything to do with the communist past of the GDR company: the archives of the GDR company were completely destroyed. Unfortunately, work on “archeology of memory” with former employees of the VEB Bremsenwerk Berlin, now Knorr Bremse, will no longer be possible. That would have been interesting, because today, like in GDR times, the partner company of Knorr-Bremse Berlin was the KAMAZ company in Yar Çallı / Nabereshnye Tschelny and is it still. Workers and officials from Kazan and Yar Çallı also visited the plant in Berlin as well as also Tshulpan Salilova met with the Berlin workers. Still living witnesses to these encounters do not want to talk about it. This would make it all the more important to be aware of this Brigade Archive. But political blinders and misunderstanding of common history on the part of the new management now prevent this: Ideological archive policy as before, only in reverse.

Another example in the framework of Dzhilil-research is the case of Franz Fühmann, the so called prince of the poets of the former GDR literary landscape. The above mentioned Dzhilil students' projects, as well as the literature itself, which are prescribed by the authorities, cannot cover a shortcoming: The Dzhilil reception in the GDR was a state-controlled issue, which was guided not by the interests of the readers on Dzhilil's life and work, but a more by the communist power of the GDR. Franz Fühmann, the main poet of the GDR, wrote his impressions in the context of his 1968 Mecklenburg trip, which also led him to Wustrau. There he meets “some sixteen-year-olds who have done a research assignment on Musa Dzhilil. Wustrau is becoming more and more crazy. I am astonished that Dzhilil lived here a time; He had been sent to a Vlasov camp for Soviet prisoners of war in order to carry out counter-agitation”. Apart from the fact that these statements from Fühmann are historically inaccurate, the origin and result of this student research is very significant for dealing with Soviet literature as a whole in the GDR. Fühmann wrote in his diary that only nine of the pupils had been given the assignment, but had never heard of Dzhilil or his poems before, never read anything, nor had he seen a picture of him. The students would know that he had written a book, but they could not get it. Of the population in Wustrau, the students were not able to get any informations by doing interviews, which is not surprising, as the subject area of collaboration as well as expulsion and GULAG system in the GDR was actually a strictly taboo in public discourse. Fühmann notes, essentially the project was based on NDL articles, letters to Soviet pioneers on the subject remained unanswered: “I guess, they write to Komsomol of Tataria. NDL-Article⁷ gave them Mrs. Doe [The class teacher]. That is the whole result” writes Fühmann laconically.

⁷ NDL (Neue Deutsche Literatur) – the Journal New German Literature, published in Berlin by Aufbau Publishing house and the Eastern German Writers Association (Deutscher Schriftsteller-Verband), here especially: first German translation of the Dzhilil poem „Death

What can these examples show us? In archival work with GDR inheritances in particular, as with archive material in general, always have to be thought of: Who archived what for what purpose and to what extent? In the case of Tatar-German archive material from the GDR period, this means that it is necessary to draw on the documents of the Ministry of State Security and West German sources in order to obtain a neutral picture of the situation. Regarding archive work in the German East-West context, one must also note that there was a phenomenon that does not exist in other countries: Critical literature by GDR writers and thus the corresponding archival material such as manuscripts and correspondence often released exclusively in the old Federal Republic of Germany / West Germany and not in the GDR / East Germany.

This did not concern only literature by well-known writers such as Heiner Müller (1929–1995)⁸ or Sarah Kirsch (1935–2013)⁹, but also almost unknown writers like Paul Gratzik. The latter transports a special “Tatar” image in his novel “Kohlenkutte”. Gratzik, born and grown up in East Prussia, studied carpentry after the expulsion of his family in 1952–1954 and worked thereafter in West Germany, Berlin, Weimar and finally in the coal mine construction in Saxony / GDR. After studying at the Institute for Teacher Training in Weimar from 1963 to 1966, he worked as an educator until 1971. In the second educational path, he began his studies at the literary institute “Johannes R. Becher” in Leipzig in 1968, but was relegated after a short time. From 1971 he was a freelance writer and also worked as a part-time worker in the VEB Transformatorenwerk Dresden in 1974. From 1977 Gratzik lived in Berlin among other things as contract author with the Berliner Ensemble. From 1962 to 1981 he was as an informer/spy of the Stasi (GDR state security) active, but declined an additional activity and since 1984 itself was an observation object of the state security service “Stasi”.

of a girl”, by Franz Leschnitzer on the occasion of the 60th birthday of Musa Dzhahilil with some remarks of Leschnitzer, NDL Nr. 2, 1966, pp. 111/112.

⁸ Heiner Müller's theme of life was criticism of Stalinism as – from his perspective – the combination of Socialism and Slavism. In 1991, he wrote: “This alliance was the nightmare of Karl Marx, one knows the stamp of Russian politics by tatar invasion”. He published to very critical books, e.g. in West Berlin.

⁹ Author of the poem “*Tatarenhochzeit*” (Tatar Wedding), Stuttgart/Munich: Deutsche Verlagsanstalt, 2003.

Figure 31. Musa Dzhaliil while conspirative talkings in a pub in Radom.
Taken from "*The revolt of Radom*" Illustration by Klaus Poche.
©ICATAT-Archive Magdeburg.

In this novel by Gratzik the ethnonym Tatar (enriched with the R as Tartaros) – is used as a metaphor in various situations. Tartar stands in this novel as a mockery of the ruling GDR authorities. In other text segments the soldiers of the Red Army are meant directly and Tartaria stands as a synonym for the USSR and the stalinism at all. Through the repeated references to the “war against my tartars” and the synonymous use of this ethnonym by Fritz “Kohlenkutte” Rodschinka also for “the up there” in enterprise and politics a regide rejection of the GDR system is marked clearly (“shit on the Politics, human remains human, forget, man, Tartaria”, p. 146). Allusions to GULAG system, later payed freedoms of GDR prisoners, 17 June 1953, the weariness of class struggle and 5-years-plann fillings are also symbolized by the Tartar picture. Tartaria and Tartar, on the one hand, takes the plain place of an insult. On the other hand, the ethnonym takes a negative general place which symbolizes everything that deforms and went wrong in the distorted GDR system, in history, everyday life and politics. Also the ethnonym Tartar stand here side by side in one context with sex, alcoholism and violence. All this, of course, is in stark contrast to the official Tatars image in the official GDR: The Tatars as a friendly Soviet neighbors. For this reason, it would be interesting to see which documents are relevant, laying in the various relevant archives, for example the archives of the Writers' Union, to the Archive of State Security or in private archives. Moreover, of course, there is also the question in space, was this a relevant case in Soviet and Tatar discourses and/or at the KGB. A next example shows that the secret services were partially involved when it came to “correct real socialist literature”¹⁰.

In the work of the great GDR writer Erwin Strittmatter, one also encounters a mistakenly negatively interpretable image of the Tatars. In his novel “Wonderdoer”¹¹, two of his protagonists stand in front the monuments of Stalin and Lenin: “*The one had a dark Georgian moustache and looked down on Stanislaus, but also on Paule Pöschel; The other with the Tatar face had smiling eyes, and looked a little indulgently at Stanislaus and Paule*”. But Strittmatter did not want this to be understood as a hidden system of criticism or in the sense of old stereotypes, no. Vice versa, he used the attribute Tatar in his eyes as a value, pointing simply to the physiognomy of Lenin. After the translation of his novel into Russian, where the attribute was simply erased, he complained in a letter to the “politically responsible editor” in Moscow: “*When describing a picture of Lenin, I used the term Tatar, which is seemingly not allowed? This means: Tatars are subhuman or inferior people in the eyes of today's political descendant of*

¹⁰ Westdickenberg, Michael: *Die “Diktatur des anständigen Buches”. Das Zensursystem der DDR für belletristische Prosaliteratur in den sechziger Jahren* (The “dictatorship of the decent book”. The censorship system of the GDR for belletristic prosperity in the sixties). Wiesbaden: Harrassowitz, 2004, with regard to Strittmatter see p. 17 ff.

¹¹ Strittmatter, Erwin: *Der Wundertäter* (The Wonderdoer). Berlin: Aufbau, 1980.

Lenin? Keep that in mind! I insist that what is written has to be translate into Russian. I have not yet signed the contract. I am not eager to be printed now". This letter can be found in the International Archives for Social History of German Literature (Munich)¹². Strittmatter's indignation is comprehended against the background that the work of the Tatar-Soviet hero Musa Dzhahilil and his subsequent generation of writers from Tatarstan determined the official Tatar image in the GDR. Strittmatter evidently took the humanist worldview of the equal socialist brother peoples seriously and was influenced by personal contacts with Soviet writers. As early as the fall of 1967, he undertook a Soviet Union trip, which described in the diary "True Stories of All Kinds". A short sequence from this diary is evidence of his straight-forward attitude towards the use of the ethnonym Tatar – without any ambiguity: no other GDR writer was able to discover a comment on the fate of the Crimean Tatars. Erwin Strittmatter broke this taboo. (Here we should recall that the term "Crimean Tatars" has been eradicated from all literature in all Eastern Bloc countries, including in the GDR, from fiction to lexica and schoolbooks). He enjoys the air, the birds' voices and the blackberries on the summit of "Ay Petri", the most famous mountain of the Yayla mountains in the Crimea, and then there are "*the remains of a Tatar village. A decayed well. No friendly water flashing from its bottom. The Tatars expelled, the village left to the forest, which gently grows it. It seems as if every moment a girls' talk or whisper have to be heard when you scratch the earth at the edge of the fountain*" he wrote in his diary of October 13, 1967¹³ after an excursion to peak of Ay Petri, which became the symbol of the Crimean Tatars resistance after the return of the Crimean Tatars from the deportation. Sure, this is only one sentence in the multi-thousands page work of a major GDR writer, but other authors did not even manage those sincere little thing.

The complaint addressed to the Moscow editorial staff – especially against this background – raises a very indicative light on the inner-Soviet sentiments regarding the alleged equal rights of all peoples and dealing with corresponding ethnic vocabulary. A small note "Tatar" in relation to Lenin seemed to the censors in Moscow, even in an extensive novel such as *Wonderdoer*, so dangerous or dishonorable that the attribute had to taken away.

According to what was published before and during the Second World War on desolate ideological pamphlets against the 'Tatar Lenin' or "Tartarian barbarian Bolsheviks", Strittmatter's request to free the attribute Tatar(ian) from his pejorative connotations by means of its neutral use – although highly honorable and highly credible by him – but also a little naive in view of the massive human rights crimes that lasted until the fall of the USSR not alone against the Tatars in general, but against the Crimean Tatars without any question.

¹² Online under URL <http://www.iasonline.de/>

¹³ Strittmatter, Erwin: *Wahre Geschichten aller Ard[t]* (True Stories of All Kinds). Berlin: Aufbau, Aus Tagebüchern, 1982, p. 60.

Another question concerning Tatar literature in German archives could derive from the fact that Tatar writers were published in the GDR, the GDR traveled, or GDR writers traveled to the TASSR. What about these contacts in the archives? Can a Tatar-German history of everyday culture and literature be found? Which writers, interpreters and illustrators found the way to Tatar authors and vice versa? While one could read official Tatar Soviet literature in the GDR, such as Bashirov, Kutui, Dzhahalil, and others¹⁴, texts or messages from Crimean Tatars can only be discovered in the GDR-Samizdat literature, now exclusively in the archives of the GDR opposition or in the GDR Stasi Archive Berlin.

Let us take a final example of archival work in the Tatar-German context to shed light on these questions. With this last example, we return to the Musa Dzhahalil research: the first belletristic publication in German following the biography of Musa Dzhahalil, the story "The Revolt of Radom" from 1958. In this narrative the author refers to the events surrounding the first line-up of the Volga-Tatar legion of the German Wehrmacht as well as the antifascist activities of the Dzhahalil group. The story comes from Joachim Chaim Schwarz, an influential GDR writer.

The German Jew Joachim Chaim Schwarz escaped to Palestine before the National Socialists and came back in 1950 to the young GDR. Since his return, the convinced socialist had tried hard to get a membership in the SED, which was denied him in 1953 because of his alleged membership in "Zionist circles". Schwarz, whose literary talent no less than the above mentioned "Dichterstürm" (prince of GDR-poets) Franz Fühmann promoted, was in the early 1960s long regarded as a promising young author. He published numerous reports between 1953 and 1955 and seven reportage novels, which had been published between 1955 and 1962. And for his book "Der neue Direktor" (The new Director) (1961) he won the literary prize of the "Free German Federation of Trade Unions".

Three years later the dream of a literary career for J. C. Schwarz was over again. For the Stalinist concept of the so-called "Bitterfelder Weg" (artists to the factories!) had failed and was revised. J.C. Schwarz, however, had been fully instrumentalized for this 'Bitterfelder way' and had therefore failed.

¹⁴ Nadshmi, Kawi: *Frühlingswinde* (Spring Winds). Leipzig: Paul List Verlag, 1955; Gaffar, Achat: *Großvaters Quelle* (Grandfathers fountain). In: Sowjetliteratur. Moskau, 1985, 77–93; Gaidar, Arkadi: *Timur und sein Trupp* (Timur and his gang). Berlin: Kinderbuchverlag, ATB Alex Taschenbücher, 1950; Sabirow, Safa Sabirovič: *Hundert Kilometer auf einer Eisscholle* (One hundred kilometers on an ice floe). Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1964, 1. Oktoberheft, Nr. 19; Baschirow, Gomer (Bäširov, Gomär): *Ehre*. In: *Sowjetliteratur*. Moskau: Schriftstellerverband der UdSSR, 11/12, 1951, 13–144 (11); 3–80 (12); Baschirow, Gumer: *Nafisse – Roman einer Liebe*. Berlin: Kultur und Fortschritt, 1954; Kutui, Rustem: *Bittere Eicheln*. In: *Sowjetliteratur. Neue sowjetische Erzählungen*. Moskau: Schriftstellerverband der Sowjetunion, 6, 1986, 92–99.

Schwarz was then accused in 1966 of mocking the workers and peasants in his books. It couldn't be worse than that! Under the pseudonym Carl Jakob Danzinger, he published his books ten years later mainly in the Federal Republic of Germany (Western Germany). Thus in 1976 the autobiographical novel "The Party is always right" in which he describes his disillusioning experiences as an author and a socialist under stalinist circumstances. In the archive of the GDR's state security service one can read his letter from 1959 to the famous and influential writer Erwin Strittmatter, in which Schwarz sarcastically asks for assistance: "I am therefore politically immature and a parasite at the tender body of the writers' association"¹⁵.

In connection with his story "Revolt of Radom", archival research would be indispensable. Because the text was published in 1958 and thus at a time since in German language little was known about the life course of Dzhilil. For up to Stalin's death in 1953, the Dzhilil story was still a Stalinist taboo. In 1946, MGB opened a file on Musa Dzhilil branding him as a traitor. In April 1947, his name was included in the list of wanted "dangerous criminals". Only after the death of dictator Stalin Tatar writers and the Tatarstan department of state security proved Dzhilil's underground work against the Nazis and his death and "The Moabit Notebooks" were published in Kazan. The Russian translation also was published in *Literaturnaya Gazeta*, owing to its editor, Konstantin Simonov. Musa Dzhilil was awarded the star of the Hero of the Soviet Union in 1956 and Literature Lenin Prize in 1957 for The Moabit Notebooks.

The first sparse publications in German are from 1955 published in the magazine Soviet literature, 1956 in the SED party-newspaper "Neues Deutschland"¹⁶ and 1957 his poems as "Moabit Notebooks"¹⁷ in the GDR were published. The first German Dzhilil researcher, Leon Nebenzahl¹⁸, remarked cor-

¹⁵ See document dated on 14.03.1959, in BStU 14491/92, Bl. 14 ff.

¹⁶ The article „*First Carmen of Tataria*“, published at 05.02.1956, online under URL: <https://www.nd-archiv.de/artikel/1197443.die-erste-carmen-tatariens.html> [27.12.2016].

¹⁷ Džalil', Musa M.: *Aus dem Moabiter Heft / Mussa Dzhilil*. German translation by Franz Leschnitzer. Introduction by. Amina Dzhilil "Zwischen den Zeilen" („Between the lines“). Epilogue by Erich Müller. Berlin: Verlag Kultur u. Fortschritt, 1957. 46 S.

¹⁸ Concerning the work and life of Nebenzahl see chapter "Die geliehene Stimme: Leon Nebenzahl", In: Hartewig, Karin: *Zurückgekehrt. Die Geschichte der jüdischen Kommunisten in der DDR*, Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2000,; see further: Nebenzahl, Leon: *Poslednie dni Musy Džalilja* [Last days of Musa Dzhilil]. In: *Literaturnaja Gazeta*. Moskau: Writers association of USSR, Nr. 5 (3971), Saturday 10.01.1959, p. 4; same: *Der Tod des tatarischen Dichters Mussa Dshalil* (The death of the Tatar poet Mussa Dzhilil). In: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 3, 1967, p. 459–461; same: *Auf den Spuren von Mussa Dshalil*. In: Schiel, Ilse; Milz, Erna (Eds.) *Im Zeichen des roten Sterns. Erinnerungen an die Traditionen der deutsch-sowjetischen Freundschaft*. Berlin: Dietz, 1974, p. 307–317. S.a.: Nebenzahl, Leon: *Mein Leben begann von neuem*. Berlin: Dietz, 1985, especially the chapter „Nachforschungen über Jahre“ (Researches over years), p. 94–102.

rectly in a speech at a 1958 history congress: “The question of the legions and the so-called Vlasov army has not yet been dealt with in the German Democratic Republic and, as far as I know, in the Soviet press too. In West Germany, on the other hand, has been written and published a lot”¹⁹. Firstly, little was known about the subject area “Tatars in Wehrmacht and SS”, and secondly, this was subject to a strict taboo until the end of the GDR: collaboration or freedom urge, GULAG system or concentration camp, Stalinist “Great Terror” or prospect of allegedly free Unfolding. These questions were concealed until 1990 by the doctrine of “anti-fascism” and “real existent Socialism”. How, then, did the author Joachim Chaim Schwarz come to sources of the events of Radom and generally the Dzhailil group? Who arranged the assignment and the theme to him and the illustrators Klaus Poche? Which role did play the wife of J.C.Schwarz, the well-known journalist Helga Schwarz-Stötzer²⁰, and the German-Russian journalist Leon Nebenzahl as well as persons from the Soviet side, from Secret services, publishing houses and archive administrations?

As this last example shows, interesting questions are still to be answered. These answers can also be found in German archives. In this case, the Klaus Poche Archive at the Academy of Arts²¹, the Leon-Nebenzahl-Archive²², the archive of the commissioner for the documents of the GDR state security²³, the Joachim-Chaim-Schwarzestate at the Staatsbibliothek in Berlin²⁴ and various

¹⁹ The conference took place in Leipzig from 25 to 30 November 1957. See: Nebenzahl, Leon: *Mussa Dshalil – poet and fighter*. In: Stern, Leo (Red.): *Problems of the History of the Second World War: Speeches and discussion on the topic: The most important directions of the reactionary historiography about the Second World War*. Editor: Commission of Historians of the GDR and the USSR. Berlin: Akad. – Verlag, 1958, p. 367–378.

²⁰ Helga Schwarz-Stötzer (1932–2003) worked for several Journals and newspapers, especially for „Freie Welt” („Free World”).

²¹ Author and Illustrator (18.11.1927–2007), Klaus-Poche-Archive at the Academy of Arts, Berlin, online under URL: <https://archiv.adk.de/bigobjekt/16702>; see also: item “Klaus Poche”, In: *Wer war wer in der DDR. Ein biographisches Handbuch* (Who was who in the GDR. A biographic manual). Frankfurt: Fischer, 1996, S. 573.

²² Konvolut “*Erinnerungen des Journalisten Leon Nebenzahl*” (Konvolut “Remembrances of the journalist Leon Nebenzahl”) Leon-Nebenzahl-Archiv at the Federal Archive (Bundesarchiv) departement German Digital Library; Online under URL <https://www.archivportal-d.de/item/3JAY37UEN23KABT6KDR3OWR2ZLI2YRWS>

²³ The Office of the Federal Commissioner for the records of the State Security Service of the former German Democratic Republic (BStU) preserves in its archives the documents of the Ministry of State Security of the GDR secured in 1990. These are more than 111 kilometers of files and more than 1.7 million photos, online under URL: http://www.bstu.bund.de/EN/Home/home_node.html [24.12.2016].

²⁴ Under Signature „Nachlass 346” (inheritance 346) are to find 60 boxes, 5 folders, 2 large photos (1808 folders, manuscripts, correspondence, life documents, photos, printed matter), online under URL: <http://kalliope.staatsbibliothek-berlin.de/de/query?q=schwarz%2C%20joachim&lang=de&htmlFull=false&fq=ead.pers.index%3A%28%22Schwarz%2C%2>

archives of different publishing houses and newspapers as for instance the “Neues-Deutschland-Archive”, where only forty-six articles concerning Musa Dzhahilil have been published²⁵.

As one sees, in the context of the former GDR archives, there are still many unanswered questions which can concern various phenomena: the ideological instrumentalization of history, racism, colonialism, the effects and functions of power and domination in stalinism / communism, popular diplomacy, and literature or stereotyping research. There are correspondence, intelligence documents, manuscripts and artifacts of material and audio-visual provinciality waiting to be discovered, analyzed and published!

In addition to the official archives, there are also traditions and collections in the private and communal sphere, which may be of interest. In particular, smaller collections in villages or small towns often offer still unknown sources in their often non-scientific collections. These are mostly letters, photographs, pictures, tools, documents, diaries, and other forms of recordings.

Figure 32. Foto of the POW-Camp in Wustrau 1942,
taken from an inofficial chronicle of the local archive in Wustrau.
©ICATAT-Archive Magdeburg.

0Joachim%20%281909–1992%29%22%29&lastparam=true [28.12.2016]; See further: Spitzer, Gabriele: *The estate of the journalist and writer Joachim Chaim Schwarz. A new acquisition for the State Library Berlin*. In: *Jahrbuch Preussischer Kulturbesitz Berlin*: Mann Vol. 29 (1992), p. 399–406. Signature of the Staatsbibliothek: Za 1214.

²⁵ There are existing two Archives of newspaper „Neues Deutschland”, one only for pay, a commercial archiv at the company online under: <https://www.nd-archiv.de/> [27.12.2016] another one under the umbrella of the State Library in Berlin Digital Archive of Neues Deutschland from 23 April 1946 to 3 October 1990 on the portal “DDR-Presse” of the Newspaper Information System (ZEFYS). Free for readers of the State Library respective after online registration, online under URL: <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse/> [28.12.2016].

The example of the village of Wustrau, which has already been mentioned in the context of Musa Dzhahil-research, offers a great deal of access in this respect. In connection with a digitization project with pupils, parts of the village archives could be secured. In addition to the materials mentioned for the Tatar prisoners of war camp, there were also so-called gray literature. These are not official prints. In the case of Wustrau there was a local chronicle, which had been made by a local teacher in the 1950s. In this, on the basis of reports of the eye witnesses, the report describes the history of the camp. Up to now, there were no references to this documentation in the well-known literature. The fund is hopefully sensitizing researchers to go back into the field research beyond the current research practice.

VIII

Private Archives in contemporary Germany: Potential capacities in the clandestineness

After the collapse of so called “real socialism” came the last big wave of Tatar immigrants to Germany. Today this Tatars from all over the Ex-Soviet Union set the basis of the different associations of the Tatars in Germany. Noteworthy in this connection are the Tatar-Bashkir cultural association and “Tatarlar Deutschland” (former Union of Tatars) - the strongest association. Meeting Tatars in Germany, for example, during Sabantuy celebrations in Berlin, Leipzig, Frankfurt and Dresden, one can discover interesting life stories and memories hear that are historically relevant and human touching. From such discussions, opportunities may arise and to be able to discover private archives.

In the archives of private persons, Tatar intellectuals in Germany, are still undiscovered treasures to Tatar History, art and culture of the Tatars and the immense political and ideological eruptions of the 20th century. Here we illustrate this with some examples.

In this volume of Yazma Miras some materials are presented only as an example. The possibilities of research and publication, the variety of topics and diversity of archive materials (micro-films, photographs, manuscripts, reprints etc.) can be shown as only fragmentary manner. We chose as examples from the estates of writers and artists like Medina Mamleev, Guzel Amalrik and Alya Rakhmanova and autographs of the private archives of Venera Vagizova and Feyzi Yurter.

Taken from the private archive of Venera Gerasimov-Vagizova, head of the Association of Tatars in Germany (“Tatarlar Deutschland”) we publish here some pages from the life of her grandfather from the mother's side, Hassan (Muhammet-Hassan) Usmanovitsh Usmanov (1894–1954).

Hasan Usmanov was born in the family of farmer Usman and his wife Hairlbanat, daughter of a spiritual. He learned in the madrassah and in the Russian school, mastered the languages of the peoples of the Volga region (Chuvash, Mari, Bashkir, Udmurt, Russian, Mordvin). He worked in various factories as worker in the Tsarist Russia, after the revolution in 1917 he was one of the first as a Red Army soldier in the army, then began his work activity at various small businesses. Since he got a good education in his childhood and youth, he was from People's Commissariat of Education as a teacher appointed in 1925 for the eradication of illiteracy. Since that time and until his death in 1954, he still works as a teacher and was one of the proponents of the Enlightenment in the countryside in TASSR.

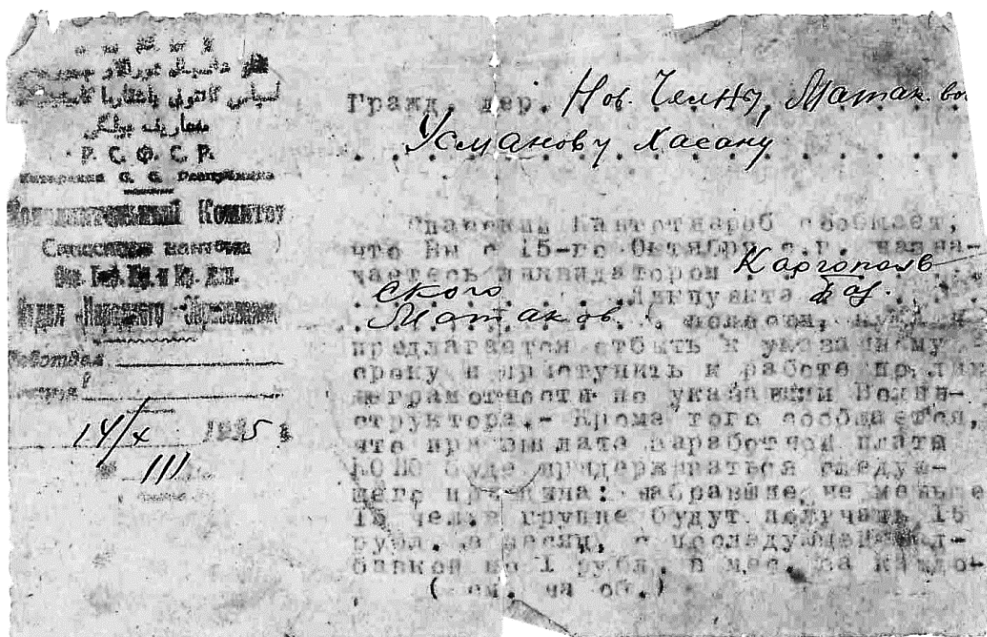

Figure 33. Document on the appointment of Usmanov as a responsible peoples commissar for liquidation of illiteracy of April 3, 1925. Private Archive Gerasimov-Vagizova.

Another example concerning private archives is that of Medina Mamleev, in Germany also known as Medina Coenegrachts or Princess Medina, daughter of count Ismail Suleymanovitch Mamleev¹. Her first book „I open my whole soul. A life in Russia”, her autobiography, was a best seller in Germany followed by several Tatar fairy tales, legends and fantasy novels.

In generally it was only with the onset of publication activity of Tatars outside of Russia (or former Soviet Union) as Guzel Amalrik, Baschirow, Dzhallil, Valiullina² or Medina Mamleew also a self-image of Tatars manifested as a counterpoint to the previously traditional public image of Tatars as exotic or

¹ Concerning life and work of Medina Mamleev-Coenegrachts see diverse articles in newspapers of Germany, as for instance: Tshulpan Usmanova, Frank Schulze: *Literary discoveries in the Frankfurt Book Fair*. In: *ALTABSH*, Berlin, Nr. 1, 2004, p. 2/4, online under: <https://tamga.files.wordpress.com/2008/01/altabash-1-2004.pdf>; Venera Vagizova: *Немецкая татарка Медина / Die deutsche Tatarin Medina* (The German Tatar Medina). In: *ALTABASH*, Nr. 6/9, 2005, p. 6/10–11, online under: <http://1997-2011.tatarstan.ru/files/AlTaBash100705.pdf>.

² Author of „Didar and Faruk”, a bestseller written in Dutch language. The Tatar writer Valiullina (b. 1964) grew up in Tallinn, Estonia. After studying Norwegian Language and Literature in Moscow, she emigrated to the Netherlands. „Didar and Faruk” edited in German language by Knaus Albrecht (Munich, September 30, 2007).

aggressive aliens. Medina Mamleew recalls the great Tatar heritage, the immense influence of Tatar culture on European civilization and the close ethnic fusion of Russian and Tatar noble families: „*Of the Tatars come famous generals as Suvorov and Kutuzov. Russians are still proud of these men and call them Russians. The Cossack leader Kochubey came by the Tatars. Tsar Godunov was of Tatar blood. He ruled after Ivan IV. The Stroganov family who conquered Siberia, were of Tatar origin. The writers Akhmatova, Bunin, Gogol, Derzhavin, Karamzin, Turgenev, Tütschew derived from the Tatars, as well as several composers such as Rachmaninov. Tatischev, Tschaadaew and Prince Yusupov came from the Tatars. Lermontov's mother was a Tatar. There were outstanding personalities who had done a lot for Russia, marked Russian history, have enriched literature. In the history they are all received as Russians, but they were Tatars!*” The quotation is from the unpublished manuscript “On the road of life” This biographical novel is the sequel to the bestselling “I open my whole soul”. For the right to extract the manuscript and the warm reception at her flat in Neu-Ulm, Bavaria, I thank in heartfelt remembrance Medina Princess Mamleew-Coenegrachts.

Medina, born in Petrograd 1922, migrated to Germany 1943, was an engineer, academic, translator and writer of noble Tatar origin. She married during the Second World War and moved to Germany with her husband. Most recently, she worked as managing director of the company Inpharmco GmbH (Society for the marketing of pharmaceuticals) and since her retirement, especially as a writer. Medina Mamleew died in 2014, leaving nearly a dozen books which, although written finished and fully illustrated by masters of. However, they were previously seen only as a sample specimen or preview exemplars in her apartment. An official publication of these works by a publisher did not take place during her lifetime. She researched and archived extensive material to noble families of Tatar and Russian-Tatar interethnic relations. A research in his private archive as well as a compilation of her life's work, its archives and manuscripts would be a worthwhile project for young researchers in honoring the memory of that little woman with a large eventful history, a contemporary witness of the 20th century with all its fractures. Another example of Tatar exile biographies is the painter Guzel Amalrik. Her biography has been described with respect to the childhood of her own. From their further life and activities, we know just a little: Another worthwhile research goal.

Медина У.е.е.е.
12 октябрь, 2003 г.

Здравствуй и спасибо тебе за переводы и
написание письма.

Дорогая моя Венера,

Во мне бегущие мысли писателя
и мыслящего человека занимают
интереснейшим. Трансформация мысли
своего родного языка француз из Касабо,
он пишется и специализируется как-то
на переводчике. В Монпелье он работает
со студентами и их обучает, он
еще занимается в своем отделе. Но
переводчик имеет преимущество = он
специализируется на французском, а не на
написании французского языка и тому,
каким образом сейчас французский
самый удивительный. Все язык есть
с собой и с собой = французский
язык, но он французский. Слова и
фразы. Завтра Марсель и Париж
в Касабо

Французский язык из Франции,
и язык французский язык и тому же.

Figure 34. Letter written by Medina Mamleev to Venera Vagizova, who translated the books of Medina into Russian.

In addition to the literature of the returning ex-Wehrmacht soldiers after 1945 there were in the 1950s with the first exile Tatar publications to discover authentic self-images of the Tatars in German literature. For example, appeared in Munich, the magazine “The line” of the Christian convert Volga Tatar Ilyas Abdulla was published³. In the 1970s, the oppressive youth story of Guzel Amalrik, wife of dissident Andrej Amalrik appeared. She showed with her autobiographical book "A Russian Childhood"⁴ a gloomy depressing image of a Tatar family, their Tatar family in Moscow of the Brezhnev era: Tristesse, Kommunalka tightness, lack of money and alcohol mark everyday life not only of their family. Before the blows of the Father, the ubiquitous falsehood and surveillance and the mental illness of her sister, she takes refuge in the world of literature, painting and film⁵. There she met her future husband, Andrei Amalrik, a Russian historian and dissident⁶. There followed a number of court cases, detention and banishment to Siberia. Then they can leave with him together 1976 the USSR and begins to write down the childhood memories in France and Switzerland. In her book she openly discussed the racism in Soviet society, particularly against the Tatars, where they do not shy away from comparisons with the race segregation of the USA in the 1960s.

³ In addition to national heritage and historical themes it went the publisher apparently all about, show that only Christianity could save the Tatars before the Bolshevik downfall. Abdulla campaigned in his texts for understanding and appreciation for the Tatars, but saw himself on a better way, for example: „It is certain that the Tatars and Bulgarians were the most capable people, they have developed a high cultural life. They were such a strong people that even the whole of Europe trembled before them. The Russians were many years under the rule of the Tatars and in cultural terms they fell far short of the Tatars, but for all that the Russians can annihilate the Tatars countries. *Was war die Ursache dafür? Es gibt nur eine einzige richtige Erklärung: Religiöser, sittlicher, moralischer Zerfall im Volk der Tataren (...)*”, aus: *Die Zeile (The line)*, Nr. 4 / October 1952, p. 10.

⁴ Originaltitel: Vospominanija o moem detstve.

⁵ Amalrik 1976, S. 100–108.

⁶ Andrei Alexejevič Amal'ryk (* 12.05.1938 in Moskau; † 12.11.1980 bei Guadalajara, Spanien).

Figure 35. The photos show the Tatar painter Guzel Amalrik and Russian dissident, her Russian husband Andrei Alexeyevich Amalrik at a press conference in Airport Schiphol and in Amsterdam. Photos by Peters, Hans / Anefo – Dutch National Archives, The Hague, 19. July 1976, Fotocollection: Algemeen Nederlands Persbureau (ANeFo), 1945–1989, access-number 2.24.01.05 archive-number 928–6940 (Press Conference I) and 928–6985 (stroll in the town).

A forgotten bestselling author of the inter-war and post-war period is Alya Rakhmanova, who wrote her manuscripts always in Russian, but only published her books in German language⁷. “Salzburg has really brought me a miracle, the largest, which can meet a human being who lost his homeland. It gave me a new homeland,” she wrote in 1934.

“I have had the great fortune to spend my childhood and youth in the rocky mountains and the enchanted lakes of the Urals, in a strange world that brought particularly close to me both the secret forces of nature, and the human life, my passionate desire to get their puzzles on the ground, always gave me new food, and my love for God, for the people and for their good always had to be more powerful” she said in the preface of her narrative band “Mysteries of Tatars and Idols”. Alya Rakhmanova who started writing at age fourteen, saw keeping a diary “always been regarded as an indispensable necessity of life”. The books that have arisen from the early letters, evidence of her deep love for the homeland in the Ural Mountains, a wonderful observation and her deep empathy for the green mountainous world of Tatars and Russians. Tales of “The evil spirit in the Tatar village”, of “Kerbalai, the Tatar robber prince” or “Fishing on the Bujan”, one of the “Tatar-lakes” are early evidence of it. In addition, meetings with the Tatars of Caucasus and even with Crimean Tatars during the summer stays of her family on the Crimean peninsula, they should have inspired.

Bornas Galina Nikolayevna Djuragina on 27 June 1898 in Kasli near Yekaterinburg in the Urals. Alya Rakhmanova is the daughter of a noble doctor, she studied psychology and literature at the University of Perm. Her diary entries of their tragically sad fate have been translated into 21 languages and published in more than thirty editions. It is thus considered her as one of the most famous writers of the postwar period. However, she is not acknowledged, neither in Russian, Tatar nor German and also not in the Austrian literary history she is not even mentioned.

The outbreak of the Revolution forced the family to their expropriation to flee to Siberia, where Galina 1921 in Omsk married Arnulf von Hoyer, an Austrian POW (Prisoner of War). After escaping from Soviet Russia in 1927 they moved to Salzburg. Here Arnulf von Hoyer got his first permanent job, here were the diaries of his wife by chance into the hands of the publisher Otto Müller and quickly became best sellers, especially “The milk woman from Ottakring” is with 350,000 copies sold for a sensational success. The family experienced here probably their happiest years. From the young migrant woman here developed the writer Alya Rakhmanova. In rapid succession, in Austria she created the stories and novels “Students, Love, Tsheka and Death” (1931), “Matrimonies in Red Storm” (1932), “Milk Woman of Ottakring” (1933), “Secrets of Idols and

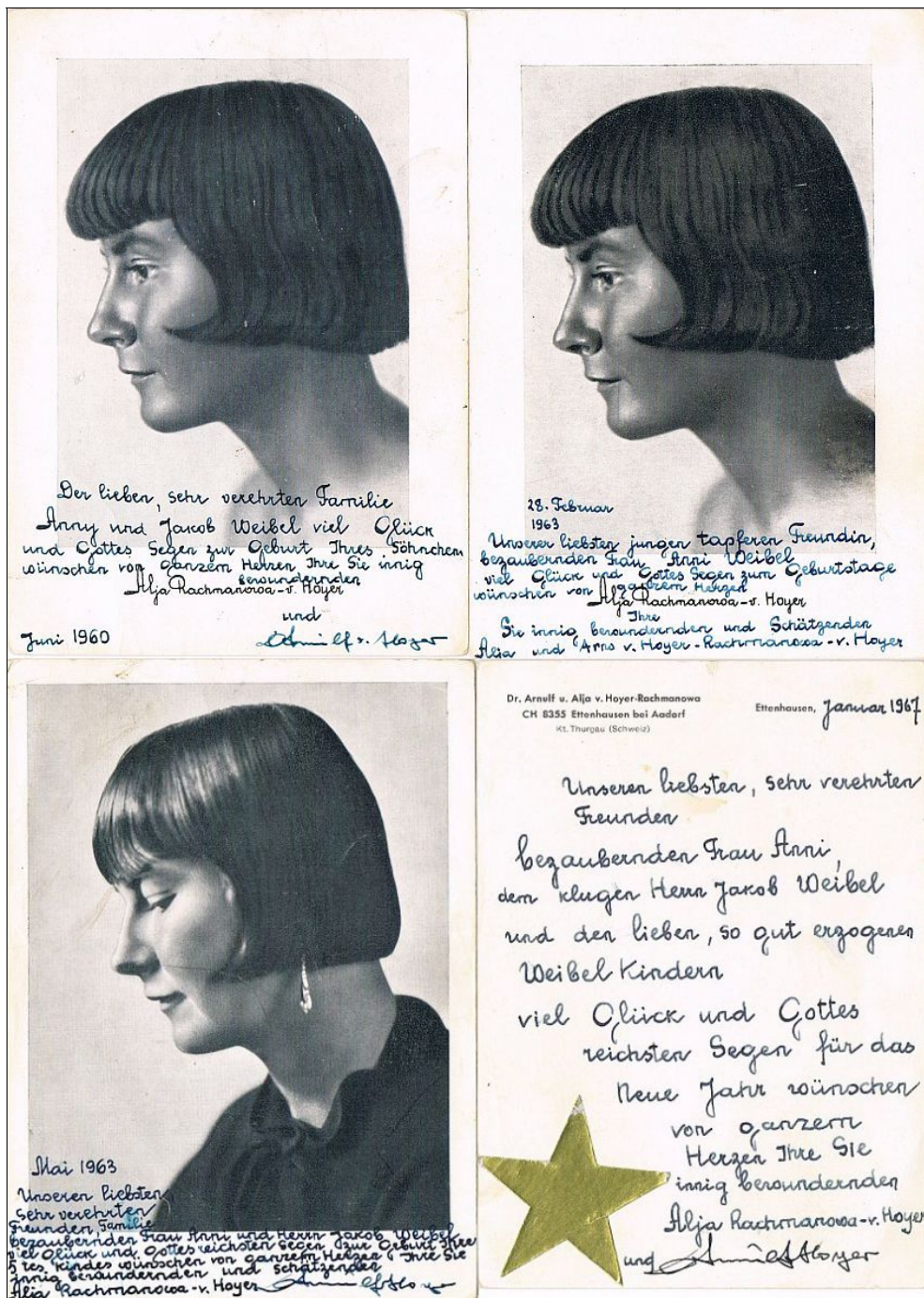
⁷ Her works have been translated mainly by her husband Arnulf von Hoyer into German.

Tatars” (1933), “The Factory of the new Man” (1935), “Tragedy of love. A Roman Leo Tolstoy’s marriage” (1937), “Jurka. Diary of a Mother” (1938) and “Vera Fedorovna. The novel of a Russian actress” (1940).

An important moment of her life, namely her choice of a Tatar pseudonym, which accompanied her life long, was and is still absolutely underestimated in literary history and paid the person Rakhmanova too little attention. Did she choose her pseudonym Alya Rakhmanova, under which she became famous later, really – as written – only in Austrian exile, so as not to jeopardize her relatives remaining in Russia? By contrast, stories like “Unsuccessful Love Post” witnessing the indisputable evidence of her pseudonym as a deep affection for her Tatar homeland beyond any religious and ethnic boundaries (“My name is Alja and advance to the fourth grade school”).

As her only child is killed in recent fighting around Vienna by their own countrymen in April 1945 and her life is threatened again in view of the advancing Red Army, she flees with her husband to Switzerland. The next book, “One of Many” is dedicated to the memory of her son and describes the events after moving to Salzburg 1927 until the death of his son in 1945. “Twenty-three years, we have (...) cherished our child, there have before wanted to preserve everything that might harm him, there have surrounded with a stream of love, for which there were no limits, the whole filled our hearts. Now our child is dead, because it had to be in a world where the hatred is stronger than love, and we, his parents, the true meaning of their existence on earth is taken forever” wrote the author in the preface of the book describing their pain about the loss. And Arnulf von Hoyer wrote in 1946 in a letter to friends in Salzburg: “It is natural for us very sad that we have to start all over again and we are, frankly, already *v-e-r-y* tired. Being alone, without our only child, is difficult for us and homesickness make life not any easier”. The Hoyer family refer in Ettenhausen, Canton Thurgau near Winterthur in Switzerland, their retirement home. One of the most famous writers of postwar period wrote in her late work Roman biographies of writers and published them as always translated into German by her husband. After his death Alya Rakhmanova needs the loving care of a neighbor. She survived her husband twenty years and died on 11 February 1991 at the age of 93 in Ettenhausen⁸.

⁸ Stahr, Ilse: *Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring, Alja Rachmanova. Ein Leben* (The secret of the milk lady from Ottakring. Alja Rachmanova: A life). Wien: Almathea Signum, 2012. Riggensbach, Heinrich (Ed.): *Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön. Tagebücher 1942 bis 1945 / Alja Rachmanowa* (Salzburg is also beautiful in snow and fog. Alja Rachmanova diaries 1942–1945). Salzburg: Müller, 2015.

Der lieben, sehr verehrten Familie
Anny und Jakob Weibel viel Glück
und Gottes Segen zur Geburt Ihres Söhnchen
wünschen von ganzem Herzen Ihre Sie innig
Alya Rakhmanowa-v. Hoyer
und
Eduard v. Hoyer
Juni 1960

28. Februar
1963
Unsern liebsten jungen tapferen Freundin,
bezaubernden Frau Anni Weibel
viel Glück und Gottes Segen zum Geburtstag
wünschen von ganzem Herzen
Alya Rakhmanowa-v. Hoyer
Ihre
Sie innig besundernden und Schätzenden
Alya und Anns v. Hoyer-Rachmanowa-v. Hoyer

Mai 1963
Unsern liebsten
Sehr verehrten
Freunden Familie
bezaubernden Frau Anni und Herrn Jakob Weibel
viel Glück und Gottes reichsten Segen zur Geburt Ihres
5ten Kindes wünschen von ganzem Herzen Ihre Sie
innig besundernden und schätzenden
Alya Rakhmanowa-v. Hoyer Eduard v. Hoyer

Dr. Arnulf u. Alja v. Hoyer-Rachmanowa
CH 8355 Ettenhausen bei Aadorf
Kt. Thurgau (Schweiz)

Ettenhausen, Januar 1967

Unsern liebsten, sehr verehrten
Freunden
bezaubernden Frau Anni,
dem klugen Herrn Jakob Weibel
und den lieben, so gut erzogenen
Weibel Kindern
viel Glück und Gottes
reichsten Segen für das
Neue Jahr wünschen
von ganzem
Herzen Ihre Sie
innig besundernden
Alya Rakhmanowa-v. Hoyer
und Eduard Hoyer

Figure 36. Autographs by Alya Rakhmanova, Private Archive, Switzerland.
With friendly permission by the archive owner Mr. Rolf Ramseier (see further:
www.autographenschweiz.ch).

IX

Tatar-German Places of Remembrance – An archive project with German students

The Brandenburg-Prussia Museum in Wustrau, near of Berlin, focuses in its work and exhibitions mainly on the era of the reign of the family of the Hohenzollern in Brandenburg and Prussia. However, a focus is also the museum pedagogy and education program in cooperation with NGO's like the Institute for Caucasia-, Tatarica-, and Turkestan Studies (ICATAT). In the context of the exhibition "Turks, Moors and Tartars – Muslims in Brandenburg-Prussia" in 2014 first projects emerged that dealt with the history of Tatars in Prussia in the 18th and 19th centuries¹.

These projects were carried out together with the ICATAT in Magdeburg and had the aim to shed light on selected biographies, closely to joint history.

Migration, integration, globalization and polyreligious multilingual societies are not phenomena of the present time. This shows the example of Muslim immigrants in Brandenburg-Prussia during the past five centuries. Meaning of Islam and Muslims in German history show that the most politically and emotionally charged debates functionalized recourse to little scientifically based, historical knowledge, but often refer solely to stereotypes, prejudices and handed down punditry. The educational program "Museum über Land – Ali und Hanife in Brandenburg und Sachsen-Anhalt" (Museum Cross Country) links in this desideratum and treated an important but hitherto not in school media treated aspect of German history. The different projects with pupils of different ages brought scientific expertise and informal education together. This should also reach target groups in regions of Brandenburg, whose journeys were too far to the museum in Wustrau. That is why we mobilized: Museum Cross Country. Our approach was there: combine regional history and biography work. Ali and Hanifa stood on examples for our approach: The "captured Turk" Ali (Turks means in early modern language nearly every Muslim from all over the Ottoman Empire or from Asia), captured by the Brandenburg General Barfuß at Ofen (today Budapest) experienced by its "integration classes" and Baptism in Tangermünde as Friedrich Aly a remarkable career: About the profession of chamber Turks at the Prussian court to a Major of a part of Berlin. Anifa (in modern Turkish Hanifa, born 04.09.1790) was the daughter of Prussian-Tatar Lancer Radolenski in Tatar Leib-Squadron of Baranowski. Based on the life stories of so-called "Captured Turks" and Tatar-Prussian Lancer and Muslim immigrants in today's Brandenburg connected to the specific regional context we

¹ Theilig, Stephan: *Türcken, Mohren und Tartaren. Katalog zur Ausstellung im Brandenburg-Preußen Museum*. Freiburg: Rombach, 2014.

showed in the workshops, seminars and lectures ways on comparative analyze how represent migration and integration in our society, the past and the present².

The Brandenburg-Prussia museum continued these intensive work with pupils and continued in connection with the project “Living Pictures” in cooperation with the Evangelical Church of Brandenburg and some regional NGO’s in Brandenburg. Scientists and also students of the Evangelical Gymnasium in Neuruppin discovered direct Tatar-German living spaces in Wustrau itself.

This history is been known for a long time only to a small group of interested people and historians. The history of the POW camp Wustrau in the World War II was once again explored. Interviews with surviving witnesses, local excursions, archival research and intensive discussions followed.

The aim of this work was to create a memorial at the site of the former camp itself, for the remains of the camp have long since expired, the place has been forgotten.

In June 1941 came after the attack on the Soviet Union millions of Soviet soldiers in German captivity. They even came from different nationalities, including Ukrainians, Bashkirs, Tatars, Georgians and Belarusians.

The living conditions in captivity can only be described as brutal, as hunger, disease, ill-treatment by the monitoring staff and refrigeration meant certain death for more than half of the prisoners.

One way out of certain death presented itself in 1941, when the leadership of the Wehrmacht – after the failure of Operation Barbarossa – proceeded to recruit volunteers among the prisoners³.

The responsible Ministry for the East under Alfred Rosenberg installed “national committees”, including the Volga Tatar, Turkestan, Crimean Tatar, Georgian and the Kalmyk⁴.

The emphasis on the “voluntary” but should not be overestimated. Because for the POWs it was a matter of survival: The admission to one of Ostlegionen meant better food and therefore a greater chance of survival. Consequently, they had the choice either to make a meal, and at the same time declared in the home as a traitor⁵, or to starve in the camps.

² For regionalization of history in context of muslim-christian cultural contacts in German history see: Hotopp-Riecke, Mieste; Theilig, Stephan: *Fremde, Nähe, Heimat. 200 Jahre Napoleon-Kriege: Deutsch-Tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen*. Berlin, 2014.

³ For the concrete interaction as part of German forces see: Frieser, Karl-Heinz: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, 10 Vols., Vol.8, Die Ostfront – Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten*. München: DVA, 2007.

⁴ *Bundesarchiv: Europa unterm Hakenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945)*. Berlin, Heidelberg, 1994.

⁵ However, all Prisoners of War declared by Stalin as 'traitors', without any connections with their real collaboration with enemy, just because they didn't fall in battle but became

The first researches in German archives about the “Ostlegionen” started with the work of Joachim Hoffmann⁶. He focused his investigations on archive material of the Bundearchiv Militärarchiv in Freiburg. The newer work of Sebastian Cwiklinski completes the work of Hoffmann⁷.

In Wustrau members of Idel-Ural Legion were housed in the former camp of the Reich Labour Service, including the famous Tatar author Musa Dzhahilil.

The living conditions of these soldiers in the discovered “camp without fences”, their contact with the population and the trace to find relics of existence and to preserve are the goals of the students, who are cared for by the museum.

In addition to the individual notes, photographs and documents from the Federal Archives-Military Archives, the Archives of the Foreign Ministry and numerous private archives, there are particular witnesses, securing the tradition. However, it soon became clear that after more than 70 years, the gaps in the memory of many were filled with legend. But it can be hold a state of research, occupied by a number of witnesses and documents.

This former camp of the Reichsarbeitsdienst lay at the edge of the village Wustrau. Fences did not exist and the contact with the population seemed possible.

One time a young German apprentice who helped in the camp at digging wells reported open contacts with the population. The living conditions in general were better than the other Soviet, Polish or French prisoners of war in the surrounding camps.

Regular concerts were held and also a theater group existed. Between the prisoners and the public has received numerous contacts. There are also delivered to love relationships. A at that time young woman who worked as a secretary got from a prisoner two paintings presented, which he had painted during his stay in Wustrau. These canvas still hang in the kitchen of the now 90-years old woman.

Other relics were handed down: So was a water pump in a side street on the edge of the camp, used as a dead letter box. It will still take some time to get from the fragmentary traditions a complete picture. Time is short, because the last witnesses are always less. But the direct contact with witnesses and original material from archives still motivate the pupil.

As a first result pupils presented in Neuruppin near Wustrau a first layout for a memorial and launched the first time a short film concerning the camp⁸.

prisoner. USSR did not officially recognize a status of WOP for Red Army soldiers, and did not cooperate with International Red Cross to support them.

⁶ Hoffmann, Joachim: *Die Ostlegionen (1941–1943)*. Freiburg: Rombach, 1986.

⁷ Cwiklinski, Sebastian: *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs*. Berlin: Schwarz, 2002.

⁸ See: „Lebensbilder – Erinnerungsorte Teil 1: Das tatarische Gefangenenlager Wustrau”: <https://www.youtube.com/watch?v=MLvyPazhQiE>

Figure 38. Musa Dzhahil in the POW Camp in Wustrau.

Figure 39. Students and pupils in the exposition “Türcken, Mohren und Tartaren” in Wustrau.

By Way of Conclusion

Archive work for fact based intercultural history – against negative stereotypes of past and present

We hope to have shown with this volume what immense possibilities lie in the archival work on Tatar-German history. If we analyze the archival records in German archives, we encounter a quite neutral, sober image of the Tatars in real relations history, military history, diplomatic and economic history, art history, etc. Contrary to the negative stereotype of the Tatars in the cultural memory of the Germans, which for centuries a frightening foreign people from the east of Europe imagined, with which one connects only ideas of riding hordes, raw meat or Timur Lenk and Genghiz Khan. Archival documents show a different picture of Tatar-German history: Tatar armies fought together with Brandenburg-Polish armies, Tatar soldiers served in the Prussian, Saxon or Polish army, indeed the first Muslims who came to Prussia as diplomats, were Tatars. However, it is still largely underestimated that the Tatar culture left behind traces in philology, spiritual history, botany, gastronomy, and military engineering and furniture, over the centuries to far from Central Europe, but this did not succeed in the content and forms of the iconography of anxiety.

So are the Tatar images of yesterday relevant to the struggle against xenophobe images of today? In Germany, in Europe? “The almost two-hundred-year history of a contradictory, unfinished nation driven by the demons of a neurotic nationalism has come to an end; Nietzsche's Dictation “The Germans are from yesterday and from tomorrow – they have no today” is no longer valid”¹. François is arguing in „German lieux de memoires (*Deutsche Erinnerungsorte*)”. This is probably just partly true for the Tatar-German issues. New remembrance literature in German, in which, for example, the deportation, repression and exclusion of Volga and Crimean Tatars is thematized is a step in the right direction, such as “Torn lives. Hitler, Stalin and the consequences” by Bruni Adler, or “The rediscovered memory. Suppressed History in Eastern Europe” by Anette Leo². Also scientific literature such as the small but exquisite “History of Ukraine” and the detailed work on the “Pearl of the empire” by Kerstin Jobst, the captivating and directional works by Osterhammel and Göckenjan³, Binder's “National orchestration” or anthologies like “Fear from dangers or hazards

¹ François, Etienne / Schulze, Hagen: *Deutsche Erinnerungsorte. Eine Auswahl*. München: C.H. Beck, 2005, S. 10. *À propos Nietzsche: Woher er die Information hatte, dass die Chinesen „Die Tartaren (...) ihrem Namen nach die Hunde” getauft hätten, konnte ich nicht eruieren*. S.: Nietzsche 1999, (*Die fröhliche Wissenschaft*), S. 136.

² Adler 2010, (dort kommen 21 Menschen zu Wort: Russen, Ukrainer, Tataren, Kosaken, Deutsche und Russlanddeutsche – stellvertretend für Millionen auf den Schlachtfeldern und im GULag-System Gestorbene); Leo 1992, darin: Kojokin, Jewgeni: *Das lange Exil der Krimtataren*, S. 177–193.

³ Osterhammel 1998, Osterhammel 2003, sowie Göckenjan 2008, in summa.

caused by fear? On the political economy of a repressed sentiment” by Guy Kirsch contribute to the reification of historical debates and the relativization of the old iconography of the fear of the other⁴. Here, a more intensive archive and publication work of young researchers in the context of Tatar-Germanian history can take effect and have a lot of positive effects.

We can also show with this overview that supposedly elaborated fields of research still offer many possibilities for expansion and revision. For this, combined search methods, interdisciplinary cooperation as well as development of regional and private sources are quite relevant. Both the combination of online and offline research in various languages, the linking of turkological, sociological, ethnological and onomastic historical research, including regional studies, even in archives far from the metropolises, can set a new emphasis on the meta-level of intercultural history.

„Europe and Islam share a changing history, which is characterized by historical contacts, especially on the south-west and southeast flanks of Europe. Islam served Europe for centuries as a discursive other. European Christians were ideologically and belligerently separated from Islam, but at the same time hardly any foreign culture influenced the European history of the arts and the arts more than the Muslims”⁵.

This quotation is almost symptomatic of the EU Eurocentrism of most authors who deal with Islam and Europe or European Islam. What does this quote show? Even authors whose purpose is to oppose Islam for compensation, discussion, and acceptance does not manage to overcome their own dichotomized schemata in their head. Islam is also a 'foreign culture' for them in 'Europe', and this Europe seems to end for most of them behind Masuria, somewhere back there in the direction of Belarus and Ukraine. Russia and with them the Tatars, Bashkirs and other alien Nations are excluded from their images of Europe. According to the (German) Islamic Handbook “It is difficult for European societies to include the Muslims in their midst as Muslims. At the same time, the headscarf, which seems to be a religious duty to some Muslim women, call forth particularly passionate resistance. They are the most visible sign that our secular societies, which since the nineteenth century have developed a concerted balance between the public and the Christian denominations as well as Judaism, are now necessary to create a space for Islam as well, within he can live with us”⁶.

⁴ Kirsch 2005, Binder 2006, in summa. Die Arbeiten von Halbach 2003, Simon 1975, gehören ebenfalls hierher.

⁵ Dies sind die ersten Sätze aus einer Konferenzankündigung von 2009 “Herausforderung Islam: Autorität, Religion und Konflikt in Europa” Das Junge Kolleg der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, Arbeitsgruppe “Europas Andere – andere Europas” lud zu diesem öffentlichen Symposium am 5. und 6. Juni 2009 ein. Mehr Informationen online unter URL: <http://idw-online.de/pages/de/event27459> [22.03.2010].

⁶ Hottinger 2002, S. 222. Weder führt Weiss in seinem Index die Tataren auf, noch erscheint die Russländische Föderation im Anhang unter “Die islamische Welt – Land für

However, if we look at various archival materials in this book, we see that this exclusion, this separate thinking is ahistorical: Muslims (Bosniaks, Tatars, Bashkir, Chechens, etc.) are, of course, part of European history from the beginning: Volga-Bolgars for instance since 922. The intercultural integration efforts of the Tatars in Eurasia in the context of peaceful coexistence and the immanent potential for a positive fertilization of the Euro-Islam discourse in Western Europe have so far been largely undervalued. It remains to be discussed to what extent the ignorance of this potential also corresponds to imagined East-West dichotomies and possible after-effects of the old iconography of anxiety.

*“A Muslim cemetery in the middle of Brandenburg, where also Christians, Hindus and Sikhs were buried. This is what is possible and even was already possible, nowadays that sounds almost a bit utopian”*⁷, – broadcasts a German television channel. And the study of other tangible Tatar-German memorabilia in the public space as well as the written and printed cultural heritage can be interesting, instructive and exemplary. The coexistence of Tatar migrants and the regional German-speaking population on the one hand, and the cooperation between Tatar and German academics, on the other hand, can influence the image of social discourse about foreigners, especially about Eastern Europe and Islam there. This image, expertly supported by archival materials, can be an indicator of the extent to which our crossmedia-societies and their image in literature, journalism, and schoolbooks with ethnic and religious diversity are blamed. The Tatar-Prussian Convivencia could stand here as a prominent example. We hope to have given via this book an impetus.

Outlook and Opportunities

We hope that this brief overview of the rich reservoir of different sources to the Tatar-German relationship history to have given an impression of the enormous potential that should be used for research projects: For each era of relations between our nations remains that nothing is final. One can discover for each epoch of Tatar-German relations still new artifacts, discover new sources that can influence the historic image that existed previously, correct or complete them.

In the next volumes of the series “Yazma Miras” concerning the Tatar-German history and Tatar documents in German archives, we will examine carefully chosen special epochs closer. Anyone who has discovered something new, has questions, is looking for contacts or is interested in relevant material: do not hesitate to contact the authors of this work in Kazan and in Germany.

Land” (S. 244/245). Unter der Rubrik “Wo die meisten Muslime leben” tauchen dagegen Deutschland, Frankreich (je 3 mio.) und Russland (12 mio.) auf Unter islamische Welt einzuordnen schien wohl dann doch zu viel des Guten?

⁷ In der Sendung von Deutschland Radio Kultur “Nicht Mekka, sondern Zehrendorf”, online unter URL: <http://www.dradio.de/dkultur/sendungen/laenderreport/567079/> [16.04.2011].

**Документы по истории татар
в архивохранилищах Германии**

Содержание

«Язма Мирас. Письменное наследие».	
Открытие татаро-немецкого письменного наследия	118
Введение	121
I. Ранние времена: начало татарофобии (XII–XIII вв.)	123
II. Тевтонский орден и потомки Тохтамыш-хана (XIV–XV вв.)	127
III. Пруссаки, саксонцы и татары: их взаимоотношения на севере Центральной Европы (1599–1806).	132
IV. Наполеоновская эпоха перемен: татаро-германские межкультурные контакты (1806–1815).....	143
V. Татары на фронт! Тайная дипломатия и борьба за независимость (1914–1918).....	148
VI. Между двумя диктатурами. Татарско-германские отношения во Второй мировой войне (1933–1945).....	158
VII. Времена ГДР: ‘homosovieticus tataricae’ или татары как братский социалистический народ.....	170
VIII. Частные архивы современной Германии: Потенциальные возможности в неизведанном.....	179
IX. Немецко-татарские Места памяти – архивный проект с участием немецких школьников	185
Заключение	189
Приложения	190
Список иллюстраций.....	190
Указатель	217

«Язма Мирас. Письменное наследие»

Открытие татаро-немецкого письменного наследия.

К нашим читателям

В рамках исследовательского проекта «Язма Мирас. Письменное наследие» два года назад мы начали исследовать, собирать и описывать источники, которые могли бы пролить свет на общее прошлое немцев и татар.

Целью этой книги является дать общий обзор татаро-немецким документам, тем самым стимулируя молодых ученых использовать архивные записи в своих исследованиях, а также ввести в научный оборот документы, которые были лишь недавно обнаружены и игнорировались долгое время. Это лишь краткий обзор документов, охватывающих XIII–XX вв. Данная книга не претендует на полный исторический обзор или анализ всех аспектов немецко-татарских культурных контактов. Наш труд скорее задуман как отчет о проделанной работе и предложение направлений для дальнейшего сотрудничества и совместных исследований.

В самом начале наших исследований никто не ожидал такого огромного количества нетронутых документов, касающихся татаро-немецкой истории. Только документы крымскотатарско-германской дипломатии – это сотни неизученных страниц. Также нашей целью являлся сравнительный анализ существующих переводов уже известных источников, с целью выявления неточностей и ошибок, допущенных в процессе их перевода или копирования.

Нам хорошо известны имевшие место в немецкой истории и культуре страхи и предрассудки по отношению к татарам. Показательна история «татарской башни», которая находится позади главного собора Святой Катарини и Святого Маврикия в Магдебурге, городе Оттона I, первого Императора Священной Римской империи германской нации. Она была построена из-за страха перед так называемой «татарской бурей» 1241 г., когда войска чингизидов сражались под Лигницей / Легницей. Хорошо освещая на страницах многочисленных публикаций это и другие подобные столкновения, имевшие место между мусульманами и европейцами, мы нередко игнорируем остающиеся в их тени факты мирного сосуществования немцев и мусульман в те же самые времена. Например, использование и адаптацию восточных художественных приемов для украшения внутреннего убранства собора Святой Катарини и Святого Маврикия в Магдебурге или

даже визиты мусульман в германские земли уже в X в. Известно, что ученый и путешественник Ибрагим ибн Якуб посетил Магдебург¹ в 965 г.

Как мы видим, есть немало источников, говорящих о межкультурных контактах в истории средневековья и раннего нового времени, но никто не ожидал наличия столь же богатых новых источников, связанных с биографией Мусы Джалиля. Но, как показали нам недавно обнаруженные фотографии, документы и аудио файлы, касающиеся пребывания Джалиля в Германии, никакие исследования и книги не могут претендовать на то, чтобы поставить окончательную точку в изучаемом вопросе.

История, особенно такая специфическая, как история татаро-германских культурных контактов, часто является полем действия заинтересованных лиц, которые либо эксплуатируют, либо игнорируют, либо пытаются скрыть ее. Это ставит перед нами задачу проведения тщательных научных исследований. Мы понимаем, что история немецко-татарских отношений – это не только войны и насилие. Это и межкультурные контакты в бизнесе, науке, искусстве и, в целом, обмен культурами между Востоком и Западом, между Севером и Югом, между языческим, мусульманским и христианским обществами.

Вот почему мы должны вновь переосмыслить и проанализировать совместную татаро-немецкую историю, основываясь на новых, современных принципах и подходах, свободных от устаревших стереотипов и предрассудков. Мы надеемся, что эта книга послужит появлению новых импульсов к сотрудничеству у исследователей из разных стран.

Это необходимо для более глубокого понимания нашего общего прошлого, и для того, чтобы освободить следующие поколения от ложных фактов, идеологизированных исторических образов и негативных стереотипов в отношении друг друга. Как справедливо отметил Мацей Муса Хасанович Конопацкий², говоря о ситуации в Польше: «Татары Польши являются динамичной частью польского общества. В то время как в Европе

¹ Abdurrahman Ali el-Hajji: *Ibrāhīm ibn Yaqūb at-Turtūshi and his diplomatic activity*. In: *The Islamic quarterly. A review of Islamic culture*. 14, 1970, S. 22–40. André Miquel: *L'Europe occidentale dans la relation arabe d'Ibrahim b. Ya'qub (Xe siècle)*. In: *Annales. Economies, sociétés, civilisations*. 21, 1966, S. 1048–1064; Adolf Böhm: *Die Reise des jüdischen Händlers Ibrahim ibn Jakob 973 von Magdeburg nach Prag – Der Versuch der Rekonstruktion einer alten Handelsstraße*. In: *Erzgebirgische Heimatblätter*. 5/1980, S. 106–109. Fuat Sezgin in collaboration with Mazen Amawi: *Studies on Ibrāhīm ibn Ya'qūb (2nd half of 10th century) and on his account of Eastern Europe*. (Publications of the Institute for the History of Arabic-Islamic Science. Islamic Geography Bd. 159). Inst. for the History of Arabic-Islamic Science at the Johann Wolfgang Goethe Univ., Frankfurt am Main, 1994.

² О жизни этого старейшины польско-татарской общины см.: Radziszewska, Iwona: *Maciej Musa Konopacki* (ur. 1926) – nasz Tatar, In: *Litteraria Copernicana*, 2(18)/2016, p. 189–197.

дискуссии по поводу так называемого евроислама не заканчиваются, Европа должна признать, что мы – татары, европейские мусульмане – присутствуем в течение сотен лет здесь, в самом сердце Европы!»³.

Координаторы проекта и редакторы:
Марат Гибатдинов, Мисте Хотопп-Рике, Штефан Тайлиг.
Казань / Магдебург / Берлин / Вустрау, 2015–2016.

³ <http://tamga.wordpress.com/2009/01/14/ausstellung-%E2%80%9E polnische-tataren-geschichte-und-kultur-der-tataren-in-polen/> [Дата обращения: 12.12.2009].

Введение

Изучение истории татар активно развивается в двух измерениях: как в географическом, так и в тематическом. Наши горизонты расширяются через выявление новых источников и использование новых методов. Во времена блокового противостояния мы не могли себе представить возможности проведения исследований в японских, немецких или турецких архивах. Используя эти новые возможности, мы сегодня расширяем горизонты татарской истории.

Целью этой книги является привлечение молодых ученых к проведению новых исследований исторических источников и архивных документов, поскольку в архивах по всему миру есть еще много неисследованных материалов.

Некоторые документы XVI – начала XX века, обнаруженные в Секретном прусском государственном архиве и в Политическом архиве Министерства иностранных дел Германии были представлены нами на конференциях и в публикациях в Татарстане, Финляндии, Японии, Крыму, Польше, Турции и Германии. Этой книгой мы хотим стимулировать ученых на дальнейшие исследования различных разделов татаро-немецкой истории. Здесь мы впервые публикуем факсимиле, представляющие разные эпохи и разные архивные фонды Германии для того, чтобы продемонстрировать богатство и разнообразие источников о нашей общей истории. Также для того, чтобы показать, что практически в каждом из периодов этой общей истории есть еще богатые возможности открывать для себя новые источники. Очевидно, наша книга дает лишь краткий общий обзор обширной источниковой базы. Из каждого периода мы выбрали лишь несколько наиболее характерных и интересных источников, в соответствии с их содержанием или значением, а также принадлежностью к соответствующим архивам.

Но, конечно, этот путеводитель по архивным фондам не имеет претензии нарисовать полную картину источников по татаро-немецкой истории в немецких архивах. Он призван показать потенциальные возможности предоставляемых материалов для исследователя, а также разнообразие архивного ландшафта в Федеративной Республике Германия, состоящего из государственных архивов, новых онлайн баз данных, виртуальных коллекций, ранее не публиковавшихся музейных материалов, частных собраний немецких исследователей татарской тематики и семейных архивов.

Проект «Язма мирас»

Исследовательский проект «Документы по истории татар в архивах Европы и мира» финансируется за счет государственной программы Республики Татарстан «Сохранение идентичности татарского народа». Проект делится на разные направления, с одной стороны, в соответствии с местами расположения архивов, и с другой стороны, в соответствии с видами и типами изучаемых источников (аудио файлы или печатные документы, музейные фонды). Так, одновременно работают две исследовательские группы, изучающие соответственно японские или немецкие источники. В ходе работы группы по изучению немецких источников было организовано несколько круглых столов и встреч, а также экспедиций и проведена научно-исследовательская работа в архивах по всей Германии⁴: в Берлине (Тайный государственный архив прусского культурного наследия, Федеральный государственный архив, архив первой мечети Берлина (Ахмадийская община), Архив Министерства иностранных дел); Лейпциге (Немецкий музыкальный архив, Национальная библиотека Германии); Галле (архив Немецкого востоковедческого общества), а также в нескольких частных и региональных архивах в разных регионах Федеративной Республики Германии.

Если собираемые в рамках данного проекта печатные и рукописные материалы предназначены для дальнейшего исследования в научных институтах, таких как Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, выявленные аудио файлы могут использоваться в разных сферах: пополнение аудиокolleкции Национального архива Республики Татарстан, а также использование в учреждениях культуры, на телевидении и радио. Первые шаги в данном направлении уже были проделаны: песни в исполнении ансамбля «Волго-татарского легиона», записанные в Германии в 1943 г. и обнаруженные в 2014 г., были переданы в Татарстан⁵.

В книге мы стараемся дать нашим читателям некоторую полезную информацию относительно местоположения соответствующих архивов и способов доступа к их фондам из-за рубежа, в том числе о возможностях для получения копий архивных файлов через интернет или их заказа по почте.

⁴ Первое сообщение о результатах проекта «Язма мирас» на немецком языке см.: <https://icatat.files.wordpress.com/2014/04/deutsch-hier.pdf> [Дата обращения: 22.07.2015], на русском языке: <http://tataroved.ru/news/2014/04/22/130/> [Дата обращения: 25.07.2015].

⁵ Подробнее см. в разделе VI «Между двумя диктатурами...».

I

Ранние времена: начало татарофобии (XII–XIII вв.)

Как мы знаем, самые первые новости, касающиеся татар, достигли немецкоязычных районов в XII веке и термины *Tartar*, *Tadder*, *Tater*, *Tatter*, *Totter* использовались как синонимы для определения монголов (в это время их также называли: *Mungel*, *Mogul*, *Mongol*, *Mogel*)¹. С XIII по XXI век лексема «Tatar» претерпела множество семантических и орфографических изменений. Семантика менялась меньше чем орфография, лишь в оттенках, в нюансах в зависимости от географического положения, этнического ландшафта и региональных диалектов.

Первые немецкоязычные источники о татарах относятся к XIII в. – термин используется в значении «чужаки / иностранцы». Семантический резервуар значения данного термина зависит от времени и от самосознания людей, а также от восприятия иных теми, кто оказался на пути вторжения войск чингизидов: от того, были ли они завоеваны, изгнаны или стали их частью.

Таким образом, семантика терминов *Tatar/Tartar/Mongol* колебалась от «героя степи» и до «злого язычника с Востока». Поскольку имеются основательные исследования по этимологии имени татар, отметим только, что лексема (этноним) имеет два значения: оригинальная семантика с одной стороны, а также изменчивые значения в более поздние времена в других контекстах. В целом приходится констатировать, что демонизация чужеродных всадников с Востока уже была давней традицией, когда первые новости о татарах достигли Центральной Европы и немецких земель. Так, задолго до этого, легендарные скифы, гунны, сарматы и венгерские племена, прибывшие в Среднедунайскую низменность, были названы «варварскими завоевателями»².

Самая первая новость о восточных землях и их жителях – «tartari» сохранилась в докладе о путешествии Доминиканского монаха Юлиана, который в 1234–1235 гг. побывал на Урале. Также можно назвать Джованни Плато Карпини, который путешествовал в Монголию с 1245 по 1247 гг., и Вильгельма Рубрука, который был, вероятно, первым путешественником,

¹ Messerschmid, Daniel Gottlieb: *Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalisch-Mogulischen oder Mogorischen Chanen*. Aus einer türkischen Handschrift ins Teutsche uebersetzt. Göttingen: Verlag der Wittve Vandenhoeck, 1780.

² Gießauf, Johannes: *Barbaren – Monster – Gottesgeißeln: Steppennomaden im europäischen Spiegel der Spätantike und des Mittelalters*. Graz: Leykam, Grazer Universitätsverlag / Reihe Habilitationen, Dissertationen und Diplomarbeiten, 2006; Dopsch, Heinz: *Steppenvölker im mittelalterlichen Osteuropa – Hunnen, Awaren, Ungarn und Mongolen* [Vorlesungsmanuskript]. Salzburg: IZMS – Zentrum für Mittelalterstudien, Das Bild und die Geschichte Osteuropas im Mittelalter, 2003.

посетившим в 1254 г. «татарскую столицу» в Каракоруме. Даже эти первые путешественники приукрашивали свои отчеты, когда они не могли понять, что именно они наблюдали, и не могли вписать это в рамки своих западных интерпретационных моделей, либо искажали данные под влиянием их изнурительных и полных невзгод путешествий.

После первой встречи с тюркоязычным населением Крыма в 1253 г. Вильгельм Рубрук писал, что «чувствует, словно он избежал лап демонов» – мыс, по которому он покидал Крым, изображен как врата в ад (*unam portam inferni*)³. С христианско-западной точки зрения, все народы Востока, которые следовало обратить в христианство, расценивались как дикие и нецивилизованные, что также нашло отражение в немецком языке. В качестве «дикого чужака», например, термин «tatter» встречается на землях Хеннеберга (около Майнингена в Тюрингии), а «tâta» в Бранденбурге⁴.

Здесь *tatter* используется в значении татар (*Tartar*)⁵ на том основании, что, являясь дикими чужаками, они могут «съесть также много, как татары»⁶. Кроме того, слова, производные от него (*tattern*, *tatterschen*), употребляются в немецком в значении «заикание», «запинание», «кудахтанье», что может отражать впечатление от языка чужаков⁷. Впрочем, подобная этимология является дискуссионной ввиду огромного временного расстояния между прямыми контактами 1241 г. и последующим вхождением татар в региональные легенды и лексику Силезцев, с одной стороны, и развитием региональной семантики термина *Tater*. В XIX и XX вв. *Tater/Tartar* также

³ Schmieder, Felicitas: *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Jan Thorbecke, Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters, 1994, S. 224.

⁴ Bielfeldt, Hans Holm: *Die Entlehnungen des Sorbischen aus dem Deutschen im 16. Jahrhundert*. In: *Zeitschrift für Slawistik*. Berlin (DDR): Akademie Verlag / Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Institut für Slawistik, Bd. XX, 1975, 303–363, here S. 326.

⁵ Spieß, Balthasar: *Volksthümliches aus dem Fränkisch-Hennebergischen*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1869, S. 53, Item 490: „Hä freßt bi e tatter“, Fn. 4.

⁶ Spieß, Balthasar: *Beiträge zu einem Hennebergischen Idiotikon*. Wien: Braumüller, 1881, S. 252.

⁷ По аналогии с генезисом экзотонима «немец» (Nemes / Nemet) в чешском, венгерском или русском языках, с первоначальным значением «человек, говорящий непонятно». См.: Bielfeldt, 1975, S. 326; Čornej, Petr: *Cizí, cizozemec a Nĕmec*. In: (Chochořáč, Bronislav / Libor, Jan / Knoz, Tomáš) *Nový Mars Moravicus aneb Sborník příspěvků, jež věnovali Prof. Dr. Josefu Váľkovi jeho žáci a přátelé k sedmdesátinám*. Brno: Maticе Moravská, 1999, 97–109; Palkowitsch, Georg [Palkovič, Jiří]: *Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch: mit Beyfügung der den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten*. Prag: Vetterl v. Wildenbrunn, 1820, S. 1122.

могло означать отвратительного гнома или непричесанного, неопрятного человека и злое, призрачное существо (Tatermann)⁸.

Документы этого раннего периода первых прямых контактов частично известны, лишь часть из них изучена, незначительное количество их опубликовано. По-прежнему предстоит большая исследовательская работа по ранним источникам в немецких, австрийских архивах, а также в архиве Ватикана. Например, изучая материалы «Виртуальной коллекции прусских секретных документов», созданной Центром «Гуманитарные науки в цифровом мире» в университете Гамбурга, мы смогли определить, вероятно, самые старые документы, касающиеся немецко-татарских отношений.

Документ, датированный 22 января 1248 г., сообщает, что папа Иннокентий IV писал князю Даниилу Галицкому, называя его «прославленным королем русских», о том, что в случае, если татаро-монголы будут продвигаться на запад, он должен сообщить об этом братьям немецким рыцарям (крестоносцам) в Восточной Пруссии, чтобы можно было успеть организовать сопротивление нашествию.

Изучение данных документов может дать не только новые импульсы для дискуссий по поводу средневековых событий в Балтийско-Восточно-европейском регионе, но и поможет сломать некоторые стереотипы. Поскольку понтифик иногда был не против союзов между христианскими рыцарями Тевтонского ордена и татарами-мусульманами, что мы видим из источников более позднего времени (подробнее см. в следующей главе).

В настоящее время источники из стран Балтии и территорий Тевтонского ордена изучаются в рамках подготовки цифрового издания средневековых источников, под руководством профессора Юргена Сарновки. Проект Центра «Гуманитарные науки в цифровом мире» включает в себя, например, оцифровку и редактирование расходных книг и счетов великих комтуров (командоров) и подданные Тевтонского ордена, великого округа Мариенбург, «виртуальную реконструкцию старых реестров «Учения Тевтонского ордена» и «Виртуальную книгу прусских дипломов» (*Das virtuelle Preußische Urkundenbuch*).

Отдел цифрового издания средневековых источников занят публикацией источников с возможностью доступа через интернет. Он поддерживает три виртуальных проекта (Гамбург, Пруссия и Орден Иоаннитов в позднем средневековье). Планируется запуск и других проектов, финансируемых DFG, по изучению Статутов ордена Святого Иоанна, расходных книг и счетов «*Großschäffer*», также старых реестров Тевтонского ордена⁹.

⁸ Drechsler, Paul: *Wencel Scherffer und die Sprache der Schlesier. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Sprache*. Breslau: Koebner, 1895, S. 259, 272.

⁹ Сайт проекта по цифровому изданию средневековых источников в Гамбурге (<http://www.spaetmittelalter.uni-hamburg.de/> [Дата обращения: январь, 2016]).

Другие цифровые коллекции также могут помочь в изучении ранних источников. Документы Тевтонского ордена, самого мощного религиозного ордена средневековья и раннего Нового времени, имевшего огромные владения на территории Священной Римской империи германской нации, широко рассеяны по всей Европе с начала XIX в. Это создало очень много трудностей для исторических исследований по истории Ордена. С помощью новых информационных технологий теперь становится возможным виртуально объединить разбросанные в разных архивах документы, таким образом, значительно улучшая источниковую базу исследований.

Документы, которые содержат важные части письменного наследия Тевтонского ордена, также являются частью Земельного архива Баден-Вюртемберга (Департамент государственных архивов, Людвигсбург)¹⁰. Цифровые каталоги постоянно расширяются. Это относится ко всем цифровым коллекциям в архивах Германии и означает, что исследователи получают новые, расширенные возможности для исследований каждый год.

¹⁰ <https://www.landesarchiv-bw.de/web/> [Дата обращения: январь, 2016].

II

Тевтонский орден и потомки Тохтамыш-хана (XIV–XV вв.)

Самые ранние регулярные контакты между мусульманским Востоком и немцами были, вероятно, заложены немецкими миссионерами и путешественниками-торговцами. Одним из первых таких миссионеров был, безусловно, Генрих Латвийский (нем. Heinrich von Lettland, лат. Henricus de Lettis), родившийся не ранее 1188 года недалеко от Магдебурга, также известный в англоязычном мире как Henry of Livonia. Он был священником, миссионером и историком, автором «Хроники Ливонии», описывающей христианизацию во время Северных крестовых походов регионов, которые в настоящее время являются частью Эстонии и Латвии. Он первым описал восточные народы. Однако не было доказано действительно ли он сам путешествовал на Восток или писал, основываясь на слухах.

Что касается XIII века, то до Запада доходили лишь сообщения, основанные на слухах. Народы Востока, с одной стороны, часто ассоциировались с опасностью, мифологическими легендами и варварством. С другой стороны, по традиции существовали хорошие торговые отношения по «Янтарному пути» из Центральной Азии через Волго-Уральский регион до Балтики. Как нами было показано в первой главе, спустя всего несколько десятилетий во время завоевательных походов наследников Чингизхана произошли первые прямые контакты, хотя и не мирные, между войсками чингизидов и христианскими рыцарями. Изменения парадигмы немецко-татарских отношений произошли между первыми насильственными контактами XIII века и первыми регулярными связями в XV столетии. В XIII веке все еще существовало четкое разделение: здесь немцы-христиане, там неверующие татары, сарацины или монголы. Однако в 1440-е годы татары-мусульмане стали восприниматься в качестве потенциальных союзников в борьбе против польско-литовских или русских противников. Материал относительно контактов между тевтонскими рыцарями и потомками Тохтамыш-хана, которые поселились в странах Балтии в конце XIV века, можно обнаружить в некоторых архивах Германии, Австрии¹ и Польши. В Германии подавляющее большинство документов по истории Пруссии хранится в Секретном прусском государственном архиве в Далеме (Берлин), а значит там представлены и некоторые документы о татаро-германских отношениях, в частности по военной и дипломатической истории.

¹ Архив Тевтонского ордена в Вене – все документы транскрибированы, переведены, отсканированы и размещены в интернете: <http://monasterium.net/mom/AT-DOZA/archive> [Дата обращения: январь, 2016].

Поразительно существование десятка писем, в которых упоминаются переговоры и дипломатические отношения татар и тевтонских рыцарей. Создание новых онлайн баз данных и проведение современных архивных исследований предоставляют интересный материал о первых дипломатических отношениях между гроссмейстерами Тевтонского ордена и ханами Золотой Орды в XV в. в Восточной Пруссии, на территории государства Тевтонского ордена. При работе с этими материалами приходится сталкиваться с различными трудностями: необходимо распознать и расшифровать разные шрифты и алфавиты, разные языки или диалекты, к тому же не существует единой орфографии для всех немецких диалектов, так же как иностранные языки, на которых написаны документы, могут иметь различные шрифты.

Вот лишь один пример: в Секретном прусском государственном архиве имеется запись о «Махмете, хане татарской орды», его сыне Мамутяке и зяте Айдаре, а также «графе Елберди». Они вместе с двенадцатью тысячами воинами, среди которых были и отряды «князя Уланова», поддерживали смоленских князей в борьбе против польских войск. На данном документе сохранилась немецкая запись, датированная 1827 г., в которой говорится о 42000 воинах, однако упомянутые в тексте документа «*dvenatsatj tyisač*», очевидно, переведены неверно – так численность войск «возросла» с 12 до 42 тысяч человек. Эта запись сделана 4 августа 1827 г. в Кенигсберге Игнацем фон Мейцевицем, профессором из Вильнюса. Это показывает, что в ходе исследования мы должны проводить не только критический анализ текста самого источника, написанного на иностранном языке, но и анализировать достоверность более ранних переводов и транслитераций его текста, выполненных учеными или обычными переводчиками или переписчиками.

Другие рукописи, а также транскрипции и переводы дипломатической переписки периода правления Пауля фон Русдорфа², рассказывают нам подробности татаро-германо-польско-литовских отношений, историю постоянно меняющихся союзов, альянсов союзников и врагов³. Эти документы касаются переговоров о союзе, о возможности совместных действий с

² Нем. *Paul von Rusdorf*, (родился ок. 1385 г. в Ройсдорфе под Бонном; ум. 9 января 1441 г. в Орденском замке Мариенбург (Мальборк), столице Тевтонского ордена) – 29-й гроссмейстер Тевтонского ордена (1422–1441).

³ Политику тех лет изучал Карл Август Лукерат: Carl August Luckerath, Paul of Rusdorf, Lord of the Teutonic Order 1422–1441, Bad Godesberg 1969 (Sources and studies on the history of the Teutonic Order, №15), см. также: Kołodziejczyk, Dariusz: The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th century). A study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden Netherlands: Brill, 2011 (главы «On the quest legacy: Shaping Eastern Europe (1240–1523)», p. 3–63 и «On the Fast European chessboard. The Crimean Khanate and Poland Lithuania in the years 1523–1671», p. 64–185).

той или иной стороной (с татарскими ханами или польско-литовскими рыцарями). Например, в письме великого магистра Пауля фон Русдорфа великому князю литовскому Свидригайло⁴ от 15 марта 1433 г. говорится: «От Великого магистра князю Свидригайло о возобновлении военных действий, прерванных морозом и снегом, против Литвы и Польши с помощью валахов, татар и ливляндцев, и посольстве, направленном для установления мира, соответствующего посланию, отправленное Советом Базеля в 1433 г. в воскресенье» (Findbuch 66, p.234). В письме Русдорф, среди прочего, также пишет: «Было бы целесообразно и необходимо, чтобы Ваше Высочество совместно с валахами и татарами атаковал и разорял польские земли»⁵.

Другой документ сообщает, что 11 апреля 1433 г. Пауль фон Русдорф повторил свое предложение. В нем говорится: «Великий магистр князю Свидригайло, Федко Несвицкому, старосте Подолья, и Михаилу Ивановичу, воеводе киевскому, о возвращении комтура г. Меве (польск. Gniew) и совместной войне против Польши с помощью подольцев, валахов, татар и ливонцев. Мариенбург, 1433 г., накануне Пасхи»⁶. Письмо от великого магистра князю Свидригайло от 29 апреля 1433 г. имеет тот же смысл: «Для князя Свидригайло: новости Римского короля [...], борьба с Польшей с помощью герцогов Ведко и Михаила, подольцев, татар и валахов, отбытие этих народов из Польши, предложение вторгнуться в Литву вместе с ливонцами. Мариенбург, 1433 г., среда, накануне [дня св.] Филиппа и Якова»⁷. Также может представлять интерес сообщение комтура города Меве Людвиг фон Лансе великому магистру от 3 июля 1433 г., что князья Ведко (Ветко, Федко) и Александр вторглись в Польшу, и среди них 4000 татар⁸. И еще одна цитата показывает нам, что рыцарское поведение и различный военно-дипломатический опыт татар получили признание и в других державах региона. В ней содержатся похвальные слова татарам великого князя Сигизмунда⁹ от 17 декабря 1432 г. Он пишет великому магистру, что татары имеют обычай «сообщать (отправлять объявление о войне), прежде чем

⁴ Свидригайло (1370–1452) – великий князь литовский (1430–1432), большую часть своей жизни он провел в безуспешной династической борьбе против своих двоюродных братьев Витаутаса и Сигизмунда Кейстутовича.

⁵ Копия письма хранится в Секретном прусском государственном архиве (GStA PK), XX. Main Department Historical State Archive Königsberg (XX. HA STA Kbg.), Ordensfoliant (OF) 13, p. 2–3.

⁶ GStA PK. Regest in Find-Book 66, sheet 235, OBA 13, pp. 5–6.

⁷ GStA PK. Regest in Find Book 66 in OF 13, pp. 7–8.

⁸ GStA PK. XX. HA StA Kbg., Ordensbriefarchiv (OBA) No. 6540.

⁹ Сигизмунд Кейстутович (литовск.: Žygimantas I Kęstutaitis; польск.: Zygmunt Kiejstutowicz), (1365–1440) – великий князь литовский (1432–1440), князь мозырский (1385–1401), новгородский (1401–1406) и стародубский (1406–1432).

осуществлять нападение. В отличие от магистров Ливонского ордена, которые не сделали этого!»¹⁰.

Почти в каждой крупной немецкой библиотеке имеется отдел восточных рукописей или даже отделы, в которых хранится наследие ориенталистов, в их числе и рукописи из мусульманских стран. Теперь эти документы частично размещены на онлайн-ресурсах и доступны для скачивания и дальнейшего анализа. Мы проводим эту работу систематически и с хорошо известными, и с недооцененными или неизвестными архивами и коллекциями. Очень часто татарские рукописи и книги упоминаются и каталогизируются как восточные, арабские или турецкие источники, до сих пор оставаясь в тени. Приведем здесь лишь несколько примеров. Известный востоковед Леберехт Флейшер¹¹ в своей коллекции под пунктом № 22 упоминает «Китаб или книгу по генеалогии татар, которая была переведена с татарского на немецкий язык».

Очевидно, стоит исследовать наследие и биографии различных деятелей немецкой, саксонской и бранденбургско-прусской истории в поисках татарских источников, как, например, советника великого курфюрста Бранденбурга Якобуса Наги де Харсани (Jacobus Nagy de Harsány, переводчик XVII в.), профессора из Вильнюса Игнаца фон Мацевиза (Ignatz von Macewiez), работавшего с крымскотатарскими документами в Секретном прусском государственном архиве (1827), профессора Теодора Мундта (Theodor Mundt, 1808–1861)¹², Франца Гента (Franz Genthe, 1857–1923)¹³

¹⁰ GStA PK, OF 14, pp. 709–7010.

¹¹ Генрих Леберехт Флейшер (1801–1888), арабист и востоковед из Лейпцигского университета, считается главным основателем Немецкого общества востоковедения (DMG, Deutsche Morgenländische Gesellschaft). Более подробно о DMG см. в главе III.

¹² Мундт был немецким критиком и романистом, являлся членом движения немецких писателей «Молодая Германия» (Jungdeutsche Bewegung). Он написал книгу «Крым Гирей – союзник Фридриха Великого: прелюдия к русско-турецкой войне» (*Krim-Girai, ein Bundesgenosse Friedrichs des Großen. Ein Vorspiel der russisch-türkischen Kämpfe*), изданную в Берлине в 1855 г. Одна коробка с письмами Мундта с 1825 по 1861 гг. хранится в архиве Университета Гумбольдта в Берлине, см.: <http://kalliope-verbund.info/de/findingaid?fa.id=DE-611-BF-15929&fa.enum=1&lastparam=true#1> [Дата обращения: 22.01.2016].

¹³ Гент был военным историком и писателем. Он автор нескольких статей о первых татарах в европейских армиях, например: «Босняки в датской армии: к истории конных копейщиков в армиях иностранных государств» (см: *Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Hercegovina*. Wien: Gerold, Vol. 8, 1901, p. 201–203); «Саксонско-польский боснякский полк, кадровые войска прусских уланов и голландские боснякские лансьеры» (*Das sächsisch-polnische Bosniakenregiment, die Stammtruppe der preußischen Ulanen und die holländischen Bosniakenlanzenreiter*. Wien: A. Holzhausen, 1907); «Босняки в прусской армии» (*Die Bosniaken in der preussischen Armee: ein Beitrag zur Geschichte der bosnischen Lanzenreiter in den Armeen fremder Mächte*. Wien:

или Ханса Саринга (Hans Saring, 1887–1979), немецкого офицера и полу-профессионального историка-генеалога, написавшего статью о татарских материалах в Берлине-Далеме в 1934 и 1937 гг.¹⁴, это наследие все еще остается неизученным¹⁵. Франц Генге также несколько раз обращался к крымскотатарским документам Секретного прусского государственного архива в период 1897–1928 гг. Однако он, как и Саринг и Мундт, сосредоточился на отдельных проблемах, таких как военная история, или только на конкретных периодах, таких как Северные войны. В любом случае эти ученые и энтузиасты не обратили внимания на более обширный материал с середины XIII в. по 1786 г.

Профессора Гельмут Шеель (1895–1967), Лайош Фекете (Lajos Fekete (1891–1969) и доктор Бруно Басси из Стокгольма также были в числе исследователей, которых интересовал вопрос крымскотатарских источников. Бруно Басси обращался к этим документам в январе 1938 г. Гельмут Шеель использовал в период 1933–1958 гг. лишь один из них, но опубликовал интересные статьи¹⁶. Фекете был специалистом-тюркологом по турецко-персидской палеографии.

Как показывают эти примеры, есть еще много возможностей для обращения к неизвестным сторонам татаро-немецкой истории.

Gerold, 1901) и романа «Гусар Великого короля» (Der Husar des Großen Königs. Berlin: Scherl, 1923).

¹⁴ Saring, Hans: Tatarische Gesandtschaften an Kurfürst Friedrich Wilhelm während des ersten Nordischen Krieges (*Татарские посольства к курфюрсту Фридриху Вильгельму во время первой Северной войны*) см.: Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 46, 1943, p. 374–380.

¹⁵ GStA PK: VI. HA NI Saring, H., title: Nachlaß Saring (Depositum), Accession: 44/1961, Document type: Manuscripts, Material collection; Signature_ID: 260068.

¹⁶ Helmut Scheel, Die Sendung des polnischen Gesandten von Stadnicki an die Pforte (1733–1737) (*Миссия польского посланника Стадницкого к Порте*), см.: Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin, Berlin 1932, Nr. 35, p. 177–194; Helmut Scheel, Ein Schreiben des Krim Giraj Khan an den Prinzen Heinrich, den Bruder Friedrichs des Grossen (*Письмо Крым Гирей хана к принцу Генриху, брату Фридриха Великого*), см: János Eckmann, Sirri Levend Agâh, Mecdut Mansuroğlu, Hg., Jean Deny armağanı, Ankara, 1958, Schriftenreihe: Türk Dil Kurumu yayınları, Nr.172, p. 213–220.

III

Пруссаки, саксонцы и татары:

их взаимоотношения на севере Центральной Европы (1599–1806)

Как известно, европейская история была написана главным образом с евроцентристско-христианской точки зрения, и, как следствие, немецко-татарские отношения сильно недооценивались в Западной Европе. В то же время знаменитый французский философ Вольтер (1694–1778) еще в XVIII в. заметил: «Тюрки проживают достаточно близко от нас, и тем не менее мы знаем о них совсем немного. Почти все что было сказано об их религии и законодательстве – неверно. А выводы и заключения, которые мы ежедневно получаем против них – не обоснованы».

В историческом контексте XVI–XVIII вв. слово «тюрк» использовалось европейцами, с одной стороны, для обозначения практически каждого мусульманина, однако, с другой стороны, в качестве этнонима его использовали по отношению к мусульманам Малой Азии, несмотря на их этнические корни. В Раннее Новое время этноним *tatar* / *tartar* / *tater* применялся для обозначения иностранцев и чужеземцев с Востока – независимо от того, были ли они тюркского, кавказского или монгольского происхождения. Таким образом, в Западной Европе этноним *tatar*, или даже его неправильное произношение *tartar*, на протяжении столетий обозначал варваров, мусульманских кочевников и диких всадников с Востока. Однако это не единственная историческая истина. Знание об «иных» было достаточно сложным явлением и не столь ксенофобским, как мы хотели бы это представить с точки зрения современности.

Как мы увидели в предыдущей главе, великие магистры Тевтонского ордена и их подданные жили в Восточной Пруссии в сфере непосредственных контактов с исламским миром, а именно с поселениями татар-липка в Речи Посполитой. Кроме того, прусские монархи имели дипломатические связи с крымскими ханами, как прежде крестоносцы, они состояли в дипломатических контактах и военных альянсах с войсками потомков Джалаледдина, сына Токтамыш хана.

Исследовательская группа при Институте кавказских, татарских и туркестанских исследований в Магдебурге приступила к пересмотру различных аспектов межкультурных коммуникационных процессов, что будет наглядно проиллюстрировано на конкретных примерах в данной главе. Мы выделяем здесь две различные области: дипломатические отношения и дипломатические миссии были межкультурными контактами на расстоянии; поселения же мусульман в Бранденбурге представляли собой пример непосредственного межкультурного взаимодействия.

Дипломатические контакты

Великий курфюрст Фридрих Вильгельм Бранденбургский (1640–1688) стремился установить контакты с крымскими татарами на основе дипломатических отношений. Как обнаружил Мисте Хотопп-Рике, исследовав более 385 новых документов, которые были найдены в Секретном прусском государственном архиве, взаимодействия между Крымским ханством и немецкими государствами, такими как Пруссия и Саксония, были намного теснее, чем предполагалось до сегодняшнего дня. На основании этих исследований стало ясно, что, по крайней мере, девять крымскотатарских делегаций было отправлено в Бранденбург-Прусское государство на протяжении XVII и XVIII вв. Крымскотатарские посольства предстали перед прусскими монархами в Кенигсберге (ныне Калининград), Берлине, Потсдаме, Торуне, Щецине, близ Штральзунда и во многих других городах бывшего Бранденбург-Прусского государства. Делегации, состоявшие из 10–20 человек, преподносили подарки, такие как мечи и лошади, желая также использовать эти миссии для открытия дверей к Датскому двору и даже к Императорам Священной Римской империи германской нации. Однако дипломатические контакты не ограничивались самими монархами и их военно-политическим окружением. Так, известно об общении супругов обоих монархов, фрагменты этих рукописей дошли до нас в документах Секретного прусского государственного архива в Берлине.

Упомянутые 385 документов на немецком, крымскотатарском, польском, французском, итальянском, османском и латинском языках еще предстоит транслитерировать, перевести и проанализировать. Часть этих материалов уже была известна и впервые исследована венгерским историком и палеографом Лайошем Фекете в 1926–1928 гг. Он указал, что крымскотатарско-прусские материалы имеют большое значение для историков и тюркологов. Позже немецкий историк Ханс Саринг¹ использовал некоторые страницы этих записей в двух своих статьях в 1934 и 1937 гг. Но огромная часть документов осталась нетронутой. Во время Второй мировой войны документы хранились в подземных шахтах в горах Гарц и недалеко от Магдебурга и Вольфсбурга. Оттуда огромная часть материала Секретного прусского государственного архива, которая касается восточных немец-

¹ Saring, Hans: Tatarische Gesandtschaften an Kurfürst Friedrich Wilhelm während des ersten Nordischen Krieges. (*Татарские посольства к курфюрсту Фридриху Вильгельму во время первой Северной войны*) In: Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. 46, 1934, 374–380; Saring, Hans: Tatarische Gesandtschaften an den kurbrandenburgischen Hof nach dem ersten Nordischen Krieg bis zum Ende der Regierungszeit des Großen Kurfürsten (*Татарские посольства к бранденбургскому двору после первой Северной войны до конца царствования Великого курфюрста*). In: Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte. Preussische Historische Kommission, 49, 1937, 115–124.

ких провинций, таких как Силезия, Восточная Пруссия и Померания, была доставлена в Варшаву, поскольку на сегодняшний день это польские территории. Оставшаяся часть документов была доставлена в Западный Берлин (англо-американо-французскую зону), а некоторые материалы – в Магдебург, ГДР, поскольку там располагался филиал Секретного прусского государственного архива. В период холодной войны эти материалы были недоступны в полном объеме как для западных ученых, так и для ученых социалистического блока. После падения железного занавеса и объединения Германии воссоединились и архивы Востока и Запада. Таким образом, материал возвратился в Берлин, где после десяти месяцев исследований весной 2009 г. и были вновь обнаружены 350 документов.

Кроме того, другими исследователями были найдены письма и рукописи, касающиеся татаро-германской дипломатии в XV в., а также в эпоху династии Гиреев в XVII–XVIII вв. Это наш коллега из Швеции профессор Свен Экдал, а также наши венгерские коллеги Шандор Папп (Университет Сегеда) и Габор Карман (Лейпциг)².

В 1740 г., когда Фридрих II (Великий) стал королем Пруссии и начал свою серию войн против Австрии, чтобы утвердить Силезию как часть Бранденбурга-Пруссии, он крайне нуждался в существенной поддержке. Англия предоставила ему финансовую помощь, однако деньги не могли противостоять двойной атаке союзнических русских и австрийских войск в 1760 г. С помощью тайного посла в Константинополе, по имени Карл Адольф Рексин и молодого голландского авантюриста при дворе крымских ханов – Боскампа, Фридрих попытался втянуть в войну османского султана и крымского хана, чтобы открыть на юго-западе второй фронт против австрийских войск. Ситуация изменилась, когда Петр I заключил мирный договор с Фридрихом. Пруссия более не нуждалась в дополнительной военной помощи, но продолжала поддерживать дипломатические отношения с обоими исламскими государствами.

На сегодняшний день мы знаем лишь о количестве дипломатических поездок, иногда об их численном составе и руководителях. Однако требуется подробный анализ архивных материалов, для того чтобы лучше понять суть и результаты этих немецко-татарских дипломатических контак-

² Штефан Тайлиг и Мисте Хотопп-Рике глубоко благодарны нашим шведским и венгерским коллегам, передавшим нам свои исследовательские материалы, за их советы и замечания.

тов. Сравнения, дополнения, аналогии с ранее известными материалами из Копенгагена³, Вены⁴ и Варшавы⁵ могут быть очень полезны в этом.

Здесь мы лишь в общих чертах приводим первые результаты исследований. 7 марта 1599 г. первое письмо татарского посольства, во главе которого стоял «Магомет Ага», прибыло из Крыма ко двору Бранденбурга. Документы относительно данного посольства были обнаружены Мисте Хотопп-Рике в Секретном прусском государственном архиве в Берлине: «Новости из Франкфурта о прибытии посла татар к эрцгерцогу Матиасу»⁶.

Несколько десятилетий спустя, в 1632 г., произошел следующий Бранденбургско-Крымский контакт между крымским посольством и правительством герцога Георга Вильгельма Бранденбургского⁷.

Позже посол Сандуни Мехмет Али Мирза, отправленный крымским ханом Мехмедом IV Гиреем, прибыл в 1656 году со своей делегацией в Кенигсберг. Летом 1656 года Бранденбург-Пруссия перешла на сторону Швеции против Речи Посполитой и ее союзников – татар. Великий Курфюрст снова сменил союзников в 1657 году и стал воевать на стороне польского короля Яна II Казимира⁸. В 1659 году прибыла третья крымско-татарская делегация во главе с Мейдан Гази-Мирзой.

Посольство также должно было посетить короля Дании, но более двух месяцев оставалось под опекой Бранденбурга, в т.ч. несколько недель в селении Прон рядом с городом Штральзунд на Балтийском море, что заставило хозяев просить Датский двор как можно быстрее ответить на татарские прошения, поскольку содержание 15 послов дорого обходилось казне Бранденбурга: каждый из них должен был быть накормлен и вознагражден,

³ Matuz Josef. *Krimtatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen. Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen (Крымские татарские документы в Национальном архиве в Копенгагене. С историко-дипломатическими и лингвистическими исследованиями)*. Freiburg: Klaus Schwarz, 1976. 378 p.

⁴ Augustynowicz, Christoph: *Begegnung und Zeremonial: das Bild der Krimtataren bei Balthasar Kleinschroth und Johann Christian Lünig (Встреча и церемониал: образ крымских татар в произведениях Бальтазара Клейншрота и Иоганна Кристиана Люнига)*. In: *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th century)*, Klein, Denise ed. Wiesbaden: Harrassowitz, publication series “Forschungen zur osteuropäischen Geschichte”, No. 78, 2012, pp. 189–209.

⁵ Kołodziejczyk, Dariusz: *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties followed by an annotated edition of relevant documents*. Leiden: Brill, 2011.

⁶ Laut Akten des Geheimen Staatsarchivs Preußischer Kulturbesitz: I. HA Rep. 11, *Auswärtige Beziehungen Nr. XI 271a Tartarei*, fasc. 1 «*Zeitung aus Frankfurt betr. Anbringen des Tartarischen Gesandten bei Erzherzog Mathias*».

⁷ Георг Вильгельм Бранденбургский (1595–1640), сын курфюрста Иоганна Сигизмунда, был герцогом Пруссии и с 1619 года до своей смерти курфюрстом Бранденбурга. См.: Hirsch, 1878, S. 619–629.

⁸ Jähnig, 2006, S. 66–68.

только дамаска, шелка и «английских одежд» было приобретено на 329 имперских талеров⁹. В 1665 году уполномоченный представитель по финансовым вопросам фон Нимерич принимал двух представителей очередного, четвертого крымскотатарского посольства.

В дальнейшем посол Шах Гази Ага возглавлял в 1670 году пятое посольство в Кёльн-на-Шпрее (современный Берлин), посол Каплан – шестое в 1671 году, Тимур Кырым Гази – седьмое в декабре 1677 года (принято в полевом лагере во время осады Штеттина¹⁰) и Аслан ага в 1679 году возглавлял восьмое посольство в Берлин, состоящее из десяти человек и пятнадцати лошадей.

Следующее посольство последовало в 1681 году во главе с «Кырым Гази» (соответственно, «Темер Гази Бег» – вероятно, Тимур (Тимер) Гази-Бей).

Как можно увидеть, дипломатические взаимоотношения между Бранденбургом-Пруссией и Крымским ханством длились более двух столетий¹¹. Однако, на сегодня этой теме посвящены только две докторские диссертации. Очевидно, что продолжение исследований немецко-татарских отношений должно принести больше результатов, поскольку многочисленные сопроводительные грамоты, списки даров, посольские документы, описания и списки участников посольств, расходы на их проживание и питание, а также документы, касающиеся процессов коммуникации иностранцев при дворе, лишь недавно стали объектом исследования.

Татары в Пруссии

В XVII веке в армии Саксонии появились первые польско-литовские и крымские татары, завезенные Августом Сильным – польским королем и курфюрстом Саксонии. После чего курфюрст Бранденбург-Пруссии, вдохновленный крупными маневрами саксонской армии возле Цайтхайна, в которых участвовали и татарские солдаты, также начал завозить солдат-мусульман.

Это был великий курфюрст Фридрих Вильгельм (1640–1688), который в первую очередь приступил к формированию регулярной обученной армии Бранденбург-Пруссии, уделяя большое значение наращиванию военных мощностей на всем протяжении своего правления. Власти Бранденбург-Пруссии активно искали себе союзников в различных конфликтах

⁹ Saring, 1934, S. 379–380; Matuz, 1976, S. 20–58; 118–125.

¹⁰ GStA PK: I. HA Rep. 11, Auswärtige Beziehungen Nr. XI 271a Tartarei fass. 7 «betr. die Abfertigung des tartarischen Gesandten Themur Krym Chazy und Mustafa Aga zur Durchreise nach Dänemark».

¹¹ Подробнее о татарско-прусском альянсе см.: Mundt 1855; Saring 1934; Pröhl 1986; Schwarz 1988, S. 151–152.

против Швеции и Польши, случавшихся на протяжении XVII века. Кроме того, татары были широко известны как хорошие коневоды, а Бранденбург-Пруссия нуждалась в большом количестве лошадей, чтобы построить свою новую кавалерию. С другой стороны, татары также были известны как сильные воины. Ближайшие сообщества мусульман-татар были не так далеко: с момента основания Великого княжества Литовского они составляли дворцовую стражу в древней столице Троки (Трокай). Как часть польско-литовских элитных войск, они имели особые привилегии и были известны далеко за пределами страны, в т.ч. и в соседних государствах Бранденбург-Пруссии и Саксонии. С этим непосредственно связана еще одна область исследования, входящая в сферу научных интересов Штефана Тайлига и касающаяся прямых контактов Пруссии и татар в пограничной зоне Восточной Пруссии.

В течение всего XVIII века многочисленные татары служили в прусской армии в качестве солдат, в частности в кавалерии. В 1741 году первый полк татар был включен в качестве Улан в 4-й Гусарский полк. Они пребывали там в течение лишь двух лет. Но в 1744–1745 гг. другой полк стал частью Боснийского эскадрона в 5-м Гусарском полку в Восточной Пруссии. Их было около 75 человек, среди них в том числе был имам для мусульманских солдат. Это было зарождение так называемого Боснийского полка, начало истории транскультурной конвивенции, сосуществования мусульманских и христианских солдат на протяжении более 50 лет.

Позднее на основании данного опыта прусский король Фридрих Вильям II с пониманием отнесся в 1794 году к планам Фридриха Леопольда фон Шрёттера. Шрёттер предлагал расселить татарские семьи из региона вокруг Соколки и Белостока – на новой прусской территории после третьего раздела Польши. Первоначально такая идея исходила от татарского полковника Януша Мурзы Барановского, который хотел сформировать татарский полк в прусской кавалерии и поселить семьи военнослужащих как прусских подданных. Татарский полк служил как автономная часть так называемых «босняков». Он состоял из 5 эскадронов и более 500 солдат, полностью интегрированных в прусскую армию и с такими же правами, как и у других солдат.

Количество солдат в так называемом «Татарском полку» колебалось, достигая иногда численности 500 человек. Большинство этих людей прибыло со своими семьями из оккупированных в 1795 году Россией территорий бывшей Восточной Польши и Литвы, основных областей расселения татар-липка. Кроме того, было небольшое количество семей из прусских территорий в Южной и Восточной Пруссии. В списках тех времен¹² сохра-

¹² GStA PK: National – und Zuwachs- Extrakten, GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900 (for 1795 p. 196–199), ebd. Nr. 1901 (for 1796: 36–40, 56–59, 93–96,

нились также имена тех татар, которые прибыли на службу в Пруссию из Крымского ханства, некоторые семьи прибыли с территорий Западной Галиции, располагавшихся к югу и востоку от Варшавы и оккупированных Австрией.

Основной проблемой во всей Пруссии (Новой Восточной и Восточной) был язык. Часть жителей говорила на немецком языке, часть сотрудников прусской администрации и военные ратовали за возвращение к польскому языку. Как заметил генерал татарского полка Иоганн Генрих фон Гюнтер, были определенные сложности в тренировке и подготовке к прусской военной службе, поскольку «у редких офицеров были достаточные знания, но это было понятно по причине проблемы коммуникации из-за польского языка»¹³. Однако, уже несколько месяцев спустя оказалось, что попытки обучения стали успешными, поскольку подход Гюнтера начал приносить плоды взаимопонимания: «я нашел татар тренированными действительно лучше, чем я мог ожидать после их предыдущей жизни в первобытном невежестве».

Одна из причин заключалась в первых инструкциях Гюнтера для обучения верховой езде и строевой подготовке, написанных по-польски, но основанных на Новом кавалерийском уставе 1793 г., который позднее по указу Кабинета от 18 октября 1796 г. был специально переведен для татар на польский язык. Но с неременным условием, что прежде всего следовало убедиться в «благоразумии и благонадежности» переводчика.

Помимо программы подготовки и самой военной службы, даже семейная жизнь татар была в сфере влияния администрации. Члены семьи солдат также входили в состав полка, все военные проходили через систему образования, а на всех детей, не достигших 13-летнего возраста, родители ежемесячно получали своего рода небольшое детское пособие.

В соответствующих списках рядом с этими выплатами указаны имена и дни рождения детей. Примечательно, что с 1796 года, когда начались выплаты, число детей постоянно увеличивалось. В феврале 1796 года татарский полк состоял из 127 мужчин, 25 женщин и 45 детей (из них 23 мальчика и 22 девочки). Количество детей увеличилось в декабре 1797 года (в их числе 58 мальчиков и 39 девочек), а в декабре 1798 года был уже 101 ребенок (63 мальчика и 38 девочек). Следует отметить, что увеличилось число детей в возрасте до 13 лет, более старшие дети там также были, но не подсчитывались. Кроме того, примечательно, что с 1796 года, наряду с традиционными именами – Мустафа, Януш, Абрахам, Магомет, Марианна, Асия, Каролина или Анна, все чаще появляются такие имена, как Фридрих, Христиан, Александр, Леопольд, Джон, Генриетта, Готтлиба, Элизабет,

104–107, 116–119, 218–221, 235–238, für 1797: 243–246, 272–275), ebd. Nr. 1902 (for 1797 and later Bl. 9–13, 53.f., 172–176, 251–254), ebd. Nr. 1903 (for 1799 Bl. 3–6).

¹³ Письмо Гюнтера королю от 30.07.1796.

Розалия, Жозефа, что являлось очевидным признаком сближения с новой социальной средой¹⁴.

Новые гарнизоны располагались недалеко от границы с соседней Восточной Пруссией. Так, Райгрод – небольшой городок находился у озера на самой границе с Восточной Пруссией. В настоящее время в этом поселении проживает чуть более 1500 жителей, и оно является торговым пунктом на литовской границе. В XVIII веке, однако, это был маленький процветающий торговый центр с выгодным местоположением прямо на границе, в лесистой и богатой рыбой местности. В дополнение к стратегическому местоположению, он был и отлично защищен. Поэтому неудивительно, что за обладание этим городом вспыхнула борьба.

В дополнение к почти 900 жителям, город имел относительно большую еврейскую общину, насчитывающую около 400 человек, которые, однако, не обладали правом на гражданство. Всего здесь было более 40 торговцев, помимо различных ремесленников, работников лесничества, рыбаков и простых фермеров. Татарский хирург даже оказывал населению несложные медицинские услуги¹⁵. Кроме того, здесь находились небольшая ратуша, храм, кирпичный завод, водяная мельница, восемь столовых, пивоварня и девять винокурен. Это было небольшое сообщество, жившее в благосостоянии. С другой стороны, гарнизонная жизнь здесь, возможно, была более оживленной, чем в других пограничных городах. С появлением татарского гарнизона в составе 87 татар, жизнь изменилась, потому что в Райгроде никогда прежде не было гарнизона. В городе возникла новая покупательная способность. Должен был поставляться корм для лошадей, требовалось изготавливать и чинить военную форму. Семьям солдат были необходимы продукты питания и товары повседневного спроса.

До того как были построены или перестроены новые дома, солдаты и их семьи были размещены на квартирах. Для богослужений привлекались оплачиваемые имамы, отдельного поселения не было создано, большинство семей жило в гарнизоне, к 1795 г. было всего несколько семей живших отдельно.

До 1806 г. эта мультикультурная, мультиэтническая, мультирелигиозная конструкция существовала до ее трансформации в полк «Товарищ», позднее разделенный на два прусских Уланских полка.

Вопросам дипломатических контактов и мусульманским солдатам в прусской армии отчасти уделяли внимание историки XIX в., но не как от-

¹⁴ GStA, I. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1901 (for 1796 p. 122–124, 208, 229, 251), Nr. 1902 (for 1797 p. 6, 164 f.).

¹⁵ Szlaszyński, Jarosław: Handlowe znaczenie Rajgrodu na początku drugiej połowy XVIII wieku, in: 496. Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego: Białystok, 2009, p. 33–40.

дельной области исследования. Эти вопросы рассматривались историками лишь как экзотические сюжеты, как часть увлечения ориентализмом. В данном историографическом контексте процессы межкультурной коммуникации и трансформации были исключены. Основное внимание уделялось военно-политическим аспектам. Однако с сегодняшней точки зрения и исходя из актуальной социально-политической проблематики в контексте дискуссий об интеграции, пример «прусско-татарской конвивенции» может дать импульсы для новых дебатов.

Помимо данных примеров польско-литовских, крымскотатарских, немецких межкультурных контактов есть, конечно же, и другие неопубликованные факты и документы, касающиеся татар Волго-Уральского региона, их связей с Центральной Европой, особенно с немцами. В качестве примера можно привести профессора-полиглота из Лейпцигского университета Иеронима Мегизера. В 1590-х гг. он впервые издал книгу, включавшую транскрипции татарских текстов. Он также был первым, кто перевел путевой дневник Марко Поло на немецкий язык (1611 г.) и в качестве дополнения к нему он приводит «Татарский алфавит»¹⁶, который до сих пор остается не изученным. Первое предположение, что этот алфавит мог собой представлять, высказал на конференции в Казани¹⁷ профессор Александр Гаркавец из Казахстана (Институт языкознания им. Ахмета Байтурсынова, Алма-Аты).

В качестве примера можно привести также коллекцию немецкого историка Леопольда фон Ранке (1795–1885). В его наследии представлены более 10 000 книг и рукописей, среди которых записки 1551–1554 гг. венецианского дипломата в Константинополе Тревизиана. Его рукопись «*Ottomano primo Imperatore, dal quale la casa Ottomana ha avuto principio del nome...*» дает нам информацию о «рукописях, в которых содержатся отрывки, касающиеся (...) татар между Доном и Волгой».

¹⁶ Polo, Marco; Ramusio, Giovanni Battista; Megiser, Hieronymus [Transl.] *Chorographia Tartariae: oder warhafftige Beschreibung der uberaus wunderbahrllichen Reise, welche ... Marcus Polus, mit dem zunahmen Million ... in die Oriental und Morgenländer, sonderlich aber in die Tartarey ... verrichtet ...* – Leipzig, 1611. p. 450.

¹⁷ Международная конференция «Документы по истории и культуре татар в зарубежных архивах». Казань, ИИ АН РТ, 2014 г.

Институт иудаики и магометаники в Галле как посредник на Востоке¹⁸

В начале XVIII века Галле¹⁹ был центром протестантского движения «Пиетистов». Особенно это относится к Университету Галле, при котором были созданы новые институты. Одним из них был Институт иудаики и магометаники. Его целью было изучение восточных языков, перевод протестантской литературы и ее использование в миссионерских целях, в т.ч. и для евангелизации татар в России.

Основное внимание в Галле уделялось идеям профессора теологии Августа Германа Франке, основателя так называемого «Фонда Франке». В 1702 году его интерес к «священной филологии» привел к созданию «Колледжа восточной теологии», в котором двенадцать ученых-богословов работали над переводами библейских текстов на восточные языки с миссионерскими целями. Таким образом, в учебный план были включены такие языки, как новогреческий, арабский, турецкий, персидский, эфиопский, армянский и даже китайский. Ученые, такие как Соломон Негри и Каролюс Рали Дадичи, также работали учителями. В 1715 году богослов Иоганн Генрих Калленберг научился в Колледже читать и писать по-арабски. Вместе с Негри и Дадичи он перевел на арабский основные тексты пиетистов, а также «Малый Катехизис» Лютера, «Порядок спасения» Фрейлингаузена и «Начало христианской доктрины» Франке. Он изучал Коран, который Негри ранее перевел на латинский язык. Калленберг продолжил свою академическую карьеру в Галле. Он был назначен экстраординарным профессором восточных языков в Университете Галле (1727), а в 1739 году он стал, наконец, профессором богословского факультета. Его интересы были сосредоточены в сфере языкознания и филологии и других «восточных реалий», путей влияния на восточные церкви и миссионерской деятельности среди нехристианских народов в соответствующих странах.

¹⁸ Все цитаты взяты из материалов архива Фонда Франке (Franckesche Stiftungen) в Галле. В файле AFSt/H, K28 можно найти все документы, касающиеся татар в Потсдаме и миссий к татарам в России.

¹⁹ Здесь речь идет о городе Галле на реке Заале в земле Саксония-Анхальт. В Галле также имеется самая старая и самая обширная востоковедческая библиотека, которая принадлежит Немецкому обществу востоковедения (Deutsche Morgenländische Gesellschaft, DMG), основанному 2 октября 1845 г. в Лейпциге. Сегодня DMG имеет несколько сотен членов по всему миру. Книги библиотеки, а также архивные материалы (около 64 000 наименований), можно исследовать через Университетскую и Государственную библиотеку Саксонии-Анхальт (http://bibliothek.uni-halle.de/zweigbib/hal/bibliothek_dmg/). В частности, здесь хранится рукопись «Бабур наме» в редакции Н.И. Ильминского (1822–1891), изданная в Казани в 1857 г. на чагатайском языке с русским предисловием (Baber-nameh diagataice / ad fidem codicis petropolitani edidit N. Ilminski, Bg 1061. 4; D Fa 3470, 4).

С момента основания Института иудаики и магометаники в 1728 году Калленберг создал первое институционализированное миссионерское предприятие в протестантизме со скудным частным финансированием, что отвечало интересам многочисленных представителей пиетистского движения в Галле, особенно по отношению к Восточной Европе и Азии. В письме к Калленбергу, посланному из Москвы в 1722 году, сообщается: «То, что вы дали себе труд и положили начало переводу христианского учения на арабский язык, я воспринял с большой радостью. Здесь есть много татар, и еще более, придет осенью, чтобы за счет некоторых из них и за мой счет, я мог организовать различные застолья для татарских клерков и посмотреть, какие это принесет плоды, а также донести до них Истину [христианской веры]».

Трое человек в Восточной Европе и Азии, переводившие Священное Писание как для евреев, так и для мусульман, работали на институт Калленберга: богослов Иоганн Георг Видманн, Иоганн Андреас Манитиус и студент из Кенигсберга Штефан Шульц. Они нашли поддержку у многочисленных спонсоров и корреспондентов фонда в Санкт-Петербурге и Кенигсберге.

Цель миссии и направление путешествий были сосредоточены на территории Польши, России и Черноморском регионе. В результате всего более тысячи евреев, особенно в Польше, обратились в христианскую веру. Сложнее оценить количество новообращенных среди мусульман, хотя число печатных брошюр на турецком и арабском составляло около 20 000 экземпляров в период между 1728 и 1730 годами. Калленберг занимался распределением литературы по местам, где эти произведения должны были использоваться. Восточное направление концентрировалось на распространении миссионерской литературы на арабском, турецком и персидском языках. Среди направлений рассылки литературы встречаются Тобольск, Архангельск, Астрахань, те центры, которые могли обеспечить эффективность миссии на Азиатском континенте.

Для нас также может представлять интерес одно из писем к Калленбергу от Потсдамского военного проповедника Пола Пинцгера. В нем Пинцгер просил помощи в приобщении к христианству состоявших на прусской службе солдат из числа татар-мусульман. 30 апреля 1740 года богослов ответил на эту просьбу очень подробным письмом. Он также отправил в Потсдам большой пакет с арабской и турецкой литературой для поддержки миссионерских намерений священника. Однако, как нам известно, из татар, расквартированных в гарнизоне Потсдама, только отдельные солдаты все еще оставались на службе после 1740 г.

IV

Наполеоновская эпоха перемен: татаро-германские межкультурные контакты (1806–1815)

Наполеоновская эпоха в немецкоязычных областях представляет собой переломный момент в истории немецко-татарских культурных отношений. До этого существовали лишь военные столкновения, контакты с татарами через миссионеров, путешественников, а также дипломатические контакты. Однако в наполеоновскую эпоху возникли многочисленные контакты между представителями двух народов в сельских районах, деревнях и небольших городах. Тысячи российских мусульман (крымские татары, поволжские татары, киргизы и башкиры), буддистов (калмыки) и представителей других нерусских народов (чуваши, удмурты, якуты) в течение нескольких месяцев были размещены в немецких городах и селах в Саксонии, Тюрингии и Бранденбург-Пруссии, в Альтмарке и Магдебурге.

К примеру, в 1813 году в Магдебурге на протяжении пяти месяцев размещались семь батальонов казаков, татар и башкир во главе с русским генералом Росси и прусским генералом Гиршфельдом, главным образом в Вестерхузене (от четырех до шести тысяч татар, киргиз, башкир и калмыков) и Ольфенштедте (в основном казаки и башкиры)¹.

Во многих местных историях и рассказах есть упоминания об этих иностранных солдатах. Они довольно противоречивы: от восхищения и любопытства до страшных, полных стереотипов рассказов. Это, конечно, относится в равной мере и к воспоминаниям о встречах с солдатами других национальностей, служивших в различных армиях, участвующих в войне.

Зверства или эксплуатация приписывались даже французам, шведам, полякам и венграм, в зависимости от конфигурации ситуации «друг-враг».

Следующие сообщения можно обнаружить в Альтмарке: «Башкиры больше животные, чем люди, предстают перед нами ужасными пожирателями, постоянно рыскающими в поисках алкоголя, чтобы компенсировать недостаток кумыса, опьяняющего напитка, который дома они готовят из лошадиного молока. Бросается в глаза их паразиты и грязь, которой они очень быстро заполняли комнаты, где их расквартировали, превращая их в пещеры грязи, неудивительно, ведь свободные небеса были предписаны быть им убежищем. Они носили с собой луки, копыя и стрелы, с которыми обращались очень умело, поскольку охота была их основным источником пропитания, ездили на небольших, по-видимому, очень выносливых лошадях с высокими деревянными седлами, покрытыми ветхим тряпьем, а своими часто повторяющимися религиозными ритуалами напоминали нам,

¹ Rieks, Johannes: Chronik Olvenstedt's. Magdeburg: Creutz, 1896.

что являются мусульманами»². Башкиры, казаки и татары русской армии были расквартированы здесь на протяжении долгого времени.

Здесь представлено лишь несколько примеров цитат, связанных с татарами в Германии в эпоху наполеоновских войн. Было бы полезно переиздать такие сведения из книг, статей и журналов, изданных на местном уровне, нередко минимальными тиражами. Многие местные архивные записи о татарах также еще до сих пор не опубликованы.

Фридрих Мейнеке, в честь которого был позже назван Институт истории Свободного университета, например, происходил из Зальцведеля, где его отец был почтмейстером. В доме его родителей, после освобождения от наполеоновской оккупации, были размещены солдаты русской армии. В своих воспоминаниях он пишет, удивляясь детству своего отца, с конными татарами и казаками, позволявшими тому кататься верхом, и их маленькой лошади, купавшейся в реке Йетце за домом отца: «Мама, могу я пойти с казаками?», – спросил маленький Фридрих старший и услышал в ответ, – «Иди, просто иди». Упаковав сэндвич и пасхальное яйцо, Фридрих последовал за воинами из дома. Если бы прислуга не остановила его, кто знает, «что бы со мной случилось, когда б казаки взяли меня с собой», – размышлял старый Мейнеке.

Отношение к татарам в это время было несколько эйфористическим. Этому есть подтверждение также из родного города Фридриха Мейнеке: «Здесь был русский конный отряд, который состоял из одного офицера и двенадцати-двадцати солдат: татар и башкир, вооруженных только луками и стрелами, а также нескольких казаков. У нас было такое большое доверие к этим чужестранцам, что кормилицы и матери, кормящие своих детей, протягивали этим гостям-всадникам младенцев, чтобы поцеловать их...»³. Возможно, это происходило потому, что они и калмыки демонстрировали, вероятно, больше приличий и хороших манер, чем русские, хотя употребление алкоголя всеми этими солдатами было достаточно высоким.

Как сообщает Вальдемар Уде, поэт, пишущий на местном диалекте области Борде, что недалеко от Магдебурга: «С этими башкирами было трое русских ополченцев, которых называли дружинниками. Поскольку они вполне понимали немецкий язык, были приставлены к диким татарским солдатам в качестве переводчиков. Можно сказать, что башкиры вели

² Bauke, p. 115.

³ Danneil, Johann Friedrich: *Die ersten Kosaken in Salzwedel (nach der Handschrift)*. In: *Der Altmarkbote*. Salzwedel, 1958, p. 6; *Die ersten Kosaken in Salzwedel*. In: (Schmidt, Hans H.F.) *Die Altmark. Ein Lesebuch*. Rostock: Hinstorff, 1988, p. 119–120.

себя порядочней, чем дружинники. Три русских ополченца были угрозой для всей деревни»⁴.

Эта книга была написана на нижненемецком диалекте (платтдойч). Как уже упоминалось в предыдущей главе, в Германии есть два языка и десятки диалектов, на каждом из них создавались литературные произведения и архивные документы, что создает определенные проблемы при изучении локальных источников. Для перевода подобных текстов на литературный немецкий или английский и русский языки, а также их транскрибирования необходимо привлекать специалистов-консультантов из наших партнерских учреждений.

Среди комплекса локальных источников есть некоторые очень редкие издания, к примеру, такие как книга Вальдемара Уде, которая существует в Германии лишь в восьми экземплярах. Один из них был обнаружен в Национальной библиотеке в Лейпциге (<http://d-nb.info/576723479> / Шифр: 1913 А 961), другой – в окружном архиве Саксонии-Анхальт в Магдебурге. Другие копии находятся в Государственном архиве Нижней Саксонии, а также в хранилищах Геттингена, Киля, Хёрна, Ростока и Берлина (Государственная библиотека, Шифр: Ус 3193/3753<a>).

Частью немецко-татарского письменного культурного наследия с начала XIX в. также являются не архивируемые материалы, посвященные татарским солдатам в Центральной Германии – все еще существующие материальные объекты истории: мемориалы, могилы и памятные надписи. Особенно те, что располагаются близ мест полей сражений наполеоновских войн и включают в себя могилы татар или башкир. В основном это реконструированные или многократно восстановленные объекты. Но они и по сей день укоренены в общей памяти местного населения и поэтому также фиксируются в местных хрониках, письмах, стихах, песнях, открытках, фотографиях и т.д.

Насколько эти объекты полезны для исторических исследований показывает пример так называемой татарской могилы около Кляйнбойхе, к юго-востоку от Лейпцига. Действительно, в данном случае речь идет о мусульманском захоронении, а не просто о символической «могиле», здесь похоронен офицер Юсуф, который, вероятно, умер во время наполеоновских войн. В эпитафии он упоминается как «Юсуф, сын Мустафы». В более старой надписи фигурировало также слово «року», свидетельствующее о польском происхождении, существует высокая вероятность того, что это был татарин-липка.

На протяжении веков могила и история Юсуфа, мусульманского офицера с Востока, вошли в региональную историю как часть саксонской ми-

⁴ Waldemar Uhde: *Dat Russenjahr (1813). Geschichte von ein Bördedarp un sine Lühe* (The year of the Russians (1813). A history of a village and its people). Leipzig: Otto Lenz, 1913.

фологии и часть повседневной культуры. В региональной истории Юсуф описывается местными исследователями иногда как башкир или русский, иногда как турок или татарин, пришедший из «далеких степей Монголии или южных просторов России». Надпись на оригинальном надгробии включала в себя посвящение: «1813 року (года) вахеншеф (начальник караула) – Юсуф, сын Мустафы, добродушный и храбрый», за которым следует: «Ничто не хорошо, кроме Бога, а Мухаммад – Пророк Бога».

В начале XVIII в. польские татары служили в саксонской армии, когда Саксония и Польша были объединены в персональную унию под властью курфюрстов саксонских. 100 лет спустя, как упоминалось ранее, татарские всадники из Польши и Литвы служили как в наполеоновской армии, так и в армиях союзников. Солдаты татар-липка, под командованием капитана Султана Улана и лейтенанта Хасана Султана Улана, участвовали в боях под Лейпцигом и Дрезденом, а затем после окончания войны служили в армии Александра I.

Долгий XIX век

В отличие от наполеоновской эпохи, богатой на источники, отражающие германо-татарские контакты, другие периоды XIX в. гораздо менее документированы. Основная масса источников, охватывающих так называемый «долгий XIX век», все еще не выявлена и не опубликована. Например, это относится и к наследию немецких художников, писателей, путешественников и ученых, посещавших места жительства татар в XIX веке.

Одним из них был Вильгельм Кизеветтер. Как пишет доктор Элизабет Титмайер, директор Музея европейских культур в Берлине: «В общем, письменные источники, касающиеся его биографии, оказались довольно отрывочными. Большинство событий, описанных Кизеветтером в его книге, ранее не могли быть подтверждены другими источниками. Кроме того, имеются большие пробелы в информации о его личности»⁵.

Одной из причин подобного интереса немцев к татарам является смена внутриевропейских перспектив. Эта фундаментальная культурно-историческая трансформация возникла в результате индустриализации Центральной Европы, начало исследований античности и классической археологии связано с попытками имперской колонизации, особенно для Франции и Великобритании. Наука, культура, музыка и литература были пронизаны вестернизированными идеями. При этом все еще сохранялся постоянный интерес к Востоку. Германия и особенно Пруссия на протяжении веков

⁵ Tietmeyer, Elisabeth: *The painter Wilhelm Kiesewetter in the Crimea (1845–1847)*. In: Kellner-Heinkele, Barbara / Gierlichs, Joachim / Heuer, Brigitte (Eds.): *Islamic Art and Architecture in the European Periphery. Crimea, Caucasus and the Volga-Ural-Region*, Wiesbaden: Harrassowitz, p. 109–116.

были тесно связаны с Польшей и Россией. Но теперь интересы сконцентрировались больше на промышленных инновациях в собственных западных частях, а именно в Рурском бассейне. Дипломатия также была вестернизирована в целях продвижения собственных экономических интересов. Очевидно, этот период нуждается в более пристальном внимании при исследовании германо-татарских контактов. Особенно интересны процессы транскультурной трансформации, которые следует рассматривать как двусторонние процессы. Тот факт, что и в начале XX в. германо-татарские контакты продолжают с прежней интенсивностью, можно интерпретировать как дальнейшее развитие традиции межкультурных отношений.

V.

Татары на фронт!

Тайная дипломатия и борьба за независимость (1914–1918)

Как и во время наполеоновских войн сто лет тому назад, в Германии во время Первой мировой войны вновь оказались десятки тысяч мусульман. Однако теперь татары, башкиры, киргизы и казахи были лишь частью большой группы мусульман. В эту группу также входили индийские мусульмане из британской армии и северо-африканские мусульмане французской армии. В отличие от XIX века постоянных прямых контактов с населением немецкоязычных регионов не происходило, как это было сто лет тому назад, поскольку мусульмане были размещены не как освободители в немецких квартирах и домах, а в качестве военнопленных были заключены в лагерях, расположенных вдали от городов и сел.

Этот период татаро-немецкой истории изучен и описан достаточно хорошо, но, тем не менее, все еще существуют и нераскрытые страницы этой истории. Одним из первых исследователей, который занимался вопросом изучения мусульманских военнопленных в Германии в период Первой мировой войны, был восточно-германский востоковед и исламовед, профессор, доктор Герхард Хопп (1942–2003)¹. Ему удалось собрать и изучить некоторые материалы времен Первой мировой войны, однако он умер, не успев закончить свой труд. Наследие профессора Герхарда Хоппа хранится в настоящее время в Центре современного Востока в Берлине. Здесь находится 123 ящика с научно-исследовательским материалом, 15 ящиков с архивами мусульман в Германии времен Первой мировой войны, такие, например, как документы «Общества поддержки российско-мусульманских студентов»². Помимо необработанных источников профессора Герхарда Хоппа, имеются документы, сосредоточенные в виртуальной коллекции «Europeana», они также ждут своих исследователей. Проект «Europeana» (www.europeana.eu) – это европейская цифровая платформа, включающая различные объекты культурного наследия Европы: картины «Мона Лиза» Леонардо да Винчи, «Девушка с жемчужной сережкой» Яна Вермеера, труды Чарльза Дарвина и Исаака Ньютона, музыку Вольфганга Амадея Моцарта, они являются одними из самых ярких моментов в «Europeana». Среди них, безусловно, присутствует и татарский материал. Более 3000

¹ Höpp, Gerhard: *Muslimen in der Mark als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924*, Berlin: Zentrum Moderner Orient / Das Arabische Buch, 1997 and Höpp, Gerhard (Hg.), *Fremde Erfahrungen. Asiaten und Afrikaner in Deutschland, Österreich und in der Schweiz bis 1945*, Berlin 1996.

² http://www.zmo.de/biblio/nachlass_hoepf_web.pdf; поисковая система по базе данных: https://www.zmo.de/biblio/Projekt_elektr_Findb.htm [22.01.2016].

учреждений по всей Европе внесли свой вклад в коллекцию «Europeana»³. В числе их такие крупные международные организации, как «Рейксмузеум» в Амстердаме, Британская библиотека и Лувр, а также региональные архивы и музеи от каждого члена Европейского союза. Коллекции, собранные вместе, позволяют пользователям изучить культурное и научное наследие Европы с доисторического периода до наших дней, а также исследовать татарское духовное и материальное наследие как неотъемлемую часть европейской культуры. Коллекция затрагивает не только литературу и экспонаты, такие как фотографии, гербарии, картины периода Первой мировой войны, но и все периоды европейской культуры.

Кроме того, в тени хорошо известных фактов и источников по татаро-немецкой истории нам необходимо выявить гораздо больше неизвестных, забытых или недооцененных источников, касающихся нашего общего прошлого. Например, мы знаем истории татарских военнопленных Первой мировой войны, находившихся в лагерях, таких как Вюнсдорф, недалеко от Берлина, Хафельберг, или похороненных на кладбищах, подобных тому, что расположено за Мечтью шахидов в Берлине. Тем не менее, зная эти факты и места, исследователи, изучающие историю Первой мировой войны, захоронения татарских солдат, или даже историю татаро-немецких отношений в целом, как правило, игнорируют местные архивы и новые интернет-инструменты.

Новые инструменты и источники для новых результатов

В своих исследованиях мы используем различные архивные документы, так же как и современные инструменты, предоставляемые Интернетом. Архивная система в Германии состоит из нескольких уровней (федеральные, земельные и местные архивы административных округов), кроме того, существуют и другие государственные учреждения, помимо архивов, в которых можно найти исторические источники о татарских военнопленных Первой мировой войны. Даже в региональных архивах или архивах небольших частных музеев или муниципалитетов и земельных регистров можно найти источники, касающиеся татарских солдат в Германии.

Кроме того, активная дигитализация архивных материалов Германии позволяет активно использовать, наряду с традиционными рукописными и печатными источниками, и новые цифровые базы данных. Подобный под-

³ Виртуальная коллекция «Europeana 1914–1918 – нерассказанные истории и официальная история Первой мировой войны». Этот общедоступный архив включает в себя рассказы, фильмы, исторические материалы о Первой мировой войне и собирает также личные материалы, касающиеся семейной истории. «Europeana 1914–1918» объединяет ресурсы библиотек и архивов по всему миру с воспоминаниями и памятными вещами из семей со всей Европы (<http://www.europeana1914-1918.eu/en>).

ход уже дал свои результаты при работе с фондами Секретного прусского государственного архива и Политического архива Министерства иностранных дел ФРГ.

Два других комплекса документов, отражающих татаро-германскую историю, также содержат разные виды источников.

Во-первых, имеются небольшие брошюры или отчеты Международного комитета Красного Креста и полевых комиссий, которые возглавляли христианские священники. Например, священник Корревон упоминает в своем докладе известный лагерь в Цоссен-Вюнсдорфе, но при этом его отчет дает и общее представление о всех лагерях по всей Германии. Точно так же в докладе датско-российского отделения Красного Креста содержится более подробный отчет, позволяющий узнать, например, что в лагере для военнопленных в Гавелберге существовал особый режим приготовления пищи. Среди тысяч православных военнопленных, там было всего 5 или 6 мусульман и несколько десятков евреев из России, несколько католиков и протестантов. При этом в пекарне и на кухне лагеря были заготовлены отдельные продукты для мусульман, евреев и христиан.

Примечателен состав сотрудников этих комиссий. К примеру, в датско-российском отделении Красного Креста работала девушка по имени Прасковья Казем Бег. Возможно, она являлась родственницей знаменитого востоковеда Александра Мирзы Казем-Бека, но в любом случае из-за своего происхождения, она, вероятно, была более внимательной в отношении положения национальных меньшинств (мусульман и евреев) в рамках этой миссии. Помимо полезной информации, в данных документах можно также наблюдать и некоторые расистские стереотипы: *«В этих лагерях была яркая смесь заключенных: сенегальский ниггер с оскаленными зубами, который, прежде чем надеть французскую военную форму, возможно, иногда ел человеческое мясо, как каннибал. Были вегетарианцы-турки, французский бизнесмен, голландские беззубые докеры рядом с юношами, у которых был чудовищный аппетит. Легче всего было прокормить русских пленных: для них было важнее большое количество пищи, а не ее качество...»*⁴.

Как было отмечено выше, более активные исследования в региональных музеях и архивах могут принести значительные результаты. Так, в региональном архиве округа Везель-Фёрде нами был найден список с именами российских солдат-мусульман, погибших в лагере Фридрихсфельд недалеко от границы с Нидерландами. В местных архивах хранятся не только документы, но и огромное количество фотографий, которые были сделаны в лагере и запечатлели культурные мероприятия, такие как спектакли, и повседневную жизнь военнопленных.

⁴ Gefangenelagern II, S. 26.

Весьма полезным инструментом для проведения исследований по военнопленным является база данных Немецкой комиссии по военным захоронениям (Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge).

Эта немецкая неправительственная организация, работающая под лозунгом «Мать никогда больше не должна лить слезы о своем сыне», инвестировала миллионы евро для исследования, восстановления и документирования военных кладбищ не только в Германии, но и во всей Европе, независимо от того, покоятся на них немцы или их бывшие враги. Цели этой организации: «учет, содержание и уход за немецкими военными захоронениями»; «молодежная и воспитательная работа»; «сохранение памяти о жертвах войны и деспотизма». Их базы данных позволяют искать погибших солдат и военнопленных по фамилии, месту рождения или другим личным сведениям, например, дню рождения и т.д. Таким образом, в онлайн режиме можно получить доступ ко всей информации, содержащейся в обширном архиве организации. Именно таким образом были обнаружены могилы татарских солдат по всей Германии в городах: Пархим, Фридрихсфельд, Гарделеген, Хафельберг, Потсдам, Берлин, Бенсхайм, Науен, Дрезден, Швабштадт, Пуххайм, Ульм, Кохем, Саарлуис и Трабен-Трарбах. И это было лишь результатом предварительного исследования. Еще предстоит, изучив шаг за шагом все базы данных, получить конкретные сведения о количестве захороненных и состоянии этих татарских кладбищ в Германии.

Члены вышеупомянутой неправительственной организации отлично выполняют свою работу, но иногда возникают и определенные проблемы. Так, в случае Пархима, Гарделегена, Пуххайма и в некоторых других случаях, места захоронений названы «русскими кладбищами», при дублировании надписей на русском языке также используется термин «русские солдаты», игнорируя существующий и в немецком и в русском языках более корректный термин «российские». При этом сотрудники организации отмечают русские христианские надгробия православными крестами, и не ставят никаких религиозных символов на надгробиях мусульманских солдат. Таким образом, присутствие мусульманских захоронений на немецкой земле остается незримым. Все еще ждут своих исследователей и другие артефакты, которые зримо демонстрируют присутствие татар в немецком ландшафте памяти, и все еще видимы во многих немецких городах и деревнях (могильные камни, мемориалы и т.д.).

Однако вернемся к печатным источникам и биографиям, имеющим отношение к татарам в Первой мировой войне. В этой связи интересен комплекс документов (завещания, письма, фотографии, рукописи) Фридриха Шрадера, более известного под его оттоманским псевдонимом «Иштираки» (арабск. «социалист»).

Фридрих Шрадер⁵ изучал филологию, востоковедение в Магдебурге и Галле, говорил на двух десятках языках и публиковался в основном в Османской империи. Благодаря своим контактам с татарской, армянской и европейской интеллигенцией, его фигура представляет интерес для исследователей татарского мира, тем более он также интересовался идеями пантуранизма-пантюркизма, которые активно критиковал. Он выступал с публичной критикой таких ученых, как Вамбери и Фридрих Макс Мюллер, экспортирующих этнонационалистические идеологии на Ближний Восток (сионизм, пантуранизм), без какого-либо понимания сложных социальных структур реального османского общества, при одновременном сотрудничестве с деспотичным диктаторским режимом Абдул Хамида. В 1907–1908 гг. Шрадер работал в Баку и изучал храм огнепоклонников парсов, а также татарский язык (возможно, речь идет об азербайджанском), эта часть его биографии еще требует изучения.

В трудах Шрадера для нас представляет особый интерес его книга «Германия и Восток. Татарская библиотека. № 1», написанная в 1918 году. До сих пор был найден только один номер «Татарской библиотеки». Предстоит выяснить, существовало ли больше журналов в серии «Tatarische Bücherei» и где хранится письменное наследие Шрадера.

Кроме того, для исследователей татарской истории определенный интерес представляет и наследие Мартина Хартманна, современника Фридриха Шрадера. Архив Хартманна может содержать письма и рукописи татарских интеллектуалов кон. XIX – нач. XX вв., с которыми он встречался в Стамбуле и с которыми мог быть также знаком и Шрадер⁶.

Интересные документы о контактах Абдурашида Ибрагимовича, лагерного имама Вюнсдорфа с секретными службами Германской империи, материалы о финансировании татарского студенческого клуба в Хельсинки или противоречивые дискуссии об использовании татарских военнопленных в тылу врага в годы Первой мировой войны обнаружены в политическом архиве Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германии в Берлине.

Неизвестные ранее татарские материалы обнаруживаются и в периодике того времени. «Kriegszeit – Künstlerflugblätter» (Военное время – Листовка художников) – журнал немецких художников, основанный в 1914 году художником и издателем Паулем Кассирером в сотрудничестве с Альфредом Голдом. Он публиковал оригинальные литографии немецких художников, которые в основном являлись членами Берлинского Сецес-

⁵ Фридрих Шрадер (1865–1922) – немецкий филолог, востоковед и искусствовед, публицист, социал-демократ, переводчик и журналист. С 1891 по 1918 год он проживал в Константинополе (современный Стамбул).

⁶ Martin Hartmann, Unpolitische Briefe aus der Türkei: Der Islamische Orient – Berichte und Forschungen (Vol. 3), Leipzig, Verlag Rudolf Haupt, 1910.

сиона и были близки к немецкому импрессионизму. Наряду с националистическими, воинственными литографиями Макса Либермана, в журнале появляются работы Эрнста Барлаха, Макса Бекмана, Августа Гауля, Вилли Якеля, Кете Кольвиц и Вильгельма Трюбнера, имевшие некоторый шовинистический оттенок и сделанные специально для данного издания⁷. Титульный лист издания «Kriegszeit» от 15 ноября 1915 г. содержит портрет больного военнопленного татарина, сделанный неизвестным автором с натуры в «Русской больнице г. Лодзи».

Звуковые записи татар – военнопленных периода Первой мировой войны в архивах Вены и Берлина⁸

К старейшим звуковым архивам мира относятся Венский и Берлинский фонограммархивы, возникшие на рубеже XIX–XX вв. Венский фонограммархив является в настоящее время одним из институтов Австрийской академии наук⁹. Берлинский фонограммархив представляет собой часть отдела «Музыкальная этнология» Берлинского этнологического музея¹⁰. Наряду с Берлинским фонограммархивом в столице Германии существует Звуковой архив Берлинского университета им. Гумбольдта, официально основанный в 1920 году, но содержащий звуковые документы и более раннего времени – начиная с 1909 г.¹¹

Значительная часть материалов названных архивов – как звукозаписей, так и сопровождающей их документации – в последние годы была переведена на цифровые носители информации.

В коллекциях указанных архивов Берлина и Вены хранятся, наряду с прочими, звуковые документы, записанные в военных лагерях Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны¹². Среди военнопленных были представители тюркских народов, сражавшихся в войсках российской армии: волжские и крымские татары, башкиры, чуваша, кумыки, туркмены, киргизы и другие.

⁷ Stephan Brakensiek (Hrsg.): *Kriegszeit – Künstlerflugblätter. Kunst im Dienst von Krieg und Propaganda 1914–1916*, Norderstedt Verlag Trier 2014.

⁸ Раздел подготовлен Ильдаром Харисовым (Берлин).

⁹ См.: www.phonogrammarchiv.at

¹⁰ См.: www.smb.museum/museen-und-einrichtungen/ethnologisches-museum

¹¹ См.: www.lautarchiv.hu-berlin.de

¹² Scheer, Monique. *Captive Voices: Phonographic Recordings in the German and Austrian Prisoner-of-War Camps of World War I*. In: *Doing Anthropology in Wartime and War Zones. World War I and the Cultural Sciences in Europe* / Reinhard Johler, Christian Marchetti, Monique Scheer (Eds.). Bielefeld: transcript, 2010. Pp. 279–309 (http://www.academia.edu/14483841/Captive_Voices_Phonographic_Recordings_in_the_German_and_Austrian_Prisoner-of-War_Camps_of_World_War_I).

В Венском фонограммархиве представлены звукозаписи разных этнических групп татар. Записи производились на восковых фоноваликах («цилиндры Эдисона») посредством фонографа. В настоящее время обнаружено 10 валиков с записями казанских татар, 7 валиков с записями татар-мишарей, 2 валика с записями астраханских татар-ногайцев и 10 валиков с записями крымских татар. Записи казанских, астраханских татар и татар-мишарей проводились с 8 по 12 августа 1915 г., а также 2 и 7 августа 1916 г. в лагере под городом Эгер (в настоящее время: город Хеб в Чехии). Записи крымских татар проводились там же 8 августа 1915 г., а также 26, 28 августа и 24 сентября 1916 г. В записях 1915 года принимал участие известный венгерский тюрколог Игнац Кунош (Ignác Kúnos, 1860–1945). В документации к 21 фоновалику, включая два валика с кумыкским материалом, сохранились транскрипции записанных текстов, выполненные Куношем латинским шрифтом. Кроме того, Игнац Кунош проводил в лагере самостоятельные исследования¹³; его материалы впоследствии попали в Венгерскую академию наук и были частично изданы, в том числе и в Казани в сборниках татарского фольклора (серия «Татар халык ижаты» и другие издания).

Материалы, записанные от татар в лагере Эгер/Хеб, представляют собой в основном народные песни разных жанров: «короткие», протяжные, баит и др.

Также на фоновалики было записано два прозаических фрагмента. Первый из них – начало сказки «Белый волк» (Ак бүре), исполнитель – казанский татарин Шахид Валеев, в документации к записям Венского фонограммархива его имя транскрибировано как Schahid Velioff и Sehîd Veliof. Эту же сказку в полном виде Игнац Кунош опубликовал в издании 1925 года¹⁴. Впоследствии сказка не раз переиздавалась, в том числе и в Татарстане¹⁵. Текст, записанный на фоновалик, незначительно отличается от варианта, опубликованного Куношем. Второй прозаический фрагмент –

¹³ См.: Kakuk, Zsuzsa. Ignác Kúnos' Nachlass in der Orientalischen Sammlung der Bibliothek der Ungarischen Akademie der Wissenschaften // Jubilee Volume of the Oriental Collection 1951–1976 ... / Edited by Éva Apor. Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 1978. S. 115–126 (http://library.hungaricana.hu/hu/view/MTA-KonyvtarKiadvanyai_KTOS_02/?pg=116&layout=s исслед.). См. также: Жамалетдинов Ленар. Венгр галиме татарлар арасында // Казан утлары. 1990. № 2. 155–160 б.

¹⁴ Dr Ignace Kúnos. Türk halq adabîjâty (De la poésie populaire turque ouvrage contenant les conférences tenues à ce sujet à l'Université de Constantinople). Istanbul: İkbâl kütüphânesi, 1343 (1925).

¹⁵ См., в частности: Татар халык ижаты. Әкиятләр (беренче китап). Казан: Татар. кит. нәшр., 1977, 185–202 б.; Әсирлектән кайткан әкиятләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 120–143 б.

О судьбе сказки см. статью: Жамалетдинов Ленар. «Ак бүре»нең илгә кайтуы // Казан утлары. 1987. № 8. 180–183 б.

юмористический рассказ о казые (религиозном судье) Абдурахмане, исполнитель – крымский татарин Фазыл Эдилерский (Fazil Edilerski).

Наряду с аудиозаписью на фоновалики, образцы татарского фольклора записывались и транскрибировались в лагерях на слух. Нотную транскрипцию мелодий песен осуществил известный австрийский музыковед Роберт Лох (Robert Lach, 1874–1961), тексты записывались уже названным Игнацем Куношем, а также самими военнопленными. На основе этих транскрипций венский тюрколог Герберт Янски (Herbert Jansky, 1898–1981) впоследствии оформил подтекстовку песен, которая была использована в серии изданий музыкального фольклора военнопленных, осуществленных Венской академией наук¹⁶. Дальнейшая судьба оригинальных текстовых транскрипций, послуживших основой для работы Герберта Янски, на данном этапе обработки материалов архива неизвестна. В настоящее время Венский фонограммархив готовит к изданию компакт-диск с хранящимися в нем звуковыми записями военнопленных Первой мировой войны и сопровождающим буклетом.

В Берлинском фонограммархиве представлены записи военнопленных волжских и крымских татар, сделанные на восковые валики посредством фонографа в лагерях во Франкфурте-на-Одере, Касселе-Нидерцверене, Пуххайме, Пархиме, Кемнице, Мерзебурге и Ордруфе. Записи производились Королевской Прусской фонографической комиссией под руководством известного музыковеда Георга Шюнемана (Georg Schünemann, 1884–1945). Точные даты записей в большинстве случаев отсутствуют. Порой указан год (например: 1916 г. – для записей в лагере в Ордруфе) или временной промежуток (с 11 по 16 января 1918 г. – для записей в лагере в Пархиме). Записывались как народные песни различных жанров, так и инструментальные мелодии, а также суры Корана, призыв к молитве (азан) и фрагмент групповой молитвы на арабском языке. По имеющимся в моем распоряжении данным в архиве хранятся 47 фоноваликов с записями, сделанными от волжских татар (без последовательно проведенного разделения на отдельные этнические группы) и 18 валиков с записями крымских татар.

¹⁶ Обработанные материалы слуховых транскрипций были изданы в книгах: *Gesänge Russischer Kriegsgefangene aufgenommen und herausgegeben von Robert Lach* [...]. II. Band: *Turktatarische Völker*. 1. Abteilung: *Krimtatarische Gesänge*. Transkription und Übersetzung von Dr. Herbert Jansky. 61. Mitteilung der Phonogrammarchiv-Kommission. Vorgelegt in der Sitzung am 16. Oktober 1929. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Templinsky A.-G., 1930; *Volksgesänge von Völkern Rußlands aufgenommen und herausgegeben von Robert Lach* [...]. II. *Turktatarische Völker*. *Kasantatarische, mischärisehe, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und tscherkessisch-tatarische Gesänge*. Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. 78. Mitteilung der Phonogrammarchiv-Kommission. Vorgelegt in den Sitzungen am 28. Juni 1939 und 10. Oktober 1951. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1952.

К аудиозаписям прилагаются различные виды сопровождающей документации. Во-первых, это текстовые записи в тетрадях и на отдельных листах: сведения об исполнителях, транскрипции текстов, выполненные частично арабским, частично латинским шрифтом, в редких случаях и кириллицей. В ряде случаев текстовые транскрипции выполнялись, очевидно, самими военнопленными. Во-вторых, к некоторым аудиозаписям прилагаются рукописные нотные транскрипции мелодий, выполненные Георгом Шюнеманом.

Свои наблюдения над народной музыкой татар и некоторых других народов Поволжья Георг Шюнеман обобщил в статье «Песни казанских татар»¹⁷, изданной в первом номере журнала «Archiv für Musikwissenschaft». В статье приведены нотные транскрипции 19 татарских мелодий, записанных от татарских военнопленных; 14 мелодий даны со словами – среди них такие известные песни, как «Ай, алмагачлары», «Күк күгәрчен» и др. Тексты были транскрибированы и переведены на немецкий язык известным востоковедом Готтхольдом Вайлем (Gotthold Weil, 1882–1962).

С именем Вайля связаны и записи татарских военнопленных Первой мировой войны, хранящиеся в Звуковом архиве Берлинского университета им. Гумбольдта¹⁸. Частично речь идет о фактически идентичном материале (одни и те же песни, записанные в одном и том же лагере от одних и тех же исполнителей), но сохраненном на разных носителях: если записи Берлинского фонограммархива сохранились на восковых фоноваликах, то в Звуковом архиве собраны записи на граммофонных пластинках. Записи татарских военнопленных, хранящиеся в Звуковом архиве, велись в лагерях в Цоссене (2 марта 1916 г.), Вюнсдорфе (30 и 31 декабря 1916 г.) и Пуххайме (31 января 1917 г.). В настоящее время выявлено 10 пластинок с записями волжских татар и 6 пластинок с записями сибирских татар. Наряду с песнями разных жанров, были записаны пословицы, названия дней недели, ряд цифр, призыв к молитве (азан, на арабском языке), а также рассказ о себе Нурмухаммеда Хисаметдина (Nur Muhammed Hisameddin) из Тобольска.

¹⁷ Schünemann Georg. Kasantatarische Lieder // Archiv für Musikwissenschaft. Erster Jahrgang 1918–1919. S. 499–515. (Берлинский Государственный институт музыковедения: http://digital.sim.spk-berlin.de/viewer/image/783919026-01/518/LOG_0041/; Internet Archive: https://archive.org/stream/ArchivFrMusikwissenschaft_011918-19#page/n0/mode/2up. Перевод на русский: Шюнеманн Георг. Песни казанских татар (перевод З. Н. Сайдашевой, А. А. Касьяновой) // Из истории татарской музыкальной культуры. Научные труды Казанской консерватории. Вып. 2 / Сост. В. Р. Дулат-Алеев. Казань: Казанская государственная консерватория, 2010. С. 126–148.

¹⁸ См. статью: Гилязов И.А. Готтхольд Вайль как исследователь татар и татарского языка // Филология и культура. 2015. № 1 (39). С. 269–273. (<http://cyberleninka.ru/article/n/gotthold-vayl-kak-issledovatel-tatar-i-tatarskogo-yazyka>)

Текстовая документация к аудиозаписям, выполненным под руководством лингвиста Вильгельма Дёгена (Wilhelm Albert Doegen, 1877–1967), включает в себя информацию о месте и дате записи и – не во всех случаях – об исполнителях; к записям прилагаются выполненные Готтхольдом Вайлем транскрипции текстов арабским и латинским шрифтом, переводы и комментарии.

Впоследствии Готтхольд Вайль издал часть текстовых материалов, собранных от военнопленных-татар, в своей книге «Татарские тексты»¹⁹.

Информация о звуковых записях, сделанных от военнопленных-татар и хранящихся в Берлинском фонограммархиве, общедоступна в интернете на страницах Немецкой цифровой библиотеки www.deutsche-digitale-bibliothek.de – в поисковое окно на сайте следует ввести ключевые слова на немецком языке, например «tatarische Lieder» («татарские песни»).

Информацию о записях, хранящихся в Звуковом архиве, можно получить на сайте Научных коллекций Берлинского университета им. Гумбольдта – поиск целесообразно вести, введя в поисковое окно на странице www.sammlungen.hu-berlin.de/search/ слово «tatar».

Предполагается, что и сами аудиозаписи (во всяком случае, те, которые хранятся в Берлинском фонограммархиве) в будущем могут быть размещены на сайте Немецкой цифровой библиотеки.

¹⁹ Tatarische Texte: nach den in der Lautabteilung der Staatsbibliothek befindlichen Originalplatten herausgegeben, übersetzt und erklärt von Gotthold Weil. Berlin; Leipzig: W. deGruyter&Co., 1930. Восемь песенных куплетов из этой книги были перепечатаны кириллицей в сборнике: Татар халык ижаты. Кыска жырлар (дүртюллыклар). Казан: Татар. кит. нәшр., 1976.

VI

Между двумя диктатурами.

Татарско-германские отношения во Второй мировой войне (1933–1945)

В двадцатом веке, особенно после Октябрьской революции и продолжительной гражданской войны в России, в татарско-германских отношениях возник новый этап. На протяжении веков в совместной истории преобладали вооруженные конфликты, стереотипные представления, взаимоотношения характеризовались большой дистанцированностью двух регионов. Исключением из этого стало соседство в близкорасположенных населенных пунктах, например, в немецко-татарской Добрудже, отношения между немцами и татарами в Крыму и в Поволжье в XVIII веке, а также в Прибалтике, где немцы и татары жили по соседству с поляками и литовцами с XV столетия. В межвоенный период в Германии возникла татарская диаспора, которая сыграла свою роль в более поздних событиях, например, в основании первой немецкой исламской общины в Берлине (сегодняшняя мечеть Ахмадийя на Бриеннер штрассе). Образ экзотического этноса далеко на Востоке теперь уступил место реальности в сердце Германии, характеризующейся миграцией и интеграцией, политической и экономической деятельностью татар в Германии¹.

Как отмечает С.Цвиклински, «Татарские интеллектуалы Гаяз Исхаки, Садри Максуди, Фуад Туктаров и башкиры Заки Валиди Тоган и Абдулкадир Инан попытались объединить татарских и башкирских эмигрантов в немецкой столице и вместе с другими тюркоязычными изгнанниками обра-

¹ Gilyazov, Iskander: *Die Wolgatataren und Deutschland im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts*. In: *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries* (Kügelgen, Anka von / Kemper, Michael, Frank, Allen J.). Berlin: Klaus Schwarz, 1996; *Die tatarische Diaspora: Zu einigen Besonderheiten ihrer Entwicklung*, in: *Wege zum Imperienvergleich. Ansätze und Beispiele aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeier zum 65. Geburtstag*. Hg. von Guido Hausmann und Angela Rustemeyer. Berlin 2009 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte), p. 68–78; Cwiklinski, Sebastian: *Tatars and Bashkirs in Berlin from the end of the 19th Century to the Beginning of World War II*. In: *Türkler*, Vol. 5. Ankara: Yeni Türkiye, 2002, p. 449–456; *Between National and Religious Solidarities: the Tatars in Germany and Poland in the Inter – War Period*. In: Clayer, Natalie. *Islam in Inter-War Europe*. London: Hurst, 2008, p. 64–88; and (together with Jancke, Gabriele): *Räume des Selbst: Gastfreundschaft im Reisebericht des tatarischen Gelehrten Publizisten Abdurraşid Ibrahim (frühes 20. Jahrhundert)*. In: (Bähr, Andreas) *Räume des Selbst*. Köln [u.a.]: Böhlau, 19, 2007, p. 131–150.

тить внимание немецкой общественности на судьбу их народов»². Так, в Германии развилась тюркоязычная журналистика, а в типографиях Берлина издавались такие татарские журналы, как «Яңа Милли юл» или даже драмы Гаяза Исхаки. О жизни этой татарско-башкирской общины в Берлине, которая протекала преимущественно в частной сфере, мало что известно. Они часто встречались в доме татарского бизнесмена Абдуррахмана Шафи, который женился на Амине Казаковой, принадлежавшей к семье Казаковых, владевшей с 1908 г. в Берлине компанией по импорту-экспорту. Татарская общественная жизнь в Германии в межвоенный период все еще ждет своего исследователя.

Существует масса публикаций, касающихся военно-исторических тем, поскольку большинство германо-татарских прямых контактов имело место именно в данном контексте: вермахт, СС, лагеря для военнопленных и бараки. Следует отметить публикации Искандера Гилязова³, Себастьяна Цвиклински⁴, Патрика фон Цур Мюлена⁵ и Йоахима Хоффманна⁶ о разных аспектах данного вопроса.

Тем не менее, есть еще достаточно много аспектов татарско-германской истории, которые предстоит открыть. Как уже было неоднократно доказано, не только малоизученные события, но даже исторические события уже, казалось бы, хорошо исследованные все еще могут преподнести новые интересные открытия и неопубликованные страницы. Здесь мы хотели бы кратко описать лишь несколько таких примеров новых открытий: открытие аудиозаписей; материалы Крымскотатарской ассоциации в Германии; татарские газеты в Германии периода Второй мировой войны; архивы татар Добруджи.

² Cwiklinski, Sebastian: *Tataren und Baschkiren in Berlin: Geschichte und Gegenwart*. In: Binder, Beate, Blask, Falk. *Von Sonnenschirmen und wilden Horden*. Münster: LIT, 2004, p. 86–99, here: p. 88–89.

³ Гилязов И.А. *На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны*. Казань: Мастер-Лайн, 1998; and: *Легион «Идель-Урал». Представители народов Поволжья и Приуралья под знаменами «третьего рейха»*. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005.

⁴ Cwiklinski, Sebastian: *Die Wolga an der Spree. Tataren und Baschkiren in Berlin*. Berlin: *Der Ausländerbeauftragte des Senats*, 2000; *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs. Deutsche Ostpolitik und tatarischer Nationalismus*. Berlin: Klaus Schwarz, *Islamkundliche Untersuchungen*, 2002.

⁵ Patrick von zur Mühlen: *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern: der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg*. Düsseldorf: Droste, 1971.

⁶ Hoffmann, Joachim: *Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer*. Freiburg i.Br.: Rombach, 1986.

Записанные голоса татарской бабочки

Почти каждый исследователь в области музыкальной этнологии, тюркологии, восточно-европейской истории или военной истории знает, что в немецких и австрийских архивах имеется несколько старых шеллак-дисков с голосами башкир и татар, военнопленных Первой мировой войны в Германии. Не существовало строгого описания этих аудиофайлов до работы Ильдара Харисова в рамках исследовательского проекта Академии наук Австрии⁷. В рамках нашего исследовательского проекта «Язма мирас. Письменное наследие» была выдвинута гипотеза, что от татарских военнопленных Второй мировой войны также могли остаться определенные аудиозаписи. Для идентификации татарских материалов в архивах, базах данных и библиотеках, мы использовали поиск по специфически татарским терминам, которые не встречаются в других языках, в т.ч. и в других восточных языках. Например, при поиске татарских стихов, текстов или литературных произведений нами использовались такие слова, как *sandugaç*, *bertugan*, *kübäläk* или *köncigiş*. Использование подобных запросов в поисковых машинах современных онлайн-коллекций университетских библиотек или в мета-поисковых инструментах, таких как виртуальный каталог Карлсруэ, иногда дает положительный результат. По-настоящему волнующим моментом было то, когда в Немецком музыкальном архиве, в филиале Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге – были найдены два диска. После того, как в поиске были введены слова «*kübjaljagem*» («бабочка»), наряду с разными вариантами и возможными формами написания и транслитерации (*kübjaljak* / *kubalak* / *kübyälyäk* / *kubalagim* / *kübyälyägim* / *kubalagem* / *kübyälyägem* и т.д.), система выдала подписи двух дисков, которые были немедленно заказаны.

При этом поиск в системе лишь по таким ключевым словам, как «Tataric» или «Tatar» не дает желаемого результата. Таким образом, даже небольшие знания о языке казанских татар могут быть очень полезны в работе исследователя⁸.

Спустя несколько дней мы вместе с моим коллегой Маратом Гибатиновым и журналистом из Лейпцига Насуром Юрушбаевым⁹ были в сту-

⁷ См. раздел «Звуковые записи татар – военнопленных периода Первой мировой войны в архивах Вены и Берлина» в данной книге.

⁸ Пользуясь случаем, я хотел бы выразить глубокую благодарность моим учителям татарского языка: Маргарет Эрсен-Раш, автору лучшего учебника татарского на немецком языке («Tatarisch», Wiesbaden: Harrassowitz, 2009), и Себастьяну Цвиклински из Института тюркологии в Свободном Университете Берлина. – *Мисте Хотонн-Рике*.

⁹ Насур Юрушбаев, татарский кинорежиссер, журналист, живет в Лейпциге, автор многочисленных эссе, стихов и фильмов. Он перевел, среди прочего, на русский

дии Немецкого музыкального архива, сотрудник которой Торстен Ал объяснил нам, что мы являемся первыми людьми, которые слышат голоса с этих дисков, поскольку они оставались нетронутыми с момента их изготовления и поступления в архив до нашего визита в мае 2014 г. На дисках были записаны татарские песни: «Баламишкин», «Күбэләгем», «Ак-каен», «Яшь егетләр, яшь кызлар», «Ямледер яшьләрнең айлары» в исполнении ансамбля легиона Идель-Урал при вермахте. По категории «язык» данные диски значились в каталоге как «русские», несмотря на очевидный татарский язык записей.

В каталоге дата записи представлена периодом «1930-е – 1940-е гг.». На дисках имеются номера лейблов и номера матриц и так называемые зеркальные номера. Поскольку в Немецком музыкальном архиве содержатся лишь неясные или ошибочные сведения о происхождении данных аудиозаписей, данные номера могут позволить выяснить точное время и место их записи. Компания Polydor была выкуплена компанией Music Major EMI, которая до сих пор имеет свой собственный музыкальный архив в Германии. Дальнейшие шаги наших исследований в данном направлении связаны с работой в этом архиве, для выявления других сохранившихся записей татарских военнопленных, а также с попытками выявить имена тех, кто участвовал в создании данных аудиозаписей (исполнители, заказчики и т.д.), предстоит выяснить, кто из соратников Мусы Джалиля мог принимать в этом участие, кто заказывал студию и сколько вермахт заплатил за это компании Polydor.

Впервые данные аудиоматериалы были представлены публике на ежегодном фестивале «Сабантуй в Германии» в Лейпциге в 2014 г. Незабываем, действительно, эмоциональный момент, когда гости из Татарстана, а также татарская община Германии, впервые услышали голоса джалиловцев и пели все вместе с ними песню «Күбэләгем» (Бабочка)... Я никогда не забуду этот момент моей жизни.

Следы Крыма в Баварии

В 1964 г. была основана первая после Второй мировой войны ассоциация мусульманских тюркских народов в Германии. Некоторые бывшие крымскотатарские солдаты вермахта смогли остаться в Германии и избежать депортации в Советский Союз и смерти в ГУЛАГе. Они основали свою ассоциацию в Южной Германии. Однако в члены принимали татар со всей Германии (с 1990-х гг. также принимались представители поволжских татар и татар Добруджи). В настоящее время ассоциации уже более 50 лет,

язык работу Готтхольда Вайля «Татарские тексты» (русский перевод записей татарских военнопленных Первой мировой войны).

и члены консультативного совета Алим и Сааде Саитовы, Чели Осман и Норберт Линк-Хессинг решили распустить Землячество крымских татар в Германии («Landsmannschaft der Krimtataren in Deutschland») из-за полной ассимиляции второго и третьего поколений крымскотатарских мигрантов в Германии. До полного закрытия этой страницы крымскотатарской истории в Германии молодые энтузиасты инициативы «Qıymıñı» хотят изучать ее наследие в Баварии (в Мюнхене, Аугсбурге и Ульме) и совместно с молодыми татарскими исследователями из Турции, Украины и России подготовить книгу об этой почти забытой части истории. В рамках данного проекта первые интервью провели в 2008 году Ляйсян Калимуллина и Мисте Хотопп-Рике¹⁰, но сокровища обширного архива ассоциации все еще ждут, чтобы их исследовали.

Потерянные ссылки на общее прошлое: татарские СМИ Германии в 1930–40-е гг.

В Германии до 1945 г. публиковались различные татарские издания: журналы, содержавшие не только пропагандистские нацистские тексты, но и татарскую литературу, поэзию и иные материалы. Среди них и малоизвестные издания, такие как «Немецко-татарская газета» (Deutsch-Tatarisches Nachrichtenblatt) и «Türk birligi» – Газета восточно-тюркских вооруженных формирований (Zeitung des Osttürkischen Waffenverbandes / Crimea). Оба издания появились в 1944 г. Другие публикации, такие как журнал легиона Идель-Урал и «Татар әдәбияты», орган Татарского союза борьбы (Tatar Köreş Berlege Komitete) более известны, но не все экземпляры этих изданий доступны для исследования¹¹. Что касается публикаций, таких как «İrekle il öçen» (Альманах татарской культуры, 1944 г.) или «Tatar chalyk ğyrlary» (1943 г.), то нам известны только их названия, сами издания еще не выявлены. Кроме того, существует множество иных тюркоязычных изданий, выходивших в Берлине, в которых татарские авторы публиковали свои статьи или где обсуждались татарские темы.

Например, в азербайджанском журнале «Kurtuluş» Мамед Эмин Расулзаде¹² опубликовал статью о Юсуфе Акчуре, в нескольких номерах журнала

¹⁰ *Тепреç – Sabantui in Bayern*. In: *Altabash*, Nr. 46/47, Juli/August 2008, S. 18–21.

¹¹ Недавно в Государственной Библиотеке Берлина были найдены лишь один экземпляр *Tatar Ädäbiyatı*, Vol. 1, 1944, и отдельные экземпляры журнала «*Idil-Ural*»: 1943, 40 (22.Aug.) – 1944, 82 (24.Juni), 1943, 34 (22.Aug.), 1943, 51 (19.Dez.); 1944, 1 (9.Jan.), 1944, 25 (24.Juni).

¹² Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955) – государственный деятель Азербайджана, ученый, общественный деятель пантюркистского движения и первый и единственный президент Демократической Республики Азербайджан (1918–1920). Его выражение

можно найти статьи одного из лидеров крымского национального движения Джафера Сейдамета¹³ на смерть Ю.Акчуры¹⁴. Сейдамет писал и для журнала «Yeni Kafkasya», также издаваемого Расулзаде (подшивка журнала хранится в Государственной Библиотеке Берлина). Другие журналы из окружения «Прометей», такие как «Yaş Turkestan», «Milli Yul / Yañı Milli Yul», основанные Гаязом Исхаки, также сохранились в Берлине¹⁵. В них можно найти много информации о жизни берлинской татарской общины.

Немцы и татары в Добрудже: взаимная аккультурация на Черном море

Немецкая литература из Румынии является особой источниковой базой для изучения немецко-татарской истории. В ней раскрывается практически исчезнувшая многонациональная история: многие из немецких деревень Трансильвании несут в своей исторической памяти и в письменных памятниках местной истории воспоминания о татарских нашествиях и правлении османов. И почти все немецкие деревни Добруджи в Восточной Румынии прежде были татарскими поселениями. Самые яркие образы «иных» в современной румынской литературе запечатлены именно в литературе «добруджцев».

История поселений – швабы, саксонцы и татары

Поселения немцев в разных географических районах Трансильвании и Добруджи принципиально отличаются в зависимости от времени иммиграции. До 1878 года Добруджа принадлежала Османской империи. Первые немецкие поселенцы мигрировали во все еще принадлежавшую Османской империи Добруджу в 1841 г. с севера. Это были преимущественно крестьянские семьи из Волыни и Черноморского региона Российской империи. Первым немецким местом на современной территории Румынии был Акпунар под Бабадагом в Северной Добрудже. В результате отмены в

«Bir kərə yüksələn bayraq, bir daha enməz!» («Флаг, однажды поднятый никогда не упадет!») стало девизом движения за независимость в Азербайджане в XX в.

¹³ Джафер Сейдамет Кырымер (1889–1960), крымскотатарский и турецкий политик и государственный деятель. В 1917 г. он стал военным министром и министром иностранных дел Народной Республики Крым в правительстве Номана Челебиджихана. После оккупации Крыма большевиками Сейдамет, как представитель крымского парламента, отправился в Париж. См.: Темур Куршуттов: Общественно-политическая и литературная деятельность Джафера Сейдамета. См.: *Rocznik Tatarski*, 3, 2016, p. 139–152.

¹⁴ *Yusuf Aqçora'nın mübarek ruhuna*. Kurtuluş Nr. 6, April 1935, p. 167–169; *Mefkûrenin zekâ ve seciyeye tesiri*. Kurtuluş, Nr. 7–8, May-June 1935, p. 225–229.

¹⁵ Подробнее о «Милли юл» и «Яңа Милли юл» см.: Cwiklinski: *Volga on the Spree*, p. 37–39.

1871 году привилегий немецким колонистам в России, началась вторая волна иммиграции из России в Добруджу (1873–1883). Третий миграционный толчок начался в 1890–1891 гг. Большинство вновь прибывших поселились в бывших татарских поселениях, поскольку в первые десятилетия XIX в. они были частично заброшены из-за войн и чумы. Очевидно, вновь основанными были только Нойе Вайнгэртен, Гросс-Паллас и Якобзонталь, все остальные деревни, в которых немцы поселились компактно, сохранили свои татарские имена: Алибечхой, Бабадаг, Карамурат, Чюкурова, Колелиа, Карали, Мурфатлар, Ортахиой, Саригхиол, Софулар, Текиргиол и т.д.

Тюркские же народы проживали на территории современной Румынии с VI в. н.э. В XIII в., при царе Болгар Чаке, сыне беклярибека Золотой Орды Ногая, здесь разрешили поселиться печенегам и куманам. В правление Сельджуков в 1263 г. около 10000 туркмен из Анатолии поселились в районе Добруджи, а османский султан Баязид I колонизировал Бабадагскую область татарами, так же как его приемник Мухаммад I. С 1393 г. регион принадлежал Османской империи, в XVI в. поселенцы из буджакских, ногайских, крымских татар переселяются в Добруджу. После завоевания Крымского ханства Россией (1783 г.) последовал массовый исход крымских татар в Добруджу, а затем в Малую Азию. В результате к 1880 г. румыны составляли всего 28 процентов от общей численности населения Добруджи. После изгнания татар и турков из Румынии в 1885 году, в 1918 г. произошло еще одно массовое бегство 80000 турок и татар в Анатолию, в результате войны.

В межвоенный период с 1919 по 1939 годы демографическая ситуация изменилась в пользу румынского населения: татары и турки эмигрировали, территория Румынии почти удвоилась. После бегства, изгнания и переселений во время Второй мировой войны и массовой миграции после 1990 г. лишь несколько десятков человек из бывших 60000 немцев все еще живут в Добрудже, и лишь 23000 татар сегодня проживают там.

Современность: неопределенная аккультурация

В немецкоязычной литературе Добруджи есть много данных, повествующих о недавнем многокультурном мире, который сегодня уже не существует. Как пишет местный историк Келлер, «в бывшей турецкой деревне немцы теперь мирно живут среди других народов: турков и татар, румын, греков, евреев, армян и т.д.». Можно найти десятки подобных свидетельств. О серьезной межэтнической солидарности добруджцев свидетельствуют и факты вполне реальных действий по взаимопомощи, таких как кампании сбора пожертвований в 1960-е гг., когда добруджские немцы в

ФРГ собирали средства не только для соплеменников, оставшихся в Румынии, но и для всех жителей их древней родины, независимо от их национальности. Равно татар и немцев объединяла их общая принадлежность к региону, а не только их этническое происхождение.

Тексты, как свидетельства осторожной взаимной аккультурации, встречаются в популярной литературе добруджцев. Будь то в поэзии, в разговорном языке или в нравах и обычаях: татарские лексемы мигрировали в немецкий язык, а немецкие культурные практики были усвоены татарами (обработка почвы, животноводство, домашнее хозяйство).

Публикации, отражающие транснациональное пространство памяти старого общего дома Добруджи, появились в Германии вскоре после войны, в 1949 г., еще до основания в 1956 г. ассоциации Землячество немцев Добруджи и Болгарии. Это были «Информационный листок немцев Добруджи» и «Ежегодник Добруджских немцев». В них содержится большое количество описаний жизни прежних соседей: «соседи всегда помогают, даже среди чужаков всегда было священным долгом, что никто не должен оставаться без помощи. С турками и татарами наши люди всегда жили в добром согласии в Добрудже, и много слез было пролито ими, когда нас переселяли в Третий рейх». Термин «добруджанин» или «добруджалы», который использовался как немцами, так и татарами, зарекомендовал себя как региональный этноним.

Эти периодические издания использовались для поиска бывших соседей и друзей, объяснения существующих федеральных законов для переселенцев и поддержания фольклора. Там также можно было найти татарскую и румынскую поэзию с родины. Среди публикаций можно найти и простые письма читателей – переселенных из Добруджи, и специализированные статьи видных представителей крымскотатарского национального движения.

Издатель «Ежегодника Добруджских немцев» Отто Клетт в своей статье «Наши друзья» (1964), посвященной «татарским, северотюркским коллегам из числа сотрудников ежегодника», так объяснил эмоциональный окрас и значительное присутствие татарских материалов: «В нашем ежегоднике всегда есть сообщения, в которых также говорится о других народах Добруджи. На первый взгляд, можно подумать, что этого слишком много, что это не относится к нам. Но при более пристальном взгляде становится ясно, что наша жизнь в Добрудже была переплетена с другими людьми. Хотим мы или нет, мы должны сообщать об этом совместном проживании, приводить не односторонние свидетельства».

Тексты татарских авторов способствовали пониманию татарской истории, этногенеза и миграционных процессов татар. Например, статьи Мехмета В. Юртсевера «Татары и турки-османы в Добрудже» (Ежегодник,

1976), «Межнациональное взаимопонимание в малом» Абдулхакима Акташа (1965) и серия статей «Добруджа и турки» Мюстеджиба Улкусала (1964–1966). Улкусал – татарский интеллектуал из Добруджи, был одним из самых активных крымскотатарских политиков и журналистов и до сих пор является бесспорным символом крымского национального движения.

Материальное культурное наследие: каллиграфия, архитектура, орнамент

Что еще можно обнаружить при поиске татарского наследия в Германии? Каллиграфия, архитектура, орнамент, декоративно-прикладное искусство! Хотя в публичной сфере Германии нет никаких зримых примеров татарского культурного наследия (здания, скульптуры и т.д.), но в архивах, музейных собраниях и библиотеках Германии можно встретить разнообразные образцы мусульманской татарской материальной культуры, такие как рукоделие, орнаменты и каллиграфия, а также архитектурные реминисценции.

Как уже отмечалось ранее, первый янычарский корпус польско-саксонского короля Августа II¹⁶ оказал влияние на музыку и моду, в то же время татарские солдаты, поступавшие на службу в войска немецких правителей, принесли свои собственные эмблемы и орнаменты, оружие и шлемы. В библиотеках и архивах хранятся сотни рукописей и книг с орнаментами, шелковыми футлярами и каллиграфией, печатные книги и манускрипты крымских ханов¹⁷, рукописные дневники татарских солдат¹⁸, манускрипты татарских поэм и т.д.

В некоторых немецких музеях хранятся сотни экспонатов татарского происхождения, картины и зарисовки, сделанные среди татар немецкими исследователями и художниками, такими как Вильгельм Кизеветтер (1811–1865). В Музее европейских культур имеется два архивных раздела, посвященных исключительно волжско-татарской и крымскотатарской материаль-

¹⁶ Август организовал янычарский музыкальный корпус в представительских целях в 1729 г. См.: Müller 1984, p. 110–111.

¹⁷ Более 340 рукописных писем, дипломатических паспортов, уведомлений, приглашений и т.д., которыми обменивались крымские ханы и правители Бранденбург-Пруссии с 1599 по 1786 гг., найденные в Секретном прусском государственном архиве, изучаются в сотрудничестве с профессором Исмаилом Керимовым и нашими коллегами из Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, ведется работа по их переводу и подготовке к изданию.

¹⁸ Татарские военнопленные Первой мировой войны в лагере Вайнберг писали дневники, письма, а также составили рукописный русско-татарский карманный словарь. Коробка с данными материалами хранится в архиве рукописей Государственной библиотеки Берлина (<http://staatsbibliothek-berlin.de/en/orientabteilung/start.html>) [Дата обращения: 24.11.2009]. В настоящее время сотрудники ICACAT в Берлине вместе с представителями татарской общины Берлина переводят и готовят их к публикации.

ной культуре. В запасниках хранятся скатерти, ювелирные изделия, платки, тубетейки и обувь. Двумя выдающимися экспонатами являются миниатюрные модели ханского дворца в Бахчисарае и крымскотатарской горной деревни, изготовленные Кизеветтером. Он был художником и этнографом из Берлина, который путешествовал по Крыму, России, Кавказу и Скандинавии в период с 1838 по 1853 гг. Он два года прожил среди татарских семей в Крыму, Гурзуфе, Акмечети и Бахчисарае, где изучал культуру и повседневную жизнь своего окружения. Он хотел показать в Западной Европе, как выглядят далекие культуры, и продвигал идеи взаимопонимания. В Музее европейских культур хранится сегодня более ста шестидесяти экспонатов, связанных с ним, в том числе три миниатюрные модели крымскотатарских памятников, 34 полотна и 11 рисунков и литографий с крымскотатарскими темами, два портрета татар, выполненные с натуры в Казани, и одиннадцать полотен из Крыма¹⁹.

Отдел казанских татар Музея европейских культур включает около 50 экспонатов, таких как одежда, обувь и ювелирные изделия. Эти экспонаты, как около 990 крымскотатарских никогда не показывались вместе на выставке. Только некоторые части коллекции выставлялись 80 лет назад, когда супруги Ханс и Ната Финдайзен собрали их в Советском Союзе до большого террора и депортации.

Музей начал собирать татарские объекты в 1916 г. Тогда коллекцию Карла Вахе приобрел Музей антропологии, предшественник нынешнего Музея европейских культур²⁰. Вахе собирал крымскотатарский текстиль во время путешествия по Крыму в нач. XX в. В 1929 году этнологи Ханс и Ната Финдайзен путешествовали по заказу музея по Крыму и Кавказу. Они хотели спасти то из традиционной культуры, что еще было возможно, поскольку «европеизация сделала «квантовый скачок» в своем продвижении»²¹. Ната Финдайзен сотрудничала со знаменитым крымскотатарским этнографом и художником Усейном Боданинским (1877–1938), который был создателем и первым директором Национального музея крымских татар, созданного в Ханском дворце после Февральской революции 1917 г. После снятия с должности он был расстрелян в 1938 году по обвинению в «националистической деятельности»²². Основная часть экспонатов, собранных им, была уничтожена или исчезла. Позднее экспонаты татар Добруджи дополнили коллекцию Музея европейских культур. Этот материал был собран немец-

¹⁹ Kaulbach 2005, pp. 4, 23.

²⁰ <http://www.smb.spk-berlin.de/smb/sammlungen/details.php?objectId=10> [Дата обращения: 12.12.2009].

²¹ Два письма Ханса Финдайзена директору музея от 19.10.1929 и 3.11.1929 (Archiv SMB-ПК, EM, Akte I B 111, Nr. E 999/29, E 1236/29), см.: Thietmeyer, 2009.

²² Thietmeyer, 2010.

ким экономистом и журналистом Густавом Адольфом Кюпперсом (1894–1972) во время путешествий по заказу музея в период с 1935 по 1938 гг.²³.

Многие из этих экспонатов были конфискованы Красной Армией после Второй мировой войны и были возвращены после соответствующих переговоров и реставрации²⁴. Немецкие и татарские ученые, а также члены татарских общин в Польше и Германии в сотрудничестве с польскими и крымскотатарскими научными учреждениями хотели бы в ближайшем будущем организовать в Берлине выставку на основе данных материалов.

Но объекты материальной культуры татар хранятся не только в Берлине. В Музее военной истории при Немецком бундесвере (Militärhistorisches Museum der Bundeswehr, МНМ) и так называемой «Турецкой палате» Государственных художественных собраний Дрездена хранится большое количество произведений искусства и ремесла, таких как конская сбруя, палатки или посуда²⁵. Со времен польско-саксонской монархии они хранят прекрасные шатры, керамику и другие произведения искусства, которые в основном описывались как османская коллекция, но содержат и некоторое количество произведений крымскотатарского искусства. Впервые эта экспозиция открылась в марте 2010 г.

Помимо этого в Саксонских библиотеках и музеях есть много других экспонатов, связанных с татарской историей. Здесь мы можем привести только краткий список экспонатов, прежде всего касающихся военной истории. В МНМ можно увидеть шлемы, мечи, копья, флаги, обмундирование татарских улан Саксонии, саксонских янычар и янычарских музыкантов, а также такие картины, как «Янычарский офицер» Рудольфа Трахе²⁶ или «Королевский саксонский уланский полк No 17» Теодора фон Гётца²⁷. В Государственной саксонской оружейной палате (Rüstkammer) и Гравюрном кабинете

²³ Вся информация о Музее европейских культур взята нами из рукописи «Materielle Kultur und Identität. Zur Geschichte und Ethnografie der Krimtataren im Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin», предоставленной доктором Элизабет Титмаер, директором музея. Благодарим ее за возможность ознакомиться с данными материалами.

²⁴ Современные Саксонские этнографические государственные коллекции (SES) включают в себя, помимо музея в Дрездене, также Музей Грасси в Лейпциге. До того как крымскотатарские экспонаты были возвращены в Музей в объединенном Берлине, некоторые картины Кизеветтера были отправлены из СССР в Музей Грасси в Лейпциге, ГДР.

²⁵ См.: http://www.sk-dresden.de/de/museen/ruestkammer/tuerckische_cammer.html [Дата обращения: 28.12.2009].

²⁶ МНМ Dresden, Inv. No.: МНМ, ВААU8371. Янычарские музыканты были выходцами из Северной Африки, так называемые «мавры», в то время как сами янычары прибывали из Польши (вероятно, татары) и Венгрии и были подарком Оттоманских султанов из Константинополя. См.: Bauer (2006: 16–18), p. 16.

²⁷ Inv. No.: МНМ, Нс–505.

(Kupferstichkabinett) также можно найти татарские экспонаты. Насколько важны такие экспонаты для самосознания крымскотатарского народа, показывает высказывание заместителя министра культуры Автономной Республики Крым Исмета Заатова, бывшего директора Крымскотатарского музея в Симферополе: «Этнографическая точность (картин Кизиветтера) имеет огромную научную ценность. Его работы могут быть использованы для построения истинной картины жизни крымских татар в первой половине XIX в. (...), следов которой не осталось на полуострове после депортации»²⁸.

²⁸ См.: Tietmeyer 2009, p.12.

VII

Времена ГДР: 'homo sovieticus tataricae' или татары как братский социалистический народ

После основания Германской Демократической республики 7 октября 1949 г., немецкие архивы были разделены, как и сама страна. Процесс начался еще в зоне Советской оккупации и касался почти всех архивов: национальных, архивов компаний, архивов партий и общественных организаций¹.

В последние годы появились исследования по немецкой архивной системе во времена национал-социализма. Герман Шрайер² был первым исследователем, который проработал малоизвестную историю немецких архивов после 1945 года и представил первый обзор государственных архивов ГДР за период с 1945 г. по 1990 г. Такая книга до сих пор не написана по истории архивов Федеративной Республики Германии после 1945 года. Книга Шрайера дает обзор того, как сталинистская доктрина советской оккупации проникает в архивную систему ГДР после 1945 года. Его труд демонстрирует, как государственная архивная система становится инструментом для достижения политических и государственных целей в ущерб профессиональной работе специалистов и показывает к каким последствиям (личным и общественным) приводит достижение этих целей.

В 1945–1957 гг. руководство государственных архивов ГДР характеризуется преемственностью со времен нацизма. Вскоре после этого архивы ГДР стали прибежищем для уволенных чиновников. С назначением бывшего высокопоставленного функционера СЕПГ Карла Ширдевана главой администрации Государственного архива, в 1958 году началась непрерывная реконструкция социалистических архивов. В результате образованные специалисты подверглись преследованиям из-за нелояльности системе и были вынуждены покинуть руководящие должности, их заменили неквалифицированные работники, но политические оппортунисты. Несколько известных архивистов переехало в ФРГ. Это, конечно, наложило свой отпечаток на состояние архивов бывшей ГДР, что прослеживается и поныне в

¹ Так, были разделены архивы CDU – партии Христианско-демократический Союз (ХДС Восток и ХДС Запад), части Секретного прусского государственного архива оставались в Западной Германии, другие части в Польше и ГДР и т.д.

² Schreyer, Hermann: Das staatliche Archivwesen der DDR. Ein Überblick. Düsseldorf: Droste Verlag, 2008, 308 pp.; Walther, Simone: Zum Umgang mit der NS-Vergangenheit beim personellen Neubeginn im zentralen Archivwesen der SBZ/DDR 1945–1952. Versuch einer Bestandsaufnahme, in: Friedrich Beck u.a. (Eds.), Archive und Gedächtnis. Festschrift für Botho Brachmann (= Schriftenreihe des Wilhelm-Fraenger-Instituts Potsdam, 8), Potsdam, 2005, pp. 217–236; Hanslok, Andreas: Museologie und Archivwissenschaft in der DDR. Abgrenzung und Annäherung zweier Nachbarwissenschaften, Marburg, 2008.

сложности их использования, в разделении, уничтожении или сокрытии архивных материалов.

Проиллюстрируем конкретными примерами, как все это отражается на исследованиях татарских материалов в бывших архивах ГДР.

Первый пример относится к области исследований, связанных с Мусой Джалилем. Как мы знаем, в ГДР были созданы десятки публикаций о Мусе Джалиле, работала «бригада им. Мусы Джалиля», также был снят фильм о его жизни³ и были созданы студенческие группы, которые занимались исследованиями биографии и творчества Джалиля⁴.

Архивы рабочей бригады «им. Мусы Джалиля», работавшей на фабрике VEB Bremsenwerke в Берлине, вероятно, утеряны навсегда, поскольку ответственные за архив лица были уволены с фабрики, когда она оказалась выкуплена старыми западногерманскими владельцами – компанией «Knorr-Bremse»⁵.

Новые владельцы отказываются от какого-либо общения относительно прошлого компании и ГДР в целом. Компания Knorr-Bremse, со штаб-квартирой в Мюнхене, не желает иметь ничего общего с коммунистическим прошлым компании в ГДР: архивы компании времен ГДР были полностью уничтожены. К сожалению, работа по «археологии памяти» с бывшими сотрудниками VEB Bremsenwerk (Берлин) больше не будет возможна. Подобное исследование было бы интересно, поскольку на сегодняшний день, как и во времена ГДР, партнером компания Knorr-Bremse в Берлине была и является компания КАМАЗ из Набережных Челнов. Рабочие и чиновники из Казани и Челнов также посещали завод в Берлине, как и Чулпан Залилова, они встречались с берлинскими рабочими. Однако ныне здравствующие свидетели этих встреч отказываются говорить об этом. Эти беседы были бы очень важными, поскольку могли бы натолкнуть на следы архива бригады. Но непонимание важности общей истории со стороны нового руководства компании вновь привело к идеологизированной политике в архивной сфере, как и прежде, только с другим знаком.

Другим примером в рамках исследований Джалиля является случай Франца Фюмана, так называемого «принца поэтов» бывшей ГДР. Вышеупомянутый студенческий проект изучения Джалиля, как и вся литература,

³ Фильм «Красная ромашка», в котором снимались все ведущие звезды сцены ГДР (реж. Лотар Беллаг, Хильмар Тате в роли Джалиля, производство DEFA-Studio (Потсдам-Бабельсберг), премьерный показ: 24.11.1963.

⁴ Некоторые материалы о ГДРовском наследии Мусы Джалиля можно увидеть в «Интернет-архиве Мусы Джалиля», созданном в 2008 г. студентами и исследователями в рамках проекта «Rasnoobraziye / Diversity» под руководством Ляйсян Калимуллиной и Мисте Хотопп-Рике, поддержанного Фондом Роберта-Боша (<https://rasnoobrasie.wordpress.com/2008/01/03/blog-archiv-der-projektgruppe-%E2%80%99Erasnoobrasie/> [Дата обращения: 12.01.2016].

⁵ www.knorr-bremse.de

контролировались коммунистическими властями, восприятие Джалиля в ГДР было, несомненно, инициировано политикой властей, а не интересом читателей к творчеству и жизни Джалиля.

Франц Фюман написал свои впечатления о поездке в Мекленбург в 1968 г., которая привела его и в Вустрау, где он встретил «несколько шестнадцатилетних юношей, которым было задано провести исследование о жизни и творчестве поэта М. Джалиля. Вустрау казался все более и более безумным. Я поражен, что Джалиль жил здесь какое-то время. Он был отправлен в лагерь власовцев к советским военнопленным для того, чтобы провести антиагитацию». Помимо того, что эти заявления Франца Фюмана исторически неточны, результаты упомянутого студенческого исследования также важны для понимания ситуации с советской литературой в ГДР в целом. Франц Фюман писал в своем дневнике, что те девять учеников, которым было дано это задание, никогда не слышали не только стихов Джалиля, но и вообще ничего о нем самом, даже не знали, как он выглядел. Студенты знали лишь, что он написал книгу, но не имели к ней доступа. Проведя интервью с населением в Вустрау, студенты не получили никакой информации, что и неудивительно, поскольку в ГДР на любое обсуждение таких тем, как коллаборационизм, ссылки, система ГУЛАГа было наложено строгое табу. Франц Фюман отмечает, что студенческое исследование было основано лишь на статьях журнала «Новая Немецкая Литература» (NDL)⁶, которые им дал учитель, и письмах советским пионерам, оставшихся без ответа, вот и все результаты исследования, пишет Фюман.

О чем свидетельствуют данные примеры? В работе с архивным наследием, в частности с архивами ГДР, мы должны задавать себе вопросы: кто создавал эти архивы, с какой целью, и каков объем достоверной информации? В случае немецко-татарских архивных материалов периода ГДР, чтобы получить нейтрально-объективную картину, необходимо опираться и на документы Министерства государственной безопасности, и на западногерманские источники. Что касается архивных исследований в контексте Западной и Восточной Германии – здесь имеет место феномен, редко встречающийся в других странах социалистического блока – литература, созданная критически настроенными писателями из ГДР. Соответствующие архивные материалы по их трудам отложились обособленно в старой Федеративной Республике Германии, а не в ГДР. Это касалось не только та-

⁶ Журнал «Новая немецкая литература» («Neue Deutsche Literatur»), издававшийся в Берлине, опубликовал по случаю 60-летия Мусы Джалиля первый немецкий перевод его стихотворения «Смерть девушки», выполненный Францем Лешницером (NDL Nr. 2, 1966, с. 111–112).

ких известных писателей, как Хайнер Мюллер (1929–1995)⁷ или Сара Кириш (1935–2013)⁸, но также малоизвестных писателей как Пауль Грацик⁹. Последний помещает специальный образ татар в свой роман «Kohlenkutte».

В этом романе этноним Tartaros используется как метафора в различных ситуациях: как насмешка над властью ГДР, в другой части текста солдаты Красной Армии названы ордами татар, а Тартария выступает как синоним СССР и сталинизма в целом. Повторяющиеся рефреном «война против моих тартар» с одновременным указанием на тех, кто «там наверху» в устах его героя Фрица («Kohlenkutte») Родченко служит явным символом неприятия автором системы ГДР. Аллюзии на систему ГУЛАГ, усталость от классовой борьбы и пятилетних планов также выражаются через образ тартар. Тартария и тартары, с одной стороны, используется для оскорбления режима и его приспешников и в целом символизирует все негативное, что разрушает и деформирует историю, повседневную жизнь, политику в извращенной системе ГДР, а также символизирует разврат, алкоголизм и жестокость. Все это, конечно, выступает контрастом официально заявленному в ГДР представлению о татарах как добрых советских соседях. В этой связи интересно сравнить упоминания о татарах в документах, отложившихся в различных архивах (архивах Союза писателей, государственной безопасности или в частных архивах).

Следующий пример показывает, что секретные службы были частично вовлечены, когда речь шла о «правильной настоящей социалистической литературе»¹⁰.

В романе крупнейшего писателя ГДР Эрвина Штриттматтера «Чудотворец»¹¹ также можно встретить образ татар. Два главных героя стоят перед памятниками Ленину и Сталину: «Один из них имел темные грузин-

⁷ Главная тема Хайнера Мюллера – критика сталинизма, как «сочетания социализма и славизма». В 1991 г. он писал: «Этот альянс был кошмаром Карла Маркса, в российской политике он видел продолжение татарского нашествия».

⁸ Автор поэмы «*Tatarenhochzeit*» (Татарская свадьба), Stuttgart/Munich: Deutsche Verlagsanstalt, 2003.

⁹ Грацик родился и вырос в Восточной Пруссии, изучал столярное мастерство, и после изгнания его семьи в 1952–1954 гг. работал в Восточной Германии. Получив педагогическое образование в Веймаре (1963–1966), он работал учителем до 1971 г. Он также изучал литературу в институте в Лейпциге в 1968 г., однако вскоре был отчислен. С 1971 г. он был свободным писателем и также подрабатывал на фабрике в Дрездене в 1974 г. С 1962 по 1981 гг. он являлся информатором Штази, однако вскоре отказался от этого и с 1984 г. сам стал объектом наблюдения органов государственной безопасности ГДР.

¹⁰ Westdickenberg, Michael: *Die «Diktatur des anständigen Buches». Das Zensursystem der DDR für belletristische Prosaliteratur in den sechziger Jahren.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2004, p. 17.

¹¹ Strittmatter, Erwin: *Der Wundertäter.* Berlin: Aufbau, 1980.

ские усы и смотрел сверху на Станислауса и Пауля; у другого было татарское лицо и улыбающиеся глаза, он смотрел немного снисходительно на них». Здесь Штриттматтер не желал, чтобы это было воспринято читателем как скрытый намек на критику системы или как старый стереотип. Напротив, он использовал определение «*татарское лицо*» применительно к Ленину, лишь имея ввиду внешнее сходство. Когда при переводе его романа на русский язык слово *татарский* было просто выброшено, Штриттматтер выразил свое недовольство в письме «политически ответственному редактору» в Москве: *«Когда я описывал Ленина, я использовал термин «татарский», что, по-видимому, считается недопустимым? Значит ли это, что татары являются недочеловеками или худшими людьми в глазах нынешних политических потомков Ленина? Имейте в виду! Я настаиваю на том, чтобы на русский язык перевели все, что я написал. Я еще не подписал контракт! И не стремлюсь быть напечатанным в данный момент»*. Данное письмо можно найти в Международном архиве по социальной истории немецкой литературы (Мюнхен)¹². Возмущение Штриттматтера можно рассматривать как результат того, что официальный образ татар формировался в ГДР под влиянием произведений татарского поэта-героя Мусы Джалиля и последующих поколений писателей из Татарстана. Штриттматтер, очевидно, был сторонником гуманистических взглядов равенства братских социалистических народов и также, вероятно, находился под впечатлением от личного общения с советскими писателями. Осенью 1967 г. он совершил поездку в Советский Союз, воспоминания о которой можно прочитать в его дневнике «Разнообразные правдивые истории». Небольшой эпизод из этого дневника является доказательством искреннего отношения Штриттматтера к татарам: ни один другой писатель ГДР не осмеливался затронуть тему судьбы крымских татар. Здесь мы должны отметить, что термин крымские татары был полностью искоренен из литературы стран восточного блока, включая ГДР (из художественной литературы, словарей и учебников). Эрвин Штриттматтер нарушил это табу. 13 октября 1967 г. после экскурсии на вершину горы Ай-Петри, которая стала символом борьбы крымских татар после их возвращения из депортации, он пишет в своем дневнике следующее: «Остатки татарской деревни. Разрушенный колодец. Нет больше дружелюбного мерцания воды в его глубине. Татары высланы, деревня оставлена лесу, который медленно разрастается. Кажется, что каждый раз, когда вы скребёте землю у края фонтана, вы слышите разговор или шепот девушек»¹³. Конечно, это всего лишь один краткий пассаж среди многих тысяч страниц в наследии крупнейшего пи-

¹² <http://www.iaslonline.de/>

¹³ Strittmatter, Erwin: Wahre Geschichten aller Ard[t]. Berlin: Aufbau, Aus Tagebüchern, 1982, S. 60.

сателя ГДР, но ни один другой автор не решался даже на подобную маленькую искренность.

На этом фоне его жалоба, направленная московским редакторам, проливает очень явный свет на внутрисоветские настроения, касающиеся проблемы равенства всех народов и, соответственно, на право существования этнической лексики.

Небольшое упоминание татар, использованное при описании Ленина, даже в таком объемном произведении Штриттматтера показалось московским цензорам настолько опасным и недостойным, что они решили от него избавиться.

Учитывая то, что было опубликовано в идеологических памфлетах до и во время Второй мировой войны против «татарского Ленина» или «татарских варварских большевиков», Штриттматтер своей жалобой имел в виду освобождение слова *татары* от его уничижительного подтекста, что делает ему честь. Но вместе с тем это показывает его наивность в свете тех массовых нарушений прав человека, которые продолжались вплоть до распада СССР, не только по отношению к татарам в целом, но, прежде всего, по отношению к крымским татарам.

Еще один пласт татарских материалов в немецких архивах касается татарских писателей, публиковавшихся в ГДР, совершавших туда поездки, или же писателей ГДР, ездивших в ТАССР. Возможно ли обнаружить следы этих татаро-немецких контактов в архивных материалах? Кто из авторов, переводчиков и иллюстраторов сумел найти выход на татарских авторов, и наоборот? Если к официальной татарской советской литературе, к примеру, таких авторов, как Баширов, Кутуй, Джалиль и др.¹⁴ был свободный доступ читателей, то тексты крымских татар или информация о них могут быть обнаружены преимущественно в самиздате ГДР, в архивах немецкой оппозиции, или в Архиве Штази.

В качестве примера, мы снова вернемся к исследовательскому проекту, посвященному Мусе Джалилю. Первая беллетристская публикация в Германии о биографии Мусы Джалиля – повесть «Восстание в Радоме» 1958 г. В своем повествовании автор обращается к событиям восстания против вермахта в легионе Идель-Урал, а также и к антифашистской дея-

¹⁴ Nadshmi, Kawi: Frühlingswinde. Leipzig: Paul List Verlag, 1955; Gaffar, Achat: Großvaters Quelle. In: Sowjetliteratur Moskau: 1985, 77–93; Gaidar, Arkadi: Timur und sein Trupp. Berlin: Kinderbuchverlag, ATB Alex Taschenbücher, 1950; Sabirow, Safa: Hundert Kilometer auf einer Eisscholle. Berlin: Verlag Kultur und Fortschritt, 1964, 1. Oktoberheft, Nr. 19; Baschirow, Gomer: Ehre. In: Sowjetliteratur. Moskau: Schriftstellerverband der UdSSR, 11/12, 1951, 13–144 (11); 3–80 (12); Baschirow, Gumer: Nafisse – Roman einer Liebe. Berlin: Kultur und Fortschritt, 1954; Kutui, Rustem: Bittere Eicheln. In: Sowjetliteratur. Neue sowjetische Erzählungen. Moskau: Schriftstellerverband der Sowjetunion, 6, 1986, 92–99.

тельности Джалиля и его последователей. Рассказ написан Иоахимом Шварцем, известным в ГДР писателем.

Немецкий еврей Иоахим Хайм Шварц бежал в Палестину еще до утверждения национал-социализма и вернулся в молодую ГДР в 1950 году. С момента своего возвращения убежденный социалист пытался стать членом СЕПГ, в чем ему отказывали из-за принадлежности к «сионистским кругам». Шварц, талант которого был не менее выдающимся, чем у вышеупомянутого Франца Фюмана – принца поэтов ГДР, воспринимался как многообещающий молодой автор. Он опубликовал многочисленные статьи в период с 1953 по 1955 гг. и написал 7 романов, которые были изданы с 1955 по 1962 гг. За свою книгу «Новый директор» («Der neue Direktor») он получил литературную премию Объединения свободных немецких профсоюзов.

Спустя три года литературная карьера Шварца была закончена. Сталинская концепция «Bitterfelder Weg» (Биттерфельдский путь) провалилась и была подвергнута ревизии. Творчество Шварца было полностью подчинено этой идеологии и, соответственно, также потерпело крах.

В 1966 году Шварца обвинили в насмешках над рабочими и крестьянами в его книгах. Ничего не могло быть хуже этого! Десять лет спустя под псевдонимом Карл Якоб Данцингер он публиковался в основном в ФРГ. В 1976 году выходит его автобиографический роман «Партия всегда права», где он описывает опыт своего разочарования в сталинизме как писателя и социалиста. В архивах Штази можно ознакомиться с его письмом известному и влиятельному писателю Эрвину Штриттматтеру (1959 г.), в котором Шварц саркастично называет себя: «Я политически незрелый паразит на теле объединения писателей»¹⁵.

Нам предстоит провести большие архивные исследования, связанные с появлением повести «Восстание в Радоме», опубликованной в 1958 г., то есть в то время, когда в Германии было еще мало известно о жизни Джалиля. До самой смерти Сталина в 1953 г. история Джалиля являлась табу. В 1946 году Министерство государственной безопасности открыло доступ к делу Мусы Джалиля, где он был назван предателем. В апреле 1947 года его имя было занесено в список разыскиваемых преступников. Только после смерти Сталина спецслужбы признали антифашистскую деятельность Джалиля и дали разрешение на публикацию «Моабитских тетрадей» в Казани. Их перевод на русский язык был опубликован в «Литературной газете» благодаря ее редактору Константину Симонову. Муса Джалиль был награжден посмертно Звездой Героя Советского Союза в 1956 году и Ленинской премией за его «Моабитские тетради» в 1957 году.

¹⁵ Документ, датированный 14.03.1959, BStU 14491/92, Bl. 14ff.

Первые редкие публикации на немецком языке выходят в 1955 году в журнале «Советская литература», затем в партийной газете СЕПГ «Neues Deutschland» (1956)¹⁶, а в 1957 г. «Моабитские тетради»¹⁷ публикуются в ГДР. Первым немецким исследователем Джалиля стал Леон Небензал¹⁸, справедливо отметивший в своем выступлении на исторической конференции в Лейпциге в 1958 г.: «Вопрос о легионах и о так называемой армии Власова до сих пор не рассматривался в ГДР, и, насколько я знаю, в советской прессе тоже. В Западной Германии, с другой стороны, много было написано и опубликовано»¹⁹. Во-первых, было мало известно о татарах в вермахте и в СС, а во-вторых, до самого распада ГДР предметом строгого табу являлись такие темы, как коллаборационизм, ГУЛАГ, сталинский «Большой террор». Эти темы были скрыты до 1990 года под доктриной «антифашизма» и «реального социализма». Однако, как же в этом случае Шварц мог выйти на источники информации о событиях в Радоме и в целом о джалиловцах? Кто же дал Шварцу и иллюстратору Клаусу Похе задание написать на эту тему? Какую роль сыграли супруга Шварца, известная журналистка Хельга Шварц-Штотцер²⁰, и немецко-русский журналист Леон Небензал, также как и представители советской стороны из секретных служб, издательств и архивных управлений.

Ответы на эти вопросы могут быть найдены в немецких архивах. Представляет интерес архивы Клауса Похе в Академии искусств²¹, Леона

¹⁶ См.: <https://www.nd-archiv.de/artikel/1197443.die-erste-carmen-tatariens.html> [Дата обращения: 27.12.2016].

¹⁷ Džalil', Musa M.: Aus dem Moabiter Heft (Franz Leschnitzer, Amina Dzhaliil, Erich Müller). Berlin: Verlag Kultur u. Fortschritt, 1957. 46 s.

¹⁸ См.: «Die geliehene Stimme: Leon Nebenzahl», In: Hartewig, Karin: Zurückgekehrt. Die Geschichte der jüdischen Kommunisten in der DDR, Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2000; Небензал, Леон: Последние дни Мусы Джалиля // Литературная Газета. № 5 (3971). 10.01.1959. С. 4; Der Tod des tatarischen Dichters Mussa Dshalil. In: Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 3, 1967, p. 459–461; Auf den Spuren von Mussa Dshalil. In: (Schiel, Ilse / Milz, Erna) Im Zeichen des roten Sterns. Erinnerungen an die Traditionen der deutsch-sowjetischen Freundschaft. Berlin: Dietz, 1974, p. 307–317; Nebenzahl, Leon: Mein Leben begann von neuem. Berlin: Dietz, 1985, p. 94–102.

¹⁹ Nebenzahl, Leon: Mussa Dshalil – poet and fighter. In: Stern, Leo (Red.): Problems of the History of the Second World War: Speeches and discussion on the topic: The most important directions of the reactionary historiography about the Second World War. Editor: Commission of Historians of the GDR and the USSR. Berlin: Akad.-Verlag, 1958, p. 367–378.

²⁰ Хельга Шварц- Штотцер (Helga Schwarz-Stötzer), (1932–2003) работала в различных газетах, в т.ч. в «Freie Welt».

²¹ Архив писателя и иллюстратора Клауса Похе (1927–2007), <https://archiv.adk.de/bigobjekt/16702>; См. также: «Klaus Poche», Wer war wer in der DDR. Ein biographisches Handbuch. Frankfurt: Fischer, 1996, S. 573.

Небензала²², Архив федерального уполномоченного по документам спецслужб бывшей ГДР²³, фонд Иоахима Хайм Шварца в Берлинской Государственной библиотеке и архивы различных издательств и газет, как, например, «Neues-Deutschland», где было опубликовано сорок шесть статей, касающихся Мусы Джалиля²⁴.

По интересующей нас тематике в архивах бывшей ГДР хранится большое количество документов: переписка, документы разведки, рукописи и артефакты, аудио-визуальные материалы – и все это ждет своего открытия, анализа и публикации.

В дополнение к официальным архивам существуют также частные и местные коллекции, которые могут представлять интерес. В частности, небольшие коллекции в деревнях или небольших городах часто хранят до сих пор неизвестные сведения. Это в основном письма, фотографии, рисунки, инструменты, документы, дневники и др.

Например, деревня Вустрау, которая уже упоминалась в контексте исследований о Мусе Джалиле, предлагает большое количество ресурсов. В связи с проектом оцифровки данных, часть частных архивов в селе может быть сохранена. В дополнение к материалам о татарских военнопленных в селе также имеются материалы по так называемой *серой литературе* – то есть неофициальным печатным изданиям. В случае Вустрау – это местная хроника, которую вел сельский учитель в 1950-е годы. В этой хронике на основе рассказов очевидцев описывается история лагеря. До сих пор в известной нам научной литературе не было никаких ссылок на данные хроники. Мы надеемся привлечь исследователей к продолжению полевых исследований в данной области.

²² Конволют «Erinnerungen des Journalisten Leon Nebenzahl», Bundesarchiv (<https://www.archivportal-d.de/item/3JAY37UEN23KABT6KDR3OWR2ZLI2YRWS>).

²³ Офис федерального уполномоченного по документам спецслужб бывшей ГДР (BStU) с 1990 г. хранит в своих архивах документы Министерства государственной безопасности ГДР. В общей сложности более 111 километров дел, кроме того, более 1.7 миллионов фотографий размещено онлайн: http://www.bstu.bund.de/EN/Home/home_node.html [Дата обращения: 24.12.2016].

²⁴ Имеются два архива газеты «Neues Deutschland», один платный, коммерческий архив компании в Интернете (<https://www.nd-archiv.de/>) [Дата обращения: 27.12.2016], другой при Берлинской Государственной библиотеке: Цифровой архив номеров «Neues Deutschland» с 23 апреля 1946 г. по 3 октября 1990 г. на портале «DDR-Presse» (ZEFYS). Доступен бесплатно для читателей Государственной библиотеки после онлайн-регистрации по адресу: <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse/> [Дата обращения: 28.12.2016].

VIII

Частные архивы современной Германии: потенциальные возможности в неизведанном

После краха так называемого «реального социализма» в Германию прибыла последняя большая волна татарских эмигрантов. Сегодня эти татары со всего бывшего Советского Союза составляют основу различных ассоциаций татар в Германии. В этой связи заслуживают внимания Татаро-башкирская культурная ассоциация и «Tatarlar Deutschland» (бывший «Союз Татар») – крупнейшая ассоциация в Германии. На встречах с татарами, живущими в Германии, к примеру, во время празднования сабантуя в Берлине, Лейпциге, Франкфурте и Дрездене можно узнать интересные жизненные истории и услышать их воспоминания, которые исторически значимы и трогательны. Во время таких встреч появляются возможности для выявления новых частных татарских архивов.

В частных архивах представителей татарской интеллигенции в Германии хранятся ценнейшие материалы по истории, культуре и искусству татар, отражающие грандиозные политические события XX века. Приведем лишь несколько примеров этого. В этом выпуске серии «Язма мирас» мы приводим лишь отдельные материалы в качестве примера. Из всего богатства разнообразных архивных материалов (микрофильмы, фотографии, рукописи, оттиски и др.) мы выбрали наследие нескольких писателей и деятелей искусств, таких как Медина Мамлеева, Гузель Амальрик и Аля Рахманова, и материалы из личных архивов Венеры Вагизовой и Фейзи Юртера.

Приведем здесь некоторые страницы из личного архива Венеры Герасимовой-Вагизовой, руководителя Ассоциации «Tatarlar Deutschland», о жизни ее деда со стороны матери – Хасана (Мухаммет-Хасана) Усмановича Усманова (1894–1954). Хасан Усманов родился в семье крестьянина Усмана и его жены Хаерлбанат, дочери муллы. Он учился в медресе и русской школе, выучил языки народов Поволжья (чувашский, марийский, башкирский, удмуртский, русский, мордовский). Он работал на различных фабриках рабочим в царской России, после революции в 1917 г. одним из первых вступил в Красную Армию, затем началась его трудовая деятельность на различных малых предприятиях. В молодости он получил хорошее образование, поэтому в 1925 г. Народным комиссариатом образования был назначен ликвидатором безграмотности. С этого времени и вплоть до своей смерти в 1954 году он работал учителем и был одним из активных участников сельского просвещения в ТАССР. В архиве его внучки хранится документ, отражающий историю ликвидации неграмотности в республике, приводим его текст полностью:

14/X 1925

Дер. Новые Челны, Матакской волости

Гражд. Усманову Хасану

Спасский Кантоннароб сообщает, что Вы с 15-го Октября с. г. назначаетесь ликвидатором Каргопольского Ликвпункта Баз. Матакской волости, куда Вам предлагается отбыть к указанному сроку и приступить к работе по лик. неграмотности по указанию Волинструктора. Кроме того сообщается, что при выплате заработной платы КО НО будет придерживаться следующая (неразборчиво): набравшие не менее 15 человек в группе будут получать 16 рубл. в месяц с последующей надбавкой по 1 рубл. в мес. На каждого обученного и выпущенного. – При чем зарплата будет выдаваться только за количество фактически обученных и выпущенных. – Меньше 15 человек в группе не допускается.

Зав. (неразборчиво) подпись (Касимов)

(неразборчиво) подпись (Дмитриев)

Инструктор Лик. Мер подпись (Ииназаров)

Другим примером частных архивов является архив Медины Мамлеевой, известной также в Германии как Медина Кенеграхц или принцесса Медина, дочь графа Исмаила Сулеймановича Мамлеева¹. Ее первая книга – «Открывая мою душу. Жизнь в России» – ее автобиография, стала бестселлером в Германии, за ней последовали различные татарские сказки, легенды, новеллы.

В целом лишь с началом публикационной активности татар за пределами России (или бывшего Советского Союза), таких как Гузель Амальрик, Г.Баширов, М.Джалиль, С.Валиуллина² или Медина Мамлеева, в Европе стало складываться иное представление о татарах, противоположное их прежнему традиционному образу, представляющему татар как экзотических или агрессивных иноземцев.

Медина Мамлеева вспоминает великое татарское наследие, огромное влияние татарской культуры на европейскую цивилизацию, тесное этническое слияние известных русских и татарских родов: «Из татар происходят великие полководцы, такие как Суворов и Кутузов. Русские до сих пор гордятся этими людьми и называют их русскими. Козацкий лидер Кочубей

¹ Tshulpan Usmanova, Frank Schulze: Literary discoveries in the Frankfurt Book Fair. In: ALTABSH, Berlin, Nr. 1, 2004, p. 2/4, (<https://tamga.files.wordpress.com/2008/01/altabash-1-2004.pdf>); Venera Vagizova: Немецкая татарка Медина / Die deutsche Tatarin Medina. In: ALTABASH, Nr. 6/9, 2005, p. 6/10–11, (<http://1997-2011.tatarstan.ru/files/ALTaBash100705.pdf>).

² Сана Валиуллина (р.1964), автор романа «Дидар и Фарук», пишущая на голландском языке татарская писательница, выросла в Таллине, Эстония. Изучив норвежский язык и литературу в Москве, она эмигрировала в Нидерланды.

происходил из татар. Царь Годунов был татарской крови. Он правил после Ивана IV. Род Строгановых, который покорял Сибирь, был татарского происхождения. Писатели Ахматова, Бунин, Гоголь, Державин, Карамзин, Тургенев, Тютчев происходили из татар, а также некоторые композиторы, такие как Рахманинов. Татищев, Чаадаев, князь Юсупов были татарского происхождения. Мать Лермонтова была татаркой. То были выдающиеся личности, которые многое сделали для России, вошли в российскую историю, обогатили литературу. В истории все они воспринимаются как русские, но они были татарами!» – эта цитата взята из ее неопубликованной рукописи «На дороге жизни»³. Этот биографический роман является продолжением бестселлера «Открывая мою душу».

Медина родилась в 1922 году в Петрограде, в 1943 году она вышла замуж и переехала в Германию вместе со своим мужем, была инженером, ученым, переводчиком и писателем. В последнее время она работала управляющим директором фармацевтической компании «Inpharmco GmbH», а с момента выхода на пенсию занялась литературным творчеством. Медина Мамлеева умерла в 2014 году, оставив после себя десяток книг, в т.ч. макеты завершенных, но не изданных книг.

В течение жизни она собрала обширный материал о знатных татарских родах и русско-татарских межнациональных отношениях. Изучение ее личного архива, ее собственных книг и рукописей может стать интересным исследовательским проектом для молодых исследователей и прекрасной данью памяти этой скромной женщине с большой, богатой событиями историей, очевидице XX века со всеми его переломами.

Другой пример биографии татар в эмиграции – это художник Гузель Амальрик. В ее автобиографии описаны лишь детские годы. О дальнейшей жизни и творчестве мы знаем совсем немного: это должно стать целью отдельного исследования.

В дополнение к произведениям, написанным после 1945 г. возвращающимися из плена бывшими солдатами вермахта, в 1950-е гг. появляются публикации первой послевоенной волны татарской эмиграции, приносящие в немецкую литературу аутентичный образ восприятия татарами самих себя.

Например, принявший христианство казанский татарин Ильяс Абдулла издавал в Мюнхене журнал «Die Zeile» («Линия»)⁴. В 1970-х гг. стала

³ Я искренне благодарен Медине Мавлеевой-Кенеграхц за разрешение опубликовать этот отрывок из ее неизданной рукописи и за теплый прием в ее доме в Ной-Ульме, Бавария. – *Мисте Хотонн-Рике*.

⁴ В дополнение к национальному наследию и историческим темам, по всей видимости, издатель стремился показать, что только христианство могло спасти татар до того, как падут большевики. Абдулла выступал в своих текстах за понимание и принятие татар, стремился показать их в лучшем свете: «Несомненно, что татары и болгары

известна печальная история Гузель Амальрик, жены диссидента Андрея Амальрика. Она в своей автобиографической книге «Воспоминания о моем детстве» изобразила мрачный угнетающий образ их семьи в Москве в брежневскую эпоху: грусть, теснота коммуналок, отсутствие денег и алкоголь сопровождали повседневную жизнь не только ее семьи в эту эпоху. Она укрылась в мире литературы, живописи и кино, чтобы спрятаться от побоев отца, повсеместной лжи и контроля, душевного заболевания своей сестры⁵. Затем познакомилась со своим будущим мужем, Андреем Амальриком, российским историком и диссидентом⁶. После этого последовал целый ряд судебных дел, задержание и высылка в Сибирь. Затем в 1976 году они вместе покинули СССР и жили во Франции и Швейцарии, где она приступила к написанию своих детских воспоминаний. В своей книге она открыто обсуждает расизм в советском обществе, особенно против татар, не стесняясь сравнивать его с расовой сегрегацией в США в 1960-е гг.

Забытым автором бестселлеров в межвоенный и послевоенный период является Аля Рахманова, все ее произведения были написаны на русском языке, но издавались в немецком переводе⁷. «Зальцбург действительно принес мне чудо, самое большое, которое может встретить человек, потерявший свою родину. Он подарил мне новую родину», – писала она в 1934 году.

«Я имела счастье провести детство и юность среди скалистых гор и зачарованных озер Урала, в удивительном мире, который особенным образом смог раскрыть мне таинственные силы природы и человеческой жизни, мое страстное желание раскрыть эти тайны всегда давало мне новую пищу, и моя любовь к Богу, к людям и к добру становилась все сильнее», – пишет она в предисловии к своему сборнику рассказов «Тайны татар и истуканов». Аля Рахманова, которая начала писать в четырнадцать лет, считала, что «дневник – это неизбежная жизненная необходимость». Книги, которые возникли из первых записей, свидетельствуют о ее глубокой любви к родному Уралу, об удивительной наблюдательности и глубоком чувстве эмпатии к зеленому гористому миру татар и русских. Рассказы «Злой дух в татарском ауле», «Кербалай, татарский принц – разбойник» или «Рыбалка на Буяне», одном из «татарских озер», являются ранними свидетельствами

были самыми одаренными народами, они развили высокую культурную жизнь. Они были такими сильными, что перед ними трепетала вся Европа. Русские были много лет под властью татар, и в культурном плане они далеки от татар, но при всем том, русские смогли уничтожить государства татар. В чем же причина? Существует только одно верное объяснение: религиозный, нравственный, моральный упадок в татарском народе...», (*Die Zeile*, Nr. 4, October 1952, S. 10).

⁵ Amalrik, 1976, S. 100–108.

⁶ Андрей Алексеевич Амальрик (1938–1980).

⁷ Ее работы переводил на немецкий главным образом ее муж Арнульф фон Хойер.

ее дарования. Встречи с татарами Кавказа и Крыма во время летних поездок ее семьи на отдых, вероятно, также были источниками ее вдохновения.

Аля Рахманова, урожденная Галина Николаевна Дюрягина, появилась на свет 27 июня 1898 года в городе Касли, недалеко от Екатеринбурга. Будучи дочерью врача дворянского происхождения, она изучала психологию и литературоведение в университете Перми. Ее дневники, свидетели ее трагической судьбы, были переведены на 21 язык и выдержали более 30 переизданий миллионными тиражами. Она была самой известной писательницей послевоенного времени. Тем не менее, она не признана ни в русской, ни в татарской, ни в немецкой, ни в австрийской истории литературы, где ее имя даже не упоминается. Ее произведения так и не были изданы на русском.

Революция вынудила ее семью, после национализации их имущества, бежать в Сибирь, где в 1921 году в Омске Галина вышла замуж за австрийского военнопленного Арнульфа фон Хойера. После бегства из Советской России в 1927 году они переехали в Зальцбург. Здесь Арнульф фон Хойер получил первое постоянное место работы, здесь же дневники его жены случайно попадают в руки издателя Отто Мюллера и быстро становятся бестселлером, особенно книга «Молочница из Оттакрингера», разошедшаяся тиражом в 350 тысяч экземпляров и имевшая сенсационный успех. Здесь семья прожила самые счастливые годы. Молодая эмигрантка превратилась в писательницу Алю Рахманову. Одна за другой следовали книги «Студенты, любовь, Чека и смерть» (1931), «Браки в красной буре» (1932), «Молочница из Оттакрингера» (1933), «Тайны татар и истуканов» (1933), «Фабрика нового человека» (1935), «Трагедия одной любви. Супружеский роман Льва Толстого» (1937), «Юрка. Дневник матери» (1938) и «Вера Федоровна. Роман русской актрисы» (1940).

Одному моменту из жизни писательницы в истории литературы до сих пор не было уделено должного внимания, а именно: выбору в качестве псевдонима татарского имени, которое сопровождало ее всю жизнь, равно как и личности Рахмановой вообще. Выбрала ли она псевдоним «Аля Рахманова», под которым она стала известной, в эмиграции в Австрии, чтобы отвести опасность от оставшихся в России родных, как об этом пишут? Но против подобного утверждения говорит ее книга «Несчастливая любовная переписка» («Меня зовут Аля, я учусь в четвертом классе гимназии»). Неоспоримо одно: ее псевдоним свидетельствует о глубоком почтении к своей татарской родине вне религиозных и этнических границ.

Когда в апреле 1945 года ее единственный ребенок погибает от пуль ее соотечественников во время последних боев за Вену, а ее жизнь вновь подвергается угрозе со стороны приближающейся Красной Армии, она бежит с мужем в Швейцарию. Следующая книга «Один из многих» посвящена памяти сына и отражает смутное время после переезда семьи в Зальцбург в

1927 году до смерти сына в 1945 году. «Двадцать три года мы холили и лелеяли... нашего ребенка, пытались оградить его от всего, что могло навредить ему, окружили его потоком любви, которой не было границ, которая наполняла наши сердца. И теперь нашего ребенка нет, потому что ему пришлось быть в мире, в котором ненависть сильнее, чем любовь, и у нас, у родителей, отняли единственный истинный смысл существования на земле навсегда», – так автор описывает в предисловии книги боль своей утраты. И Арнульф фон Хойер писал в 1946 году в письме друзьям в Зальцбурге: «Естественно, для нас очень печально, что приходится начинать все сначала и мы, честно говоря, уже очень устали. Одиночество, без нашего единственного ребенка, очень тяжело для нас, и тоска по родине не делает нашу жизнь легче». Семейство Хойер направляется в Эттенхаузен, кантон Тургау, около Винтертура в Швейцарии, где оно провело остаток своей жизни. Одна из самых известных писательниц послевоенного времени в своем, пожалуй, самом крупном произведении описывает биографии писателей ее родины. Она пережила мужа на 20 лет и умерла 11 февраля 1991 года в возрасте 93 лет в Эттенхаузене⁸.

⁸ Stahr, Ilse: *Das Geheimnis der Milchfrau in Ottakring*, Alja Rachmanova. *Ein Leben*. Wien: Almathea Signum, 2012. Riggenbach, Heinrich (Ed.): *Auch im Schnee und Nebel ist Salzburg schön. Tagebücher 1942 bis 1945*. Salzburg: Müller, 2015.

IX

Немецко-татарские Места памяти – архивный проект с участием немецких школьников

Бранденбург-Прусский музей в Вустрау, рядом с Берлином, сконцентрирован главным образом на периоде господства династии Гогенцоллернов в Бранденбурге и Пруссии. Однако важной частью его деятельности является музейная педагогика и сотрудничество с общественными организациями и учреждениями, такими как Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT). В результате данного сотрудничества в контексте выставки «Турки, мавры и татары – мусульмане в Бранденбург-Пруссии», в 2014 году появились первые проекты, связанные с историей татар в Пруссии в XVIII и XIX веках¹.

Эти проекты были выполнены вместе с ICATAT в Магдебурге, целью их было исследовать избранные биографии, проливающие свет на общую историю немцев и татар.

Миграция, интеграция, глобализация и поликонфессиональные многоязычные общества не являются исключительным феноменом настоящего времени. Это видно на примере истории мусульман-иммигрантов в Бранденбург-Пруссии на протяжении прошлых пяти веков. Роль ислама и мусульман в немецкой истории ясно показывает, что современные политически и эмоционально окрашенные дебаты, как правило, основываются не на научно обоснованном знании истории, но часто лишь на стереотипах, предрассудках и передаваемых из поколения в поколение предубеждениях.

Образовательная музейная программа «Али и Ханифа в Бранденбурге и Саксонии-Анхальт» направлена на изучение тех аспектов немецкой истории, которые хотя и признаются важными, но еще не находят своего места в школьных программах. Различные проекты, в которых принимали участие учащиеся всех возрастов, объединили научный подход и неформальное образование. Целевой группой проекта также являются жители всего региона Бранденбург, которые проживают слишком далеко, чтобы посетить музей в Вустрау. Именно поэтому был выбран кросс-кантри подход: объединение региональной истории с биографическими исследованиями. Али и Ханифа выступают олицетворением данного подхода. Али – «пленный турок» (в Раннее Новое время турками называли практически всех мусульман, проживающих на территории Османской империи или Азии), схваченный Бранденбургским генералом Барфусом в Офене (современный Будапешт). Великолепно интегрированный в немецкое общество после крещения в Тангер-

¹ Theilig, Stephan: Türcken, Mohren und Tartaren. Katalog zur Ausstellung im Brandenburg-Preußen Museum. Freiburg: Rombach, 2014.

мюнде, он под именем Фридриха Али сделал замечательную карьеру от камер-турка (пажа) до мэра одного из районов Берлина.

Анифа (Ханифа) родилась в 1790 г. в семье прусско-татарского улана Радоленского из Татарского лейб-эскадрона Барановского. Основываясь на историях жизни так называемых «пленных турков», татарско-прусских улан и мусульманских иммигрантов в сегодняшнем Бранденбурге и на специфическом региональном контенте, через семинары, мастер-классы, лекции мы показываем с использованием сравнительно-исторического анализа, как миграция и интеграция представлена в нашем обществе в прошлом и настоящем².

Бранденбург-Прусский музей в сотрудничестве с Евангелической церковью Бранденбурга и некоторыми региональными неправительственными организациями в Бранденбурге также проводит активную работу с учащимися в рамках проекта «Картины жизни». Ученые, а также учащиеся евангелической гимназии в Нойруппине, обнаруживают непосредственные следы общего немецко-татарского пространства в ВуStraу.

Эта история на протяжении долгого времени была известна лишь небольшой группе энтузиастов и историков. Была вновь открыта история лагеря военнопленных в ВуStraу периода Второй мировой войны. Это стало толчком для интервьюирования очевидцев того времени, экскурсий на места событий, архивных и археологических исследований. Результатом этой работы должно стать создание мемориала на месте самого бывшего лагеря, так как его следы стерлись, а само место размещения долго пребывало в забвении.

В июне 1941 г. после нападения на Советский Союз фашистской Германии миллионы советских солдат оказались в немецком плену. Военнопленные были представителями разных национальностей, включая украинцев, башкир, татар, грузин, белорусов и др. Условия жизни в плену были весьма суровые: голод, холод, болезни, жестокое обращение с узниками со стороны надзирателей обрекли на верную смерть более половины заключенных. В 1941 году, после провала операции «Барбаросса», руководство вермахта начало создавать из военнопленных специальные военные формирования – т.н. легионы, для дальнейшего использования их в борьбе с Красной Армией³. Отобранных военнопленных переводили в специальные пропагандистские лагеря. Для многих это стало единственным вынужденным выходом перед лицом неминуемой смерти.

² Опыт регионализации истории в контексте мусульманско-христианских культурных контактов в истории Германии изложен в книге: Hotopp-Riecke, Mieste / Theilig, Stephan: Fremde, Nähe, Heimat: 200 Jahre Napoleon-Kriege: Deutsch-Tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen. Berlin, 2014.

³ Frieser, Karl-Heinz: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, 10 Bde., Bd.8, Die Ostfront – Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten. München: DVA, 2007.

Ответственное за этот процесс Восточное министерство (Министерство оккупированных восточных территорий) под руководством Альфреда Розенберга организовало «национальные комитеты», в том числе комитет волго-татарский, туркестанский, крымскотатарский, грузинский и калмыцкий⁴.

При отборе военнопленных акцент формально делался на «добровольном» характере, однако его не следует переоценивать, поскольку для пленных это был вопрос выживания: прием в один из восточных легионов означал более приемлемые условия питания и, следовательно, большую вероятность выживания. Очевидно, у пленных был выбор: либо выжить, получая нормальную пищу, но при этом согласиться на сотрудничество с врагами своей Родины⁵, либо голодать в лагерях.

По свидетельствам очевидцев, вначале объявлялась запись добровольцев, но поскольку их было недостаточно, то записывали принудительно, под угрозой смерти: «Вот как формировались «добровольцами» батальоны легиона «Идель-Урал». Немцы разделили лагерь на две части. В одной пленные по-прежнему сотнями гибли от голода и тифа. В другой – так называемом полулегионе – было введено трехразовое питание. Для вступления в полулегион не требовалось ни подписки, ни даже устного согласия. Достаточно было просто перейти из одной половины лагеря в другую. Многие не выдерживали такой «наглядной» агитации. Убедившись, что формирование легиона идет слишком медленно, немцы просто пригоняли татарских, башкирских и чувашских пленных с места формирования и объявляли, что отныне все они являются «восточными добровольцами». Соблюдая форму, немецкий офицер через переводчика спрашивал, кто не желает служить в легионе. Находились и такие. Их тут же выводили из строя и расстреливали на глазах остальных»⁶.

Первые исследования в немецких архивах о «Восточном легионе» начались с работы Йоахима Хоффманн⁷. Он сосредоточил свое внимание на архивных материалах, обнаруженных в Федеральном Военном архиве во

⁴ Bundesarchiv: Europa unterm Hakenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945). Berlin, Heidelberg: 1994.

⁵ Кроме того, все военнопленные были объявлены Сталиным «изменниками Родины», вне какой-либо связи с их реальным сотрудничеством с врагом, только потому, что они не погибли в бою, а «сдались в плен», военнопленные солдаты Красной Армии были лишены какой-либо поддержки, к ним не допускались и представители Международного Красного Креста для оказания помощи.

⁶ Воспоминания легионера И. Скобелева «Чуваши и татары в логове фашистов. Малоизвестные страницы Второй мировой войны», Газета «Республика» Государственного Совета Чувашской Республики, № 23–27, 31, 2003 г. (<http://www.istpravda.ru/digest/3054/> [Дата обращения: 14.12.2015]).

⁷ Hoffmann, Joachim: Die Ostlegionen (1941–1943). Freiburg: Rombach, 1986.

Фрайбурге. Труд Хоффманна дополнила более поздняя работа Себастьяна Цвиклинского⁸.

В Вустрау членов легиона Идель-Урал, в том числе и знаменитого татарского поэта Мусу Джалиля, разместили в бывшем лагере Имперской трудовой службы.

Условия жизни в обнаруженном в результате нашего исследования «лагере без заборов», контакты военнопленных с населением и сохранившиеся следы их пребывания здесь (воспоминания очевидцев и материальные артефакты) являются сегодня целью изучения сотрудников музея, учащихся и студентов.

В дополнение к личным записям, фотографиям и документам из Федерального Военного архива, Архива Министерства иностранных дел и многочисленных частных архивов найдены реальные свидетели, очевидцы событий, которые могут пролить свет на историю данного лагеря. Однако вскоре стало ясно, что через более чем 70 лет пробелы в памяти многих из них были заполнены легендами. Еще предстоит сопоставить результаты изучения устной истории и архивных документов.

Удалось выяснить, что лагерь находился на краю деревни Вустрау. Условия жизни там были лучше, чем у других советских, польских или французских военнопленных в соседних лагерях. Заборов у лагеря не было и контакты с местным населением не ограничивались, что также расширяло для нас потенциальный круг очевидцев интересующих нас событий. Так, один из жителей, который будучи молодым немецким школьником, помогал в лагере рыть колодец, подтвердил, что legionерам разрешали носить гражданскую одежду и свободно выходить за территорию лагеря. В лагере регулярно проводились концерты, существовала театральная группа. Имели место многочисленные контакты между заключенными и местным населением, некоторые из них даже перерастали в любовные связи. В те времена молодая женщина, работавшая в лагере секретаршей, получила в дар от военнопленного две картины, написанные им во время пребывания в Вустрау. Они все еще висят на кухне у теперь уже 90-летней фрау Штейн. Также были найдены и другие реликвии, к примеру, водяной насос, стоявший в переулке у границы лагеря и использовавшийся как тайный почтовый ящик. На то, чтобы из обрывочных данных восстановить цельную картину, требуется время. А времени не так много, ведь свидетелей тех времен все меньше и меньше. Но прямое общение со свидетелями и данные архивных материалов дают хороший стимул исследователям. В качестве первых результатов своей работы, учащиеся презентовали в Нойруппине близ Вустрау макет мемориала и устроили премьерный показ небольшого фильма про лагерь⁹.

⁸ Cwiklinski, Sebastian: *Wolgotataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs*. Berlin: Schwarz, 2002.

⁹ «Lebensbilder – Erinnerungsorte Teil 1: Das tatarische Gefangenenlager Wustrau» (<https://www.youtube.com/watch?v=MlvYpazhQiE>)

Заключение

Мы надеемся, что этот краткий обзор обширного поля различных источников по истории германо-татарских отношений даст представление об огромном потенциале, который необходимо использовать в различных исследовательских проектах. Применительно к каждому периоду из истории взаимоотношений между нашими странами и народами можно смело утверждать, что возможности для изучения и исследования отнюдь не исчерпаны. По каждой эпохе германо-татарских отношений можно обнаружить новые факты, открыть новые источники, которые могут повлиять на сложившиеся исторические образы, исправить или дополнить наше представление о прошлом.

Следующие тома серии «Язма-Мирас», посвященные германо-татарской истории и татарским документам в немецких архивах, будут содержать более подробный анализ материалов, отдельно по каждому из периодов.

Приложения

Список иллюстраций

Рисунок 1. «Tatarisch Keiss» (Татарский Цезарь), из немецкого письма Витовта, великого князя литовского к великому магистру Паулю фон Русдорфу, 22 июня 1424 г.

Рисунок 2. Русское письмо Сигизмунда, великого князя литовского к великому магистру Тевтонского ордена фон Русдорфу, 1433 г.

Рисунок 3. Транскрипция письма Сигизмунда.

Рисунок 4. Немецкое письмо Витовта, великого князя литовского к великому магистру Тевтонского ордена Паулю фон Русдорфу, 22 июня 1424 г.

Рисунок 5. Копия немецкого письма Сигизмунда, великого князя литовского.

Рисунок 6. Письмо, написанное Великим курфюрстом Фридрихом Вильгельмом I хану Мурад Гирею (1681) на латинском языке с немецкими аннотациями.

Рисунок 7. Письмо, датируемое 1682 г. из фонда «О после Крыме Гази по его пути в Данию». Письмо является частью дипломатической переписки между курфюрстом Фридрихом Вильгельмом I и ханом Мурад Гиреем. Некоторые из документов по-прежнему хранятся в оригинальных цветных шелковых чехлах.

Рисунок 8. «Татарский алфавит» из книги Иеронима Мегизера (1611).

Рисунок 9. Список переводов христианских книг и трактатов, посланный гарнизонным священником из Потсдама, для организации миссионерской деятельности среди татар в прусской армии.

Рисунок 10. Давид Бауке. Новости Гарделегена и округа Гарделеген, 1832, с. 113–115. Из Городского архива Гарделегена, Саксония-Анхальт.

Рисунок 11. Вальдемар Уде. Год русских (1813). История деревни и ее людей. Лейпциг: Ленц, 1913.

Рисунок 12. Рудольф Е. Гроткас. «Пребывание Наполеона в Магдебурге 12 и 13 июля 1813 года...». Научное приложение к Магдебургской газете. № 28, 10 июля 1933 г., с. 221–222; № 29, 17 июля 1933 г., с. 230–231 и № 30, 24 июля 1933 г., с. 238–239. Из архива библиотеки Университета Отто фон Герике, Магдебург.

Рисунок 13. Русский курьер, 14 апреля 1813 г., Гамбург.

Рисунок 14. Татарская могила в Кляйнбойхе, под Лейпцигом.

Рисунок 15. Могила Юсуфа, сына Мустафы в Кляйнбойхе, деревянный указатель XXI в., надгробие 1980 г.; внизу: деревянный указатель конца 1990-х гг.

Рисунок 16. Германия и Восток: их отношения в прошлом, настоящем и будущем. Берлин, 1918. 72 с.

Рисунок 17. «Больной военнопленный татарин». Неизвестный автор. Титульный лист издания «Kriegszeit» от 15 ноября 1915 г., портрет военнопленного сделан с натуры в «Русской больнице г. Лодзи». Частная коллекция Ш.Тайлига, Берлин.

Рисунок 18. Библия на татарском языке, напечатанная в Астрахани. 1824. Баварская государственная библиотека в Мюнхене.

Рисунок 19. Страница из гербария, собранного А. Полачеком в «Татарской Грузии». Источник «Europeana». Раздел: Ботанический сад и ботаника.

Рисунок 20. Восковый валик с двумя татарскими песнями, записанными от Мотагара Асфондерова в лагере Кассель-Нидерцверен в годы Первой мировой войны. Место хранения: Берлинский фонограммархив (Этнологический музей, Берлин). Фото: К. Нойберт.

Рисунок 21. Журнал «Татар әдәбияты». № 1 (январь, 1944). Архив периодики. Берлинская Государственная библиотека.

Рисунок 22. Первое прослушивание записей ансамбля татарских легионеров в тонателье Немецкого музыкального архива в Лейпциге. 10 апреля 2014 г. Наверху: Мисте Хотопп-Рике; внизу: этикетка пластинки с записью татарских песен в исполнении ансамбля татар-легионеров. Polydor Comrapu. 1943 г. Слева направо: Торстен Ахль, Марат Гибатдинов, Насур Юрушбаев.

Рисунок 23. Крымскотатарские танцы в Лангвайд-Форет, Бавария. 1960-е гг. На фото члены старейшей организации мигрантов мусульман в ФРГ. Архив Крымскотатарского землячества в Германии, Майтинген / Херрлинген, Бавария.

Рисунок 24. Азербайджанский журнал «Куртулуш», издававшийся в Берлине, печатал статьи татарских интеллектуалов.

Рисунок 25. Татарский автор немецкого журнала из Румынии: Абдул-хаким Акташ и его родители. «Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen», 1964, с. 89; 1965, с. 105). ICATAT Архив Магдебург. Архив Землячества немцев Добруджи, Германия.

Рисунок 26. Татары из Кобадына, Kobadin, «Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen», 1976, с. 131.

Рисунок 27. Модель ханского дворца в Крыму, изготовленная с натуры В. Кизеветтером, 1846. Из фондов Музея европейских культур.

Рисунок 28. Портреты Г.Тукая и Г.Ибрагимова из журнала «Татар әдәбияты», Берлин. № 1, с. 5. ICATAT Архив Магдебург.

Рисунок 29. Женская феска, крымские татары, красный бархат, вышивка, до 1925 г. Коллекционеры: Ханс и Ната Финдайзен. Музей европейских культур. Фото: Уолтрод Шнайдер-Шютц.

Рисунок 30. Обложка книги «Восстание в Радоме» Иоахима Шварца. Худ. Клаус Похе.

Рисунок 31. Муса Джалиль во время конспиративной встречи в пабе в Радоме. Иллюстрация Клауса Похе.

Рисунок 32. Фото лагеря для военнопленных в Вустрау, 1942 г. Из местного архива Вустрау.

Рисунок 33. Документ о назначении Х.Усманова ответственным по ликвидации неграмотности от 3 апреля 1925 г. Частный архив Герасимовой-Вагизовой.

Рисунок 34. Письмо Медины Мамлеевой к Венере Вагизовой, переводившей ее книги на русский язык.

Рисунок 35. Татарская художница Гузель Амальрик и российский диссидент, ее муж Андрей Амальрик на пресс-конференции в аэропорту Схипхол и на прогулке в Амстердаме. Фото: Петерс, Ганс / Анефо, Голландский национальный архив. Гаага, 19 июля 1976 г.

Рисунок 36. Автограф Алии Рахмановой. Частный архив. Швейцария.

Рисунок 37. Автографы и портрет Алии Рахмановой. Частный архив. Швейцария.

Рисунок 38. Муса Джалиль в лагере для военнопленных в Вустрау.

Рисунок 39. Студенты и школьники на экскурсии на выставке «Турки, мавры и татары» в Вустрау.

Рисунок 40. Интернет-поисковик на сайте Народного союза Германии по уходу за военными могилами (поиск по именам, фамилиям, месту рождения).

Рисунок 41. Военнопленные Первой мировой войны в Хафельберге, октябрь 1914 г.

Рисунок 42. Кухня лагеря военнопленных в Хафельберге, приспособленная для приготовления халяльной и кошерной пищи.

Рисунок 43. Список умерших военнопленных. Муниципальный архив Фёрде.

Рисунок 44. Прибытие персидского посла в лагерь в Вюнсдорфе по случаю Байрама. Газета «Die Woche». № 32, 05.08.1916, с. 1117.

Рисунок 45. Четыре могильные плиты татарских солдат Первой мировой войны, Пархим. Фотографии 1929 г.

Рисунок 46. Рукопись, подтверждающая, что Платон Иванович Мусин-Пушкин был зачислен в студенты Университета Галле 21 января 1711 г. и учился до 1715 г. Из архива Университетской библиотеки, Галле, Саксония-Анхальт.

Рисунок 47. Свидетельство о принятии Эдуарда Рейсса в члены Немецкого общества востоковедения, 1846 г., за подписями Эмиля Рёдигера, Августа Фридриха Потта, Генриха Лебера. Источник: Протестантская медиатека.

Index and Appendix

List of Figures

Figure 1. «Tatarisch keiß» (Tatarian Kaiser/Caesar), a section taken from German Letter of Vytautas, Grand Duke of Lithuania to Grand Master P.v. Rusdorf, June 22, 1424.

Figure 2. Russian Letter of Sigismund, Grand Duke of Lithuania to Grand Master of the Teutonic Order Paul von Rusdorf, 1433.

Figure 3. Russian transcription of Sigismund's letter.

Figure 4. German Letter of Vytautas, Grand Duke of Lithuania to Grand Master of the Teutonic Order, Paul von Rusdorf, June 22, 1424.

Figure 5. Duplication of a German Letter of Sigismund, Grand Duke of Lithuania.

Figure 6. Frontcover, Letter written by the Grand Elector Frederick William I to Murad Giray Khan (1681) in Latin language with German annotations.

Figure 7. Frontcover of letter («Tartar Creditif») dates from 1682 from the file «concerning the ambassador Krym Chazy on his way to Denmark». The letter belongs to the diplomatic correspondence between Kurfürst Frederic William I of Brandenburg and Murad Girey Khan. Some of the files are still stored in original coloured silk covers (signature GSTA.PK Rep. XI 271a, Tartarei, fasc. 7).

Figure 8. «Tatar alphabet» from Hyronimus Megiser's book (1611).

Figure 9. List of the translations of christian books and tractates sent to the priest in the garrison in Potsdam to convert the Tatars in the Prussian army.

Figure 10. Facsimile taken from: Bauke, David: Mittheilungen über die Stadt und den Landrätthlichen Kreis Gardelegen. (News concerning Gardelegen and Gardelegen county). Gardelegen: Selbstverlag, 1832, S. 113–115. (City archive of Gardelegen, Saxony-Anhalt).

Figure 11. Waldemar Uhde: Dat Russenjahr (1813). Geschichte von ein Bördedarp un sine Lühe (The year of the Russians (1813). A history of a village and its people). Leipzig: Lenz, 1913.

Figure 12. Article «Napoleon's stay in Magdeburg on 12 and 13 July 1813 and his travel habits at this time», written by Rudolf E. Grotkaß, from «Monday News, Middle Germany's Native Gazette. Scientific supplement of the Magdeburg Newspaper», Nr. 28, 10. July 1933, p. 221-222, Nr. 29, 17. July 1933, p. 230-231 and Nr. 30, 24. July 1933, p. 238-239, taken from archive of the library at the Otto-von Guericke-University Magdeburg.

Figure 13. Russian Courier, Wednesday, 14. April 1813, Hamburg/ Germany, printed at Printing Manufactory Conrad Müller (Hamburg). Taken from ICATAT-Archive, inv. Nr. 1813-I-opm-4S.

Figure 14. Tatar-grave nearby Leipzig in Kleinbeucha. ICATAT Archive Magdeburg.

Figure 15. Tomb of Yusuf, son of Mustafa from Kleinbeucha, 19th century. Wooden sign 21st century; burial plate from the 1980s; Bottom: informational wooden sign in the late 1990s.

Figure 16. Deutschland und der Orient: ihre Beziehungen in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. (Germany and the Orient: their relationships in past, present and future). Berlin, 1918, 72 p.

Figure 17. The title page of the November edition of 1915, sick prisoner of war, which apparently came from Ufa, can be seen, titled «Sick Tatar». Below is marked: Russian hospital Lodz. Private Archive of S.Theilig.

Figure 18. Bible-exemplar printed in Tatar language in Astrakhan 1824, today hosted in Bavarian State Library, Munich.

Figure 19. Page from herbarium collected by A. Polatschek in «Tatarian-Grusia», Europeana-collection, Source: Botanic Garden and Botanical.

Figure 20. Wax roller with two Tatar songs by Motagar Asfonderov recorded in POW-camp Kassel-Niederzwehren during the First World War. The storage and copyright: Berlin Phonogrammarchiv (Ethnological Museum, Berlin); Storage unit: VII V 72 AK; Photographer: Carsten Neubert.

Figure 21. Facsimile taken from the magazine Tatar Ädäbiyatı, Nr. 1 (January 1944), Newspapaer Archive State Library Berlin.

Figure 22. Joint work visit by Marat Gibatdinov and Mieste Hotopp-Riecke at the German Music Archive in Leipzig on April 10, 2014. Here, Tonmeister Torsten Ahl was able to let us hear first time the shellac disc of the Volga Tatars legion, recorded by Polydor Company in 1943.

Figure 23. Crimean Tatar dances in Langweid-Foret, Bavaria 1960s (members of the oldest migrant organization of Muslims in the Federal Republic of Germany. Archive of Landsmannschaft der Krimtataren in Germany e.V., Meitingen / Herrlingen, Bavaria.

Figure 24. Azerbaijani journal «Kurtuluş», printed in Berlin, with the papers written by Tatar intellectuals.

Figure 25. A Tatar author of a German journal from Romania: Abdülhakim Aktaş and his parents. Photos taken from «Jahrbuch der Dobrudscha-Deutschen» (Yearbook 1964, p. 89 and 1965, p. 105).

Figure 26. «Tatars from Kobadin», taken from Jahrbuch der Dobrudschadeutschen, Heilbronn: Selbstverlag der Landsmannschaft der Dobrudschadeutschen, 1976, p. 131.

Figure 27. Modell of the palace of Tatar-Khans at Crimea, A.W. Kiesewetter, 1846, Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz. Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin.

Figure 28. Portraits of G. Tuqay and G. Ibranimov from «Tatar Ädäbiyatı», Nr. 1, p. 5. ICATAT Archive Magdeburg.

Figure 29. Woman's Fez, Crimean Tatars, red velvet, embroidered, before 1925. Collectors: Hans and Nata Findeisen; Museum Europäischer Kulturen-

Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz; Photo: Waltraud Schneider-Schütz.

Figure 30. Frontcover of «The revolt of Radom» Novel by Joachim Chaim Schwarz, illustrations by Klaus Poche.

Figure 31. Musa Dzhaliil while conspirative talkings in a pub in Radom, from «The revolt of Radom» Illustration by Klaus Poche.

Figure 32. Foto of the POW-Camp in Wustrau 1942, taken from an inofficial chronicle of the local archive in Wustrau.

Figure 33. Document on the appointment of Usmanov as a responsible for liquidation of illiteracy of April 3, 1925. Private Archive of Gerasimov-Vagizova.

Figure 34. Letter written by Medina Memleev to Venera Vagizova, who translated the books of Medina into Russian.

Figure 35. Tatar painter Guzel Amalrik and Russian dissident, her husband Andrei Amalrik at a press conference in Airport Schiphol and in Amsterdam in Amstelveld. Photos by Peters, Hans / Anefo – Dutch National Archives, The Hague, 19. July 1976, Fotocollection: Algemeen Nederlands Persbureau (ANeFo), 1945–1989, access-number 2.24.01.05 archive-number 928-6940 (PressConference I) and 928-6985 (stroll in the town).

Figure 36. Autographs by Alya Rachmanowa, Private Archive, Switzerland.

Figure 37. Autographs and portrait of Alya Rachmanowa, Private Archive, Switzerland.

Figure 38. Musa Dzhaliil in the POW Camp in Wustrau.

Figure 39. Students and pupils in the exposition «Türcken, Mohren und Tartaren» in Wustrau.

Figure 40. Online phonetical search tool by Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge for names, surnames, places of birth.

Figure 41. Prisoners of I World War in Havelberg, October 1914.

Figure 42. The kitchen of the prisoner of war camp Havelberg.

Figure 43. Index of deceased prisoners of war, Voerde Municipal Archive.

Figure 44. Arrival of Persian Ambassador at Wünsdorf camp on the occasion of Bayram (Newspaper «Die Woche», Nr. 32, 05.08.1916, p. 1117).

Figure 45. The four grave slabs of WWI tatar soldiers, Parchim. Photographs taken in 1929.

Figure 46. Original matriculation manuscript confirm, that Mr. Plato Ivanovitch Musin-Pushkin was accepted as a student by the University of Halle on January 21, 1711; studied till 1715. Taken from LUB-archive Halle/Saale (Landes- und Universitätsbibliothek / County and University Library Saxony-Anhalt).

Figure 47. Deutsche Morgenländische Gesellschaft: Certificate of appointment issued to Eduard Reuss in 1846, approved by members of this orientalist society: Emil Rödiger, August Friedrich Pott, Heinrich Leber. Fleischer and Hermann Brockhaus. Source: Collection Médiathèque protestante / DMG.

Archive Addresses for research in Germany

In general, the following applies to all the German archives listed below: They are accessible to any scientist without major bureaucratic obstacles. For some archives you have to prove a scientific research purpose or send a letter from your academy or university. For all archives it is advisable to register beforehand. Ordering times for archive material vary from archive to archive. For example, in the Political Archives of the Federal Foreign Office, the desired materials are retrieved from the depot after written orders and made available in the reading room. A few days are needed. In the Secret Prussian State Archives, on the other hand, the required archival material is made available within a few hours directly on the day of the order. The possibilities and permission for copying and photographing also vary from archive to archive, but in Germany it is very service oriented and liberal organized.

Archive of the Volksbund (Archiv des Volksbundes)

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V.

Bundesgeschäftsstelle

Tel.: +49 561 – 70 09 – 1 39 Mobil: +49 1 72 – 1 72 70 28

Werner-Hilpert-Str. 2

34112 Kassel

e-mail: [presse\(at\)volksbund.de](mailto:presse(at)volksbund.de)

Internet: www.volksbund.de

The Volksbund charity was founded on 16 December 1919. It was born out of necessity. At the time, the only recently proclaimed Weimar Republic was neither politically nor economically in a position to take care of the graves of the soldiers killed in action during the First World War. The Volksbund, which saw itself as a citizen's initiative supported by the entire population, dedicated itself to this task henceforward and established numerous war cemeteries until the early 1930s. The Volksbund established from 1946 over 400 war cemeteries nationwide in only a short period. In 1954, the federal government commissioned the Volksbund with locating, safeguarding and maintaining the graves of German war casualties abroad in dozens of European countries, even in Tatarstan.

In accordance with bilateral agreements, the Volksbund now fulfils this task in Europe and North Africa. The charity currently takes care of 833 war cemeteries and graves in 46 countries, the last resting places of about 2.7 million war casualties. Today, several thousand volunteers and 566 salaried employees deal with the organization's various activities.

In consequence of the political revolutions in Eastern Europe, the work of the Volksbund extended to the former Eastern Bloc countries, where around 3

million German soldiers lost their lives in the Second World War – almost twice as many soldiers as those resting in war cemeteries in the other European countries. This harboured huge challenges for the Volksbund: many of the over 100,000 gravesites were difficult to locate, or they had been destroyed, overbuilt or plundered.

Since 1991, the Volksbund has repaired or reconstructed 330 Second World War cemeteries and 188 burial grounds from the First World War in Eastern, Central and Southeast Europe. A total of 856,722 war casualties have been reinterred on 82 gravesites.

In the online archive of the Volksbundes one can search for tombs and after persons who died in the 1. or 2. World war. Especially a function of this online platform is innovative and helpful: If the last name or first name of the person you are looking for has not been spelled correctly, or if today's spelling differs from the orthography, you can use the phonetic search function. All names that sound so similar but are written differently, then appear in the results display.

Sie sind hier: [Startseite](#) ▶ Deutsch ▼

Ihr Suchergebnis

Sie haben gesucht nach: **nasibulla**

Keine exakten Übereinstimmungen gefunden
13 phonetische Übereinstimmungen wurden gefunden

Anzeigen: **10 Ergebnisse auf einer Seite** ◀ Vorherige Seite Seite 1 von 2 Nächste Seite ▶

Nachname	Vorname	Geburtsdatum	Todes-/Vermisstendatum	Geburtsort
Nasibullin	Garifulla		31.12.1918	
Nasibullin	Ja. W.			
Nasibullin	Scheichula		29.10.1918	
Nassibullah			13.11.1918	
Nasibulin	Ch. N.	1900	19.04.1945	
Nasibulin	Paul	04.05.1923	22.07.1944	Ober Mahliau
Nazibulin	I.			
Nassebulei	Nematugana		09.03.1917	
Naspal	Nastja	24.08.1920	11.06.1943	
Naschwili	G.N.			

[Zurück zur Suchabfrage](#) ◀ Vorherige Seite Seite 1 von 2 Nächste Seite ▶

Figure 40. Online phonetical search tool by «Volksbund» for names, surnames, places of birth.

Archive of the German Oriental Society (Deutsche Morgenländische Gesellschaft, DMG)

1) The archive of the DMG (is housed in the university archive of the Martin Luther University Halle, Pfännerhöhe 48, 06110 Halle (Saale).

Inquiries about the existing stock and the use of the archive material are to be sent directly to the archive. The contact person is Mrs. Karin Keller, Tel. 0345 120 1166, email: archiv@uni-halle.de.

2) The manuscript collection of the DMG is housed in the Department of Special Collections of the University Library, August-Bebel-Strasse 13, 06114 Halle. Inquiries for use please contact:

Mrs. Laila Guhlmann

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg

Branch library of ULB / Head of DMG Library

Mühlweg 15, 06114 Halle

Phone: ++ 49- (0) 345-55-22043 Fax: ++ 49- (0) 345-55-27320

E-mail: laila.guhlmann@bibliothek.uni-halle.de

<http://www.dmg-web.de>

3) Coins and artefacts are stored also in the special collections section

4) Scientific bequests from former Orientalists and members of the DMG and the collection of photographs (5) are also to be consulted with Mrs. Laila Guhlmann in the library of the DMG.

Federal Archive (Bundesarchiv)

Potsdamer Straße 1

56075 Koblenz

Telefon: 0261/505-0

Fax: 0261/505-226

e-mail: koblenz@bundesarchiv.de

<http://www.bundesarchiv.de/index.html.de>

Here, files are stored with reference to:

Federal Republic of Germany (from 1949)

German Democratic Republic (1949–1990)

Allied occupation zones (1945–1949)

German Empire: National Socialism (1933–1945)

German Empire: Weimar Republic (1918–1933)

German Empire: Kaiserreich (1871–1918) including the North German Confederation (1867–1871)

German Confederation (1815–1866) and Provisional Central Power (1848/49)

The Holy Roman Empire (1495–1806).

The Federal Archive was founded on 3 June 1952 and houses files from the 15th century to today. The places of use of the Federal Archives are Bayreuth, Berlin-Lichterfelde, Berlin-Wilmersdorf, Freiburg and Koblenz.

German Music Archive (Deutsches Musikarchiv, DMA)

Deutscher Platz 1, 04103 Leipzig, Phone: +49 341 2271-453,
http://www.dnb.de/EN/DMA/dma_node.html
e-mail: datendienste@dnb.de

The German Music Archive is the central collection of printed and recorded music and the music-bibliographic information centre for Germany. It is a Federal agency founded in 1970, tasked with collecting all music published in the country. Publishers of printed and recorded music in Germany are required by law (since 1973) to deliver two copies of every edition as legal deposits to the archive. But even older collections and smaller archives of music publishers are bought up, inventoried and digitized. Every month, for example, new artifacts can be found in the online catalog, including wax rolls, shellac plates and cylinder rolls from the 19th / 20th century. The DMA constitutes a department of the German National Library (Deutsche Nationalbibliothek). Since 2010 it is located in Leipzig at the national library. A special service of the German Music-Archiv is the remote ordering of MP3 files. One can order by e-mail old recordings, e.g. of shellac discs from the 1st or 2nd World War and receive a digital file for payment.

Political Archive of the Federal Foreign Office (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, PA AA)

Kurstraße 36
10117, Berlin
Tel: +49 (0) 30 1817-2159
<http://www.archiv.diplo.de/>
e-mail: 117-S@diplo.de

The PA AA was founded in 1920 and received its name 1924, which is still valid today. It is a ministry archive of diplomatic and secret service issues, correspondences, files that preserves the sources of German foreign policy from the founding of the North German Confederation (1867) to this day.

The documents kept in the Political Archive have a circumference of about 27 kilometers. In addition to the files that make up the majority of the holdings, there are about 30,000 contracts under international treaties, 300 diplomatic offenses, 10,000 photos and 300 audiovisual media.

The stocks include:

Files of the Federal Foreign Office (1867–1945)

Files of the Foreign Representations (until 1945)
Files of the Federal Foreign Office (1949/1951 until today)
Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the GDR (1949–1990)
Files of the Foreign Representations of the Federal Republic of Germany
(1950 to Today)
Archives of international agreements
Personal file archive
Estates / contacts of former members of the public
Picture collection / audiovisual archive

Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation

(Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz / Тайный государственный архив прусского культурного наследия)

Archivstraße 12–14
D–14195 Berlin (Dahlem)
Tel.: 030/266 44 75 00
Fax: 030/266 44 31 26
gsta.pk@gsta.spk-berlin.de
<https://www.gsta.spk-berlin.de/>

The oldest archival document is from 1188. The files thus date from the 12th century to the years of the National Socialism, ending mostly in 1933/34 and partly in 1945.

Within the scope of the scholarship program, the Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation are available grants for funding one-to-three-month research stays in the Secret State Archive. The scholarship program is mainly aimed at foreign researchers to finance their stay in Berlin.

Sound-Archive of the Humboldt-University Berlin (Lautarchiv der Humboldt-Universität Berlin)

Lautarchiv der Humboldt-Universität zu Berlin
Hermann von Helmholtz-Zentrum für Kulturtechnik
c/o Institut für Musikwissenschaft und Medienwissenschaft
Am Kupfergraben 5, 10117 Berlin
Telefon: 030-2093 5875
<https://www.lautarchiv.hu-berlin.de/>
e-mail: lautarchiv@hu-berlin.de

The sound archive of the Humboldt-University Berlin is a collection of sound documents. It was founded on 1 April 1920 on the initiative of the linguist

Wilhelm Doegen. From 1915 onwards, Wilhelm Doegen was commissioned by the Prussian Phonographic Commission as commissioner to record and collect voices, language and music from 215 different nationalities and tribes and related texts in different POW-camps all over Germany up to the end of the war.

In 1916 he was appointed head of the Department of Sound at the State Library in Berlin. The sound archive of the Humboldt-Universität zu Berlin has an acoustic collection in the form of approximately 7,500 shellac plates, wax rolls and tapes. They mainly contain portraits of famous personalities of the German Empire as well as the Weimar Republic, and document a variety of languages and dialects, among other things in sensitive sound recordings from camps of the First and Second World War, amongst them Turkic and Caucasian languages like Tatar, Azerbaidjan, Avar. The sound archive belongs to the earliest sound archives in Europe and is distinguished by its focus on phonetic and linguistic interests.

Archive of the Centre for Modern Oriental Studies (Zentrum Moderner Orient / ZMO)

Kirchweg 33

14129 Berlin

Tel.: 030/80307-0 Fax: 030/80307-210 <https://www.zmo.de/>

E-mail: zmo@zmo.de

The ZMO is a German research institute in Berlin. The researchers focus on comparative study of the Middle East, Africa, South and Southeast Asia from a historical and social scientific perspective. Current research topics focus on predominantly Muslim societies and relations with non-Muslim neighbours. The ZMO was founded in 1996. As described in chapter 3 (footnote 2), there are also collections of scientists who are relevant to Tatarica research, including the extensive estate of Prof. Höpp.

**State Library Berlin (Staatsbibliothek Berlin) and
Prussian Heritage Image Archive (Bildarchiv preußischer Kulturbesitz,
BPK)**

Potsdamer Straße 33, 10785 Berlin

central number +49 30 266-0 directly request under +49 30 266-433888.

<http://staatsbibliothek-berlin.de/en/>

e-mail: orientabt@sbb.spk-berlin.de

**Or for Orient department also directly Mr.Christoph Rauch
(christoph.rauch@sbb.spk-berlin.de).**

The Berlin State Library (German: Staatsbibliothek zu Berlin; colloquially Stabi) is a universal library in Berlin and a property of the Prussian Cultural Heritage Foundation. It is one of the largest libraries in Europe, and one of the most important academic research libraries in the German-speaking world. It collects texts, media and cultural works from all fields in all languages including Tatar languages, from all time periods and all countries of the world, which are of interest for academic and research purposes. The collection of oriental manuscripts and block prints currently comprises about 42,000 volumes – works in over 140 languages and 70 different writings from Asia, Africa and Europe. Since March 2013 the database of oriental manuscripts is online: <http://orient-digital.staatsbibliothek-berlin.de/content/index.xml>

Among the more famous items in its collection are the oldest biblical illustrations, in the fifth-century Quedlinburg Itala fragment, a Gutenberg Bible, the main autograph collection of Goethe as well as in general more than 11 million books (amongst them more than 200,000 rare books), 4,442 incunabula, 18,300 occidental manuscripts (including parts of the Nibelungenlied), 42,170 oriental manuscripts, 2.3 million microfiches and microfilms and 13.5 million images at the Prussian Heritage Image Archive (BPK). This BPK stock was founded in 1966 and consists of about 1 million daguerrotypes, talbotypes, photographic prints, negatives, engravings and lithographs. Through targeted acquisitions, donations and estate gifts, BPK's collection has grown to over 12 million photographs today and is one of the largest in Europe. Access are getting commercial and academic researchers by appointment only.

Otto-Nagel Haus
Märkisches Ufer 16–18
10179 Berlin-Mitte
<http://www.bpk-images.de>,
Telefon +49 (0)30 278 792-0
Fax +49 (0)30 278 792-39,
e-mail: kontakt@bpk-bildagentur.de

County Archives / Regional Archives

On September 24, 2014, the «Archivportal-D» was officially handed over to the public at the opening ceremony of the 84th German Archive Day in Magdeburg. This «Archivportal D» is now being continuously expanded into an information and research platform for all archives in Germany. Under the URL www.archivportal-d.de/ information about archives and research possibilities as well as digitized archive material from all over Germany are provided on the Internet for free use. A portal is thus available to research and to all archives of

interest, in order to investigate the archives of the participating archives in an overwhelming and professional manner, and to make search results and digitized archival records from archives of different bearers. Here, for the hundreds of district, state and regional archives, we only give some examples from locations where unpublished materials are stored concerning Tatar prisoners of I. World War in Havelberg, Magdeburg, Parchim and Voerde-Wesel.

Archive of the Prignitz-Museum

Domplatz 3
39539 Havelberg <http://www.prignitz-museum.de>
e-mail: prignitz-museum@gmx.de Telefon (03 93 87) 21 422 Telefax (03 93 87) 88 778

ICATAT-Archive Magdeburg

ICATAT e.V., Brandenburger Straße 9, 39104 Magdeburg, Tel.: +49 1573 175 88 23, www.icatat.de,
e-mail: office@icatat.de

In the rooms of the ICATAT Institute in Magdeburg are preserved: correspondences, photographs, historical film programs, newspapers, samizdat literature, music-cd's, coins, stamps, videos and documents on the Tatar-German history of the 19th to 21st century, in particular almost complete year volumes of Crimean Tatar magazines Avdet, Polu Ostrov, Qırım, Yañı Dünya, Günsel, Qasevet, Tahsil, Yıldız and Qırım Sedası as well as bequests of Prof. Dr. Kellner-Heinkele, Venera Gerasimov-Vagizova, the former Tatar-German Association TAMGA and Dzhaliil-researcher Horst Herrmann. A workplace with W-LAN access is available. The use is free.

Unpublished example, taken from Archive of ICATAT

Taken from newspaper-archive of ICATAT: Arrival of Persian Ambassador at Wünsdorf camp on the occasion of Bayram- (Newspaper «Die Woche», Nr. 32, 5.08.1916, p. 1117).

Archive and Museum Parchim (Museum der Stadt Parchim)

Lindenstraße 38, 19370 Parchim, tel. 03871 213210, e-mail: museum@parchim.de, contact person Mr. Kaelcke, URL: <http://www.stadt-parchim.de/museumpch.htm>

The scanned photos come from the year 1994 in different scanning quality. These grave slabs are four of the remaining approximately 700 grave slabs made

of sandstone in the year 1929, which were made by 4 different stonemasons. From above left to down right: Register Nr. 339, *Salalutin Jamaltinow*, soldier, age 38, year of birth: 1879 (according archive list: 1897), Kazanski gov., Russian, death: 25.09.1917; Reg. Nr. 44, *Masala Arganbajew*, soldier, age 31, year of birth: 1886, Orenburg, Russian, death: 13.05.1917; *Assan*, unknown, Reg.Nr. 53; Reg. Nr. 998, *Michail Serpanow* (according Archive list: *Stepanow*), soldier, age 29, year of birth: 1889, Mogylewskoi, White Russian, death: 12.06.1918. In the tomb lists were divided between Ukrainians, Belarusians and Russians. Tatars, Bashkirs and other Muslim soldiers were however also designated as Russians and marked only by half-moon symbol as Muslims. © Reprinted with a kind permission of the management of the Parchim-Museum.

Town Archive Voerde (Stadtarchiv Voerde)

Rathausplatz 20

46562 Voerde

Telefon: +49 2855 80-227 Telefax: +49 2855 9690-147

<https://www.voerde.de/de/dienstleistungen/stadtarchiv/>

e-mail: stadtarchiv@voerde.de

In 1914 near the town Voerde, federal state North-Rhine-Westphalia (NRW), in Friedrichsfeld began the construction and expansion of a barrack camp, which at the time housed up to 40,000 prisoners. Soldiers from different nations, such as Russians, English, Serbs, Italians, Portuguese and Belgians, were interned here. Between 1914 and 1919, 620 of the war prisoners were ill and died because of the disastrous hygienic conditions. As in many other documents, it was notified mostly the citizenship of the prisoners, but not their religion or nationality. On the basis of the names, however, Tatar prisoners can also be identified in Friedrichsfeld. All municipal and regional archives of NRW can be found at: <http://www.archive.nrw.de/kommunalarchive/index.php>

In the Index of deceased prison of war, there are also notes on the causes of death, such as «touching the electrical conduction» (Nagumanov, Miftakhdin), inflammation of the brain, tuberculosis (Khusnadinov, Sapha), heart valve failure, and heartbeat inflammation (Shdanov, Serasitdin) or pulmonary tuberculosis (Taimasov, Ahmed-Sultan; Bantin, Mitachtin; Mukhamediyev, Muhamed-Ali; Sabarsdshan, Abdukhan; Khayrulin, Bagoutin; Gisatulina, Fatula). These causes of death noted there point to the devastating circumstances in the camps despite international agreements.

General Index

A

Abdul Hamid, 59
Abdülhakim Aktaş, 80
Abdülkadir Ynan, 66
Abdurashid Ibrahim, 60
Abdurrahman Ali el-Hajji, 5, 119
Abdurrahman Shafi, 67
Abdurraschid Ibrahim, 66, 158
Abraham, 37
Academy of Arts, 95, 176
Ahmadiyya, 10, 66
Ahmadiyya Mosque, 66
Ahmet Bajtursynov Institute of
Linguistics (Alma-Ata), 38
Akhmatova, 100
Akpunar, 76
Alexander, 20, 36, 50, 57
Alexander I, 50
Alfred Gold, 60
Alfred Rosenberg, 109
Ali, 5, 108, 119, 203
Alibechioi, Alibeyköy, 76
Alya Rakhmanova, Alja Rachmanowa,
98, 104, 105, 106, 107, 183, 194
Altmark, 43, 45, 46, 144
Amalrik, 98, 99, 100, 102, 181
Amber Road, 15
Anatolia, 76
Anifa, 108
Ankara, 25, 59, 66, 131, 158
Aqmescit, 81, 84
Archangelsk, 41
Archduke Mathias, 31
Archiv für Musikwissenschaft
Magazine, 156
Archive, 9, 10, 15, 17, 24, 30, 31, 42, 46,
51, 52, 53, 56, 62, 69, 70, 73, 77,
82, 85, 87, 88, 90, 91, 93, 95, 96,
97, 99, 106, 107, 112, 129, 131,
137, 156, 169, 176, 192, 193, 194,
195, 197, 198, 199, 200, 201, 202,
203, 222, 225, 228
Archive of State Security, 91
Archives of the Foreign Ministry, 110

Armenian, 40, 58
Arnulf von Hoyer, 104, 105
Asia, 28, 41, 77, 108, 200, 201
Asia Minor, 28, 77
Aslan Ağa, 33
Assia, 37
Association for the History of the Mark
Brandenburg, 230
Astrakhan, 41, 63, 193
Augsburg, 72
August Gaul, 60
August Hermann Francke. *C.M.* Francke
Augustus II, 80
Augustus the Strong
King of Poland, 35
Autonomous Republic of Crimea, 84
Avar, 200
Ay Petri, 92
Ayaz Ishaki, 66, 67, 74
Aydar, 16
Azerbaijan, Azerbaidjan, 59, 74, 200

B

Babadag, 76
Baden-Württemberg, 14
Bağçesaray, 81
Baku, 59
Balamiskin, 72
Baltic, 13, 15, 50, 66
Baltic Sea, 32
Baptism, 108
Baranowski, 108
Barbara Igielska, 83
Bashirov, Baschirow, 93, 99, 175
Baschkiren, 46, 66, 67, 159
Bashkir, 7, 43, 45, 46, 49, 50, 55, 66, 71,
98, 109, 113, 114, 158, 159, 203
Bauke, 44, 45, 144, 192
Bavaria, 72, 73, 100
Bayern, 73, 162
Belarus, 113
Belarusians, 109, 203
Bensheim, 58

- Berlin, 6, 10, 12, 15, 16, 19, 21, 23, 24, 25, 27, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 46, 52, 54, 55, 56, 58, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 69, 71, 74, 75, 80, 81, 83, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 108, 109, 110, 124, 131, 137, 148, 157, 158, 159, 160, 162, 168, 172, 173, 174, 176, 179, 185, 186, 193, 194, 198, 199, 200, 201, 228, 229, 230
- Berliner Ensemble, 89
- Beyazid I, 76
- Białystok, 35, 37, 139
- Bitterfelder Weg, 94
- Black Sea, 41, 76
- Börde, 46
- Boscamp, 30
- Bosniak-Escadron, 35
- Bosniak-Regiment, 35
- Bosniaks, 24, 35, 114
- Brandenburg, 12, 24, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 43, 80, 108, 109, 112, 114, 131, 133, 166, 184
- Brandenburg-Polish, 112
- Brandenburg-Prussian Museum, 230
- Bremsenwerk
VEB, 88
- British Indian Empire, 59
- British Library, 56
- Brothers of the German Knights in
Eastern Prussia, 13
- Bruni Adler, 112
- Bruno Bassi, 25
- BStU, 175, 177
- Budapest, 108, 154
- Buddhists, 43
- Budjak, 76
- Bulgaria, 78
- Bundearchiv Militärarchiv, 110
- Bundeswehr, 229
- Bunin, 100
- Bureau for the East, 59
- Bürgerstuben, 37
- C**
- Cafer Seydahmet, Dzhafer Seydamet, 74
- camp, 33, 57, 60, 65, 80, 88, 95, 97, 109, 110, 193, 194, 202, 203, 223, 225
- Captured Turks, 108
- Caramurat, 76
- Carl Jakob Danzinger, 94
- Carl Wache, 82
- Carolus Rali Dadichi, 40
- Catharina, 5
- Catherine II, 51
- Catholics, 57
- Caucasia, 74
- Caucasian, 28, 200
- Caucasus, 49, 54, 64, 81, 82, 104, 146
- Cavalry Regulations, 36
- Celi Osman, 72
- Center of Humanities in the Digital
World, 13
- Center of the Modern Orient, 55
- Central Asia, 15, 66, 158
- Central Europe, 54
- Central-Germany, 50
- Chancellor, 59
- Charles Darwin, 55
- Chechens, 114
- Chinese, 40
- Christian, 6, 12, 13, 15, 28, 31, 35, 36, 40, 41, 57, 58, 85, 102, 113, 135, 153
- Christian Germans, 15
- Chuvash, 43, 98
- Cochem, 58
- Collegium orientale theologicum, 40
- Collogne upon Spree, 33
- Compatriot Association of the Dobrudja,
78
- Constantinople, 30, 38, 58, 84, 154
- Copenhagen, 31
- Correvon, 57
- Cossack, 43, 45, 100
- Council of Basel, 17
- Crimea, 9, 12, 31, 54, 56, 60, 66, 72, 73, 74, 80, 81, 82, 84, 92, 146, 166, 193, 229
- Crimean, 5, 17, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 38, 43, 72, 74, 76, 78, 80, 81, 83, 84, 92, 93, 104, 109, 128, 135, 167
- Crimean Tatar, 5, 24, 29, 30, 31, 32, 35, 38, 43, 67, 72, 73, 74, 76, 78, 80,

81, 82, 83, 84, 92, 93, 104, 109,
112, 167, 193, 202, 229
Crimean Tatar Association in Germany,
67
Crusades, 15
Cwiklinski, 66, 67, 74, 110, 158, 159, 163

D

Dahlem, 15, 24, 64, 199
Daniel, 11
Danish, 24, 32, 57
DDR-Presse, 177
Denmark, 29, 32, 34, 192
Department of State Archives, 14
Der Neue Orient, 60, 61
Derzhavin, 100
Deutsche Kriegsgräberfürsorge, 151
Deutsch-Tatarisches Nachrichtenblatt, 73,
162
DFG, 13, 125
Dichterst, 93
Die Zeile, 180, 181
Dobruca, 78
Dobrudja, 66, 67, 72, 76, 77, 78, 79, 83,
229
Dobrudjanians, 76, 78
Dolmetscher, 46
Dominician, 11
Dresden, 50, 58, 71, 83, 84, 89, 98, 168
Drushinen, Druschinen, 46, 144
Dzhalil, Dshalil, Džalil', 6, 72, 86, 88, 89,
90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 110,
170, 171, 176, 194, 202
Dzhalil Brigade-Archive, 86
Duke, 16, 17, 18, 20, 23, 27, 31, 80, 129,
192
Dutch, 24, 30, 57
Dželal ad-Din, 28
Dzhafer Seydamet, 74

E

East German, 55
Eastern Bloc, 30, 92, 195
Eastern Europe, 6, 17, 41, 112, 114, 119,
128, 195, 230

Eastern German, 30
East-European, 13
East-West, 89, 114
Egyptian, 59
Elberdy, 16
Elector of Saxony, 35
Electoral Military Council, 31
Elisabeth, 36, 54, 83, 146, 167
Elisabeth Tietmeyer, 54, 83, 167
Emine Kasakoff, 67
Ernst Barlach, 60
Ernst Sekunna, 59
Estonia, 15, 99, 179
Ethiopian, 40
Ettenhausen, 105
Eugen Mittwoch, 59, 60
Eurasia, 114
Eurocentric, 28
Eurocentrism, 113
Euro-Islam, 6, 114, 229
Europe, 112, 113
European Islam, 113
European Muslims, 6
European Union, 56
Europeana, 55, 56, 64, 148, 149, 193
Europeanisation, 82

F

Fazil Edilerski, 155
Federal, 9, 10, 56, 60, 73, 77, 85, 86, 89,
94, 95, 110, 193, 195, 197, 198, 199
Federal Archive, 10, 56, 95, 110, 177
Federal Republic of Germany,
West Germany, 9, 10, 60, 73, 86, 89,
94, 193, 197, 199
Fedko Neswiczky, 17
Feyzi Yurter, 98
Findeisen, 81, 82, 84, 167, 193
Finland, 9, 56
France, 54, 102
Francke, 40
Francke Foundations, 40
Franckesche Stiftungen, 40
François, 112
Frankfurt, 6, 31, 95, 98, 99, 119, 135,
176, 179
Franz Fühmann, 88, 93

Franz Genthe, 24
Franz von Papen, 59
Frederic Guillaume, 29, 35
Frederic II, 30
Frederick William II, 35
Free German Federation of Trade Unions, 93
Free University, 45
Freiburg, 31, 67, 108, 110, 135, 159, 184, 186, 198
French, 28, 29, 45, 55, 57, 110
Friedrich, 24, 29, 31, 35, 36, 45, 46, 59, 85, 108, 131, 133, 144, 169
Friedrich Max Mueller, 58
Friedrich Meinecke, 45
Friedrichsfeld, 57, 58
Frieser, 109, 185
Fuad Tuktarov, 66
Fühmann, 88

G

Gábor Kármán, 30
Galina Djuragina, 104
Gardelegen, 44, 58, 192
Garkavets, 38
GDR, 30, 71, 83, 85, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 169, 170, 176, 199
General Barfuß, 108
Genghiside, 11
Genghiz Khan, 15, 112
Genghizid, 15
George William of Brandenburg, 31
Georgian, 41, 91, 109
Gerasimova-Vagizova, 98, 99, 202
Gerhard Höpp, 55
Gerhard Romilian of Leuchtmar, 31
German Bundeswehr, 83
German Democratic Republic, 30, 85, 95, 197
German Empire, 60, 197, 200
German Foreign Office, 59
German Historical Museum, 230
German Music Archive, 10, 71, 72
German Oriental Society, 10, 20, 40, 197, 228, 229
German War Graves Commission, 57
German Writers Association, 88

Tatar-German, 5, 13, 28, 30, 33, 43, 50, 54, 56, 57, 66, 67, 73, 76, 89, 93, 108, 109, 112, 114, 202
Gibatdinov, 6, 71, 229
Gilyazov, 66, 67, 158
Girāy, 31
Glauchau, 40
Göckenjan, 112
Gogol, 100
Golden Horde, 15
Gotthold Weil, 71, 156, 157
Gottlieba, 36
Grand Elector, 24, 29, 31, 32, 35, 192
Grand Master, 15, 16, 17, 20, 28, 128
Grassi-Museum, 83
Gratzik, 89, 91
Great Britain, 54
Groß-Pallas, 76
Großschäffer, 13, 125
GULAG, 72, 88, 91, 95
Günther, 36, 138
Gunther von Wesendonck, 59
Gursuf, 81
Gustav Adolf, 83
Guy Kirsch, 113
Guzel, 98, 99, 100, 102, 103, 194

H

Hairlbanat, 98
Halle, 10, 40, 41, 58, 194, 197, 226
Saale, 10
Halle/Saale. *СМ.* Halle
Hamburg, 13, 51, 125, 192
Hanifa, Hanife, Anifa, 108
Hans Saring, 24, 29
Harz Mountains, 29
Hasan, Hassan, 50, 98
Hassan Sultan Ulan, 50
Havelberg, 56, 57, 58, 194, 202, 222, 223
Hebrew University, 60
Heiner Müller, 89
Heinrich von Lettland, 15
Helmuth Scheel, 25
Helsinki, 60
Hennebergian, 12, 124
Henrietta, 36
Henry of Latvia

Heinrich von Lettland, 15
 Henry of Livonia. *См.* Henry of Latvia
 Herbert Jansky, 155
 Hermann Schreyer, 85
 Hindus, 114
 Hoffmann, 67, 110, 159, 186
 Hohenzollern, 108
 Holy Empire, 13
 Holy Roman Empire of German Nation, 5
 Höpp, 55, 148, 200
 Hotopp-Riecke, 6, 29, 30, 31, 52, 73, 86,
 109, 185, 229
 Hoyer, 104, 105
 Humboldt University, 24, 60, 229
 Hungarian, 11, 12, 25, 29, 30, 45, 58, 154
 Hunnic, 11
 Husar, 24, 35
 Hussein Bodaniniskiy, 82
 Hyronimus Megiser, 38, 39

I

Ibrahim ibn Yacup, 5
 ICATAT, 28, 29, 35, 42, 51, 52, 53, 73,
 77, 82, 87, 90, 97, 108, 133, 162,
 166, 184, 190, 192, 193, 202, 225
 Idel-Ural Legion, 110
 Idil-Ural, 73, 74, 162
 Ignác Kúnos, 154
 Ignatz von Macewicz, 130
 Ilminski, 40
 Ilyas Abdulla, 102
 Innocence IV, 13
 Institute for Teacher Training, 89
 Institute of Judaicum and
 Muhammedicum, Institutum
 Judaicum et Muhammedicum, 40,
 41
 International Archives for Social History
 of German Literature, 92
 International Red Cross, 57
 Iron Curtain, 30
 Isaac Newton, 55
 Ishtiraki, 58
 Islam, 113, 114
 Islamic, 5, 30, 50, 54, 55, 59, 66, 113,
 119, 146, 152, 229
 Islamic community in Berlin, 66

Ismail, 80, 99, 166
 Ismet Zaatov, 84
 Istanbul, 230
 Ivan IV, 100

J

Jacobi, 17, 129
 Jacobus Nagy de Harsány, 24, 130
 Jafer, Dzhafer, 7
 Jakobsenthal, 76
 Janissaries, 84
 Janusz Murza Baranowsky, 35, 37
 Jew, 57, 77, 93, 222
 Jewish, 6, 37, 59, 94, 176
 Joachim Chaim Schwarz, 87, 93, 95, 96
 Joachim Hoffmann, 67, 110
 Johann Andreas Manitius, 41
 Johann Georg Widmann, 41
 Johann Heinrich Callenberg, 40
 Johann Heinrich von Günther, 36
 Johannes de Plano Carpini, 12
 Johannes R. Becher, 89
 Johannes Vermeer, 55
 Johanniterorden, 13, 125
 John, 32, 36
 John II. Kasimir, 32
 Josepha, 36
 Judaism, 113
 Julian, 11
 Jürgen Sarnowsky, 13

K

Kaiser, 16, 29, 192
 Kaliliningrad, 29
 Kalimullina, 73, 86
 Kalmyk, 7, 43, 46, 109
 KAMAZ, 88
 Kaplan, 33
 Karakorum, 12
 Karamzin, 100
 Karl Adolf v. Rexin, 30
 Karl Schirdewan, 86
 Karlsruhe, 71
 Kasakoff, Kasakov, 67
 Käthe Kollwitz, 60

Kazan, 6, 38, 71, 88, 94, 140, 229
 Kazem Beg, 57
 Keller, 77, 197
 Kerstin Jobst, 112
 Khan, 16, 25, 31, 32, 34, 82, 131, 192
 Khan of tartaric Ordu, 16
 Khanate, 17, 29, 31, 33, 36, 76, 128, 135
 Khans, 15, 28, 80, 166
 Kharissov, 71, 229
 Kiesewetter, 54, 81, 83, 84, 146, 193
 Kiev, 17, 74
 King, 17, 24, 32, 35, 36, 80, 138
 Kirgiz, 43, 55
 Klaus Poche, 87, 90, 95, 176, 194
 Kleinbeucha, 50, 52, 53, 192, 193
 Klett, 78
 Knorr Bremse, 86, 88
 Kochubey, 100
 Kohlenkutte, 89, 91, 172
 Komtur of Mewe, 17
 Königsberg, 16, 17, 29, 31, 41, 129
 Konopacki, 6
 Konstantin Simonov, 94
 Kosak, 43
 Kriegezeit, 60, 152, 153
 Krym Chazy, 33, 136
 Kübjaljagem, 72
 Kuman, 76
 Kumys, 45
 Künstlerflugblätter, 60, 153
 Kupperstichkabinett, 84, 168
 Küppers, 83
 Kurfürst, 24, 29, 31, 131, 133
 Kurtuluş, 74, 163
 Kutui, 93, 174
 Kutuzov, 100

L

Lajos Fekete, 25, 29
 Lancer Radolenski, 108
 Landesarchiv, 14, 46
 Landsleute, 78
 Landsmannschaft der Krimtataren in
 Deutschland
 Association of Crimean Tatar
 compatriots in Germany, 72, 162

Landwehr, Landwehrlaute,
 Landwehrlühe, 46
 Latin, 15, 29, 32, 40, 192
 Lawrence of Arabia, 59
 Legnica, 5
 Leib-Squadron, 108
 Leipzig, 10, 20, 24, 30, 38, 40, 46, 47, 50,
 52, 59, 70, 71, 72, 83, 89, 93, 95,
 98, 140, 145, 152, 155, 157, 174,
 176, 192, 193, 198
 Leipzig University, 38
 Lenin, 71, 91, 92, 94
 Leo Tolstoy, 105
 Leonardo da Vinci, 55
 Leopold, 35, 36, 38
 Leopold v. Schrötter, 35
 Leopold von Ranke, 38
 Lermontov, 100
 Leschnitzer, 89, 94, 171, 176
 lieux de memoires, 112
 Lipka Tatars, 28, 35, 49, 50
 Literaturnaya Gazeta, 94
 Lithuania, 16, 17, 18, 20, 23, 27, 28, 31,
 35, 37, 50, 66, 80, 128, 129, 135,
 192
 Livlanders, 17
 Livonian Chronicle of Henry, 15
 Livonian Ordermaster, 20
 Livonians, 17
 London, 60, 66, 158
 Louvre, 56
 Low German, 46
 Ludwig von Landsee, 20
 Ludwigsburg, 14

M

Macewicz, 16, 24
 Magdeburg, 5, 6, 15, 28, 29, 43, 46, 58,
 73, 108, 119, 162, 229
 Magister generalis, 23, 28
 Mahmet, 16
 Mahomet, 37
 mameluke, 49
 Mamleev, 98, 99
 Mamleew-Coenegrachts, 100
 Mammad Amin Rasulzadeh, 74
 Mamutyak, 16

Marco Polo, 38
 Margarete Ersen-Rasch, 71
 Mari, 98
 Marianna, 37
 Marienburg, 13, 16, 17, 128
 Mark Brandenburg, 31, 230
 Marmara University, 230
 Martin Hartmann, 59, 152
 Martyr-mosque, 56
 Masuria, 113
 Mauritius, 5
 Max Beckmann, 60
 Max Liebermann, 60
 Max Rudolf Kaufmann, 59
 Mazury, 37
 Mecklenburg, 88
 Medina Mamléew, Medina Coenegrachts,
 99, 100
 Mefkürenin, 74, 163
 Mehmed IV Girāy, 31
 Mehmet V, 79
 Meiningen, 12
 Meydan Gazi Mirza, 32
 MHM, *C.M.* Military History Museum
 Middle Ages, 13
 Middle East, 59
 Middle Europe, 11, 28, 38
 Militärhistorisches Museum der
 Bundeswehr,
 MHM, 168
 Military Archives, 110
 Military History, 24, 71, 83, 84, 112, 168,
 229
 Military History Museum, MHM, 168
 Milli Yol. *C.M.* Yaña Milly Yul
 Ministry for Foreign Affairs, 9, 10, 57
 Ministry of State Security and West
 German, 89
 Mirza Kazem Beg, 57
 Moabit Notebooks, 94
 Mohammedans, 45
 Mohomet Aga, 31
 Mongolian, 7, 28
 Mongols, 11, 13, 15
 Mordvin, 98
 Moscow, 41, 91, 92, 99, 102, 179
 Motagar Asfonderov, 65, 193
 Muhammad, 50, 76
 Muhammad I, 76

Müller, 51, 80, 89, 94, 104, 105, 166,
 176, 183, 192
 Munich, 72, 88, 89, 92, 102
 Murat, 76
 Murfatlar, 76
 Musa Dzhaliil. *C.M.* Dzhaliil
 Musa Dzhaliil Brigade, 86
 Musa-Dshalil-Internet-Archive, Internet-
 Archiv zu Musa Dshalil, 86
 Museum, 54, 64, 65, 81, 83, 84, 108, 184,
 193, 202, 203, 222, 223, 225, 230
 Museum Cross Country, 108
 Museum of Anthropology, 82
 Museum of European Cultures, 54, 81,
 83, 167
 museum pedagogy, 108
 Music Major EMI, 72, 161
 Muslim, 5, 13, 15, 20, 28, 35, 37, 41, 43,
 49, 50, 55, 56, 57, 58, 66, 72, 73,
 80, 108, 112, 113, 114, 158, 193,
 200, 203, 222, 223, 230
 Muslim-Christian, 28
 Mustafa, Mustapha, 33, 37, 50, 53, 136,
 193
 Müstecip Ülküsal, 80

N

Nabereshnye Tschelny, 88
 Nachrichtenstelle, 59, 60
 Nadshmi, Kawi, 93, 174
 Nahum Goldmann, 59
 Napoleon, 43, 48, 52, 54, 109, 185, 192
 Napoleon wars, 50, 55
 Napoleonic, 43, 45, 50, 51
 Nasur Yurushbaev, 71
 National Archiv, 10
 National Art Museum, 83
 National Library, 46, 71, 198
 National Socialism, 85, 197, 199
 National-Extracte, 36
 Nauen, 58
 Nazi, 60, 73, 85, 94
 Nebenzahl, 94, 95, 176, 177
 Netherlands, 17, 99, 128, 179
 Neue Weingärten, 76
 Neues Deutschland, 94, 96, 176, 177
 Neues-Deutschland-Archive, 96

Neuruppin, 109, 110
News Agency for the Orient, 59
Newspaper of the East Turkic Armed Forces, 73
Niederdeutsch, 46
Niemicz, 32
Nietzsche, 112
Nogay, 76
nomads, 28
Norbert Link-Hessing, 72
Nordic Wars, 24
North Africa, 55
Norwegian, 99, 179
Nur Muhammed Hisameddin, 156

O

October Revolution, 66
Ofen, 108
Olvenstedt, 43
Operation Barbarossa, 109
Oppenheim, 59
Order of St. John, 13
Orient, 20, 55, 59, 60, 148, 152
Ortachioi, 76
Orthodox, 59, 71
Osterhammel, 112
Ostlegionen, 67, 109, 110, 159, 186
Otto I, 5
Otto Müller, 104
Ottoman, 29, 30, 58, 59, 76, 79, 83, 84, 108
Ottoman Empire, 58, 76, 108, 230

Ö

Özden, 7
Özenbaşı, 7

P

Pannonia, 11
Parchim, 58, 202, 203, 225
Patrick von zur Mühlen, 67, 159
Paul Cassirer, 60
Paul Pintzger, 41

Paul von Rusdorf
 Grand Master, 16, 17, 128
Paule Pöschel, 91, 173
Perm, 104
Persian, 25, 40, 41, 59, 194, 202, 225
Peter I, 30
Petrograd, 100
Petscheneks, 76
Philippi, 17, 129
Pietist, 40, 41
Plattdeutsch, 46
Podolia, 17
Podolians, 17
Poland, 6, 9, 15, 17, 28, 31, 35, 41, 50, 54, 56, 66, 80, 83, 84, 85, 128, 135, 158, 230
Poles, 45, 66
Polish, 6, 15, 16, 17, 20, 24, 25, 29, 31, 35, 36, 38, 50, 80, 83, 110, 129
Polish army, 112
Polish-Lithuanian, 15, 16, 35, 38, 50
Political Archive, 9, 57
Political Archives of the Federal Foreign Office, 60, 195
Polydor, 70, 72, 161, 193
Pomerania, 30
pontifex, 13
Potsdam, 24, 29, 40, 41, 42, 58, 85, 86, 169, 170, 192, 229
POW, 56, 60, 65, 71, 80, 97, 104, 109, 111, 193, 194, 200
prisoner, 55, 56, 57, 60, 62, 67, 71, 88, 91, 97, 109, 110, 193, 194, 202, 203, 223, 230
Prisoners of War, 109, *См.* POW
private archive, 98, 100, 110
Prometheus, 74
Prophet, 50
protestant, 40, 57
Protestantism, 41
Prussia, 9, 10, 13, 15, 16, 17, 24, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 43, 54, 57, 58, 80, 85, 89, 108, 109, 129, 131, 133, 166, 228
Prussian, 112, 114
Puchheim, 58

Q

Qırımli, 72, 162
Quran, 40

R

Rachmaninov, 100
Radom, 87, 90, 95, 194
Rajgród, 37
Red Army, 83, 91, 98, 105
Red Cross-Commission, 57
Red-Cross-mission, 57
Reich Labor Service, 110
Reichsarbeitsdienst, 110
Reichstalern, 32
repression, 112
Resulzade, 74
Revolt of Radom, 93, 94
Rijksmuseum in Amsterdam, 56
Robert Lach, 155
Rodschinka, 91, 172
Roman-German Imperia, 29
Romania, 76, 77, 78
Rosalia, 36
Rubruk, 12
Rudolf Trache, 84
Ruhrgebiet, 54
Rundbrief of the Dobrudja Germans, 78,
165
Rusdorf, 16, 17, 128
Russia, 23, 30, 40, 41, 43, 50, 51, 54, 56,
57, 66, 72, 76, 81, 98, 99, 104, 105,
113, 158
Russian Empire, 76
Russian-Mohammedan Students, 55
Rustem Raza, 49
Rüstkammer, 84, 168

S

Saadet Saitow, 72
Saarlouis, 58
Sadri Maksudi, 66
Šah Gazi Ağa, 33
Saint Catharina, 5

Saint Mauritius, 5
Salzburg, 11, 104, 105, 183
Salzwedel, 45, 46, 144
Samizdat, 93
Sandor Papp, 30
Sanduny Mehmet ‘Alī Mirzā, 31
Saracens, 15
Sarah Kirsch, 89
Sarighiol, 76
Sargöl, 76
Sarmatian, 11
Saxon, 24, 35, 50, 80, 83, 84, 112
Saxony, 29, 35, 43, 80, 83, 89
Saxony-Anhalt, 40, 44, 46, 192, 194, 226
Schabinger von Schowingen, 59
Schahid Veliöff,
 Sehid Veliöff, 154
Schrader, 58, 59
Schreyer, 85, 169
Schrötter, 35
Schünemann, 155, 156
Schwabstadt, 58
Schwarz
 J. C., 31, 33, 66, 67, 93, 94, 95, 96,
 110, 135, 136, 158, 159, 176, 194
Second World War, 66, 67, 72, 100, 196,
200
Secret State Archiv (GStPK)
 Prussian Secret Archive, 12, 18, 28, 33,
 36, 38, 241
Seljuk, 76
Senegal, 57
Siberia, 60, 100, 102, 104
Siebenbürgen, 76
Sigismund
 Grand Duke, 16, 17, 18, 20, 27, 31,
 192
Sikhs, 114
Silesia, 30
Sir-Ali, 76
Skythians, 11
Slavic, 15, 19, 127
Smolensk, 16
Society for Military History, 230
Sofular, 76
Sokółka, 35
Solomon Negri, 40
South East Europe, 83
Southern Germany, 72

Soviet, 72, 81, 85, 88, 91, 92, 93, 94, 95,
 98, 99, 102, 104, 109, 110, 176
 Soviet Union, 72, 81, 92, 94, 98, 99, 109
 Squadrons, 35
 St. Petersburg, 41
 Staatsbibliothek, 96, 157, 200, 201
 Stalin, 91, 94, 112
 stalinism, 89, 91, 96
 stalinist, 82, 85, 94, 95
 Stanislaus, 91
 Stasi, 89, 93
 State Archives Administration, 86
 State Library, 63, 69, 74, 80, 96, 162,
 166, 193, 200, 201
 Stephan Schultz, 41
 Stockholm, 25
 Stralsund, 29, 32
 Strittmatter, 91, 92, 94, 172, 173
 Stroganov, 100
 Sultan, 30, 50, 76, 84
 Suvorov, 51, 100
 Sven Ekdahl, 30
 Sweden, 30, 35
 Swedish, 30, 31, 45
 Swiss, 59
 Switrigal
 Grand Duke of Lithuania, Swidrigal
 Duke, Švitrigaila, 17
 Switzerland, 102, 105, 106, 107, 194

T

Tallinn, 99, 179
 TASSR, 93, 98
 Tatar Ädäbiaty, 73
 Tatar alphabet, 38, 39
 Tatar armies, 112
 Tatar chalyk ğyrlary, 162
 Tatar grave, 50, 52
 Tatar Köreş Berlege Komitete, 73, 162
 Tatar Leib-Squadron, 108
 Tatar Pulk, 35, 36
 Tatar soldiers, 35, 46, 56, 58, 72, 80, 112
 Tatar storm, 5
 Tatar Tower, 5
 Tataralar Deutschland, 98
 Tatarischen Kampfbundes, 73
 Tatarlar Deutschland, 178
 Tatermann, 13, 125
 Tatersoldaten, 46
 Tatischew, 100
 Techirghiol, 76
 Temur Kirim Gazi, 33
 Teutonic, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 23, 27,
 28, 46, 127, 128, 192, 228
 Teutonic Knights, 13, 15, 16, 28, 128
 Teutonic Order, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 23,
 27, 127, 128, 192
 Theilig, 6, 30, 35, 52, 108, 109, 184, 185
 Themer Chazy Beg, 33
 Theodor Herzl, 58
 Theodor Mundt, 24
 Theodor von Götz, 84
 theologian, 40, 41
 theology, 40
 Third Reich, 78
 Thurgau Canton, 105
 Thuringia, 12, 43
 Tietmeyer, 54, 82, 83, 84, 146, 167, 168
 Timur, 33, 86, 93, 174
 Timur Gazi bey, 33
 Timur Lenk, 112
 Tobolsk, 41
 Tokhtamysh Khan, 15, 28, 46
 Torsten Ahl, 70, 71, 193
 Towarzysz, 37, 139
 Traben-Trarbach, 58
 Trevisian, 38
 Troki, Trakay, 35
 Tsar Chaka, 76
 Tschadaew, 100
 Tshaghatay, 40
 Tshulpan Salilova, 88
 Tshulpan Usmanova, 99, 179
 Turkic Chamber, 83
 Turgenew, 100
 Turk, 28, 50, 74, 108
 Türk birligi, 162
 Turkey, 9, 59, 72, 74, 152
 Turkic, 12, 28, 61, 64, 66, 72, 73, 74, 75,
 76, 83, 200
 Turkish, 7, 9, 24, 25, 40, 41, 59, 74, 77,
 108, 130, 230
 Turkmen, 76
 Turkology, 56, 71, 229
 Turks, 28, 76, 77, 78, 79, 108
 Tütschew, 100

U

Udmurt, 43, 98
Ukraine, 72, 112, 113
Ukrainians, 109, 203
Ulan, 35, 37, 50, 84
Ulanov, 16
Ulm, 58, 72, 100
Universität Szeged, 30
University of Halle, 40
Ural, 11, 54, 71, 72, 73, 74, 104, 146, 162
Usmanov, 98, 99, 194
USSR, 83, 91, 92, 94, 95, 102, 176

V

Valakhians, 17
Valiullina, 99, 179
Vallakhians, 17
Vámbéry, 58
Venera Vagizova, 98, 99, 179
Venetian, 38
Vienna, 15, 31, 60, 105, 127, 229
Vilnius, 16, 24
Virtual Prussian Confidential Document
Collection, 13
Vlasov, 95
Vlasov army, 95
Volga-Bolgars, 114
Volga-Tatar, 10, 63, 71, 72, 73, 80, 81,
102, 109
Volga-Tatar legion, 93
Volga-Ural, 15, 38
Volhynia, 76
Völkerverständigung, 79
Volksbund Deutsche
Kriegsgräberfürsorge, 58, 194, 195
Voltaire, 28

W

Waldemar Uhde, 46, 47, 192
Wallachians, 17
Warsaw, 30, 31, 36, 51, 74
Wehrmacht, 10, 67, 72, 93, 95, 102, 109
Weimar, 59, 89, 94, 176, 195, 197, 200

Weimar Republic, 59, 195, 197, 200
Wesel, 57, 202
West Germany, 40, 85, 89, 95
Westdickenberg, 91, 172
Westerhüsen, 43
Western Europe, 28, 30, 81, 114
Western Galicia, 36
Western German, 85, 86
Wilhelm Albert Doegen, 156
Wilhelm Rubruk, 12
Wilhelm Trübner, 60
Wilhelm Wassmuss, 59
Willy Jaeckel, 60
Winterthur, 105
Wolfgang Amadeus Mozart, 55
Wolfsburg, 29
Wolga-Ural-Legion, 72
Wolmirstedt, 58
Wonderdoer, 91, 92, 172
Workstation, 13
World Jewish Congress, 59
World War,
WW, 29, 55, 56, 58, 59, 60, 65, 66, 71,
72, 74, 95, 100, 153, 158, 176, 193,
194, 195, 196, 198, 200, 202, 222
World War II,
WW II, 60, 66, 71, 83, 92, 109, 158
Writers' Union, 91
Written Heritage, 5
Wünsdorf, 55, 56, 57, 60, 148, 194, 202,
225
Wustrau, 6, 88, 97, 108, 109, 110, 111,
187, 194, 230
WW I, 56, 80

X

Xenophobe images, 112

Y

Yakuts, 43
Yaña Milly Yul, 66
Yar Çallı, 88
Yazma Miras, 5, 10, 30, 71, 98, 114, 229
Yearbook of Dobrudja Germans, 78
Yekaterinburg, 104

Yeni Kafkasya, 74, 163
Yurtsever, 79
Yurushbaev, 71
Yusuf, 50, 53, 193
Yusuf Akçora, 74, 163
Yusuf, son of Mustafa, 50
Yusupov, 100

Z

ZEFYS, 177
Zeithain, 35
Zeitung des Osttürkischen
 Waffenverbandes, 73, 162
Zeki Velidi Togan, 66
Zionism, 59
Zionist, 58, 93
Zossen, 55, 57, 148

Указатель

А

Абдул Хамид, 152
Абдулкадир Инан, 158
Абдулхаким Акташ, 165
Абдурахман, 155
Абдурашид Ибрагимов, 152
Абдуррахман Шафи, 159
Август II, 166
Август Гауль, 153
Август Сильный, 136
Австрия, 127, 134, 138, 160, 182
Австро-Венгрия, 153
Адель Кутуй, 174
Азия, 184
Айдар, 128
Ай-Петри, 173
Академия наук Австрии, 160
Акмесджит, 166
Александр, 129, 138
Александр Гаркавец, 140
Александр Мирза Казем-Бек, 150
Али, 184
Алма-Аты, 140
Альтмарк, 143
Альфред Голд, 152
Альфред Розенберг, 186
Аля Рахманова, 178, 181, 182
Амина Казакова, 159
Амстердам, 149
Анатолия, 164
Англия, 134
Андрей Амальрик, 181
Анна, 138
Анхальт, 145
Арнульф фон Гойер, 182, 183
Асия, 138
Аслан ага, 136
Аугсбург, 162
Африка, 148, 168
Ахмадийя мечеть, 158
Ахматова, 180

Б

Бавария, 161, 162, 180
Баку, 152
Балтийское море, 135
Балтия, 125, 127
Барановский, 185
Барфус, 184
Бахчисарай, 166, 167
Баширов, 174, 179
Баязид I, 164
Белосток, 137
Бенсхайм, 151
Берлин, 120, 122, 127, 130, 131, 133,
134, 135, 136, 145, 146, 148, 149,
151, 152, 153, 158, 159, 162, 163,
166, 168, 170, 172, 178, 184, 189,
190
Берлин-Далем, 127
Берлинская Государственная
библиотека, 177
Берлинский университет им.
Гумбольдта, 153, 156, 157
Берлинский этнологический музей, 153
Болгар, 164
Борде, 144
Боскамп, 134
Брайнер-штрассе, 158
Бранденбург, 124, 130, 132, 135, 184,
185
Бранденбург-Пруссия, 134, 135, 136,
137, 143, 184
Бранденбургско-Прусское
государство, 133
Британская библиотека, 149
Бруно Басси, 131
Будапешт, 184
Бунин, 180
«Бюргерштубен», 139

В

Валиуллина, 179
Вальдемар Уде, 144

Вамбери, 152
Варшава, 134, 135
Ватикан, 125
Везель-Воерде, 150
Веймар, 172
Великобритания, 146
Великое княжество Литовское, 137
Вена, 135, 153, 182
Венгерская академия наук, 154
Венгрия, 168
Венера Вагизова, 178
Венская академия наук, 155
Вермахт, 161, 180
Вестерхузен, 143
Вилли Якель, 153
Вильгельм Дёген, 156
Вильгельм Кизеветтер, 146, 166, 167,
168, 190
Вильгельм Рубрук, 123, 124
Вильнюс, 128
Винтертур, 183
Власов, 176
Волга, 122, 140
Волго-Уральский регион, 127, 140
Вольмирштедт, 152
Вольтер, 132
Вольфганг Амадей Моцарт, 148
Вольфсбург, 133
Восток, 119, 123, 124, 127, 132, 134,
148, 152, 158, 190
Восточная Пруссия, 125, 128, 132, 134,
137, 139, 172
Вторая мировая война, 117, 133, 158,
159, 160, 161, 167, 174, 185
Вуэстрау, 120, 184, 185, 187
Вюнсдорф, 149, 152, 156

Г

Габор Карман, 134
Гавелберг, 150
Галина Джурагина, 182
Галле, 122, 152
Гамбург, 125
Ганс Сэринг, 133
Гарделеген, 151
Гарц, 133
Гаяз Исхаки, 158, 159, 163

ГДР, 117, 168, 169, 170, 171, 172, 173,
174, 175, 176, 177
Генриетта, 138
Генрих Латвийский, 127
Георг Вильгельм Бранденбургский,
135
Георг Шюнеман, 155, 156
Герберт Янски, 155
Герман Шрайер, 169
Германия, 117, 119, 121, 122, 127, 132,
134, 144, 145, 148, 149, 150, 151,
152, 153, 158, 159, 160, 161, 162,
166, 168, 171, 172, 174, 175, 178,
179, 180, 190, 231
Германская Демократическая
Республика, 134, 169, 176
Германская империя, 152
Герхард Хопп, 148
Геттинген, 145
Гирей, 134
Гиршфельд, 143
Гнев, 129
Гоголь, 180
Годунов, 180
Государственная библиотека Берлина,
166
Государственная саксонская
оружейная палата, 168
Государственные художественные
собрания Дрездена, 168
Готтлиба, 138
Готтхольд Вайль, 156, 157
Гравюрный кабинет, 168
Гузель Амальрик, 178, 179, 180, 181
ГУЛАГ, 161, 171, 172, 176
Гумбольдт, 153, 156, 157
Гурзуф, 166
Густав Адольф Кюпперс, 167

Д

Даниил, 125
Дания, 133, 135
Джалаледдин, 132
Джалиловцы, 161
Джафер Сейдамет, 163
Джон, 138
Джулиан, 123

Добруджа, 158, 159, 161, 163, 164, 165,
167
Дон, 140
Дрезден, 151, 178

Е

Европа, 117, 119, 120, 122, 123, 126,
132, 140, 148, 149, 151, 167
Европейский союз, 149
Ежегодник Добруджских немцев, 165
Екатеринбург, 182

Ж

Жозефа, 139

З

Заки Валиди Тоган, 158
Зальцбург, 181, 182, 183
Зальцведель, 144
Запад, 119, 127, 134
Звуковой архив Берлинского
университета им. Гумбольдта,
156, 157
Золотая Орда, 128, 164

И

Ибрагим ибн Якуб, 119
Иван IV, 180
Игнац Кунош, 154, 155
Игнац фон Мейцевиц, 128
Иероним Мегизер, 140
Ильдар Харисов, 153, 160
Ильяс Абдулла, 180
Индия, 148
Институт языкознания имени Ахмета
Байтурсынова, 140
Иоанн II Казимир, 135
Иоахим Гофман, 186, 187
Иоахим Хайм Шварц, 175, 176, 177
Иоахим Хоффман, 159
Иоганн Генрих фон Гюнтер, 138
Исаак Ньютон, 148

Искандер Гилязов, 156, 159
Исмаил Мамлеев, 179
Исмет Заатов, 168

К

Кавказ, 166, 167, 182
Казаковы, 159
Казань, 67, 120, 154, 170, 175, 231
Казахстан, 140
Калининград, 133
КАМАЗ, 170
Каплан, 136
Каракорум, 124
Карамзин, 180
Карл Адольф Рексин, 134
Карл Вахе, 167
Карл Ширдеван, 169
Карлсруэ, 160
Каролина, 138
Касли, 182
Кассел-Нидерцверен, 155
Келлер, 164
Кемниц, 155
Кенигсберг, 128, 133, 135
Киль, 145
Кляйнбойхе, 145
Кольвиц, 153
Константин Симонов, 175
Константинополь, 134, 140, 152, 168
Копенгаген, 135
Коран, 155
Королевская Прусская
фонографическая комиссия, 155
Корревон, 150
Кохем, 151
Кочубей, 179
Красная Армия, 167, 172
Красный Крест, 150
Крым, 121, 124, 135, 158, 161, 166, 167,
168, 182, 190
Крымское ханство, 133, 136, 138, 164
Кутузов, 179
Кырым Гази, 136

Л

Л.Радоленский, 185
Лайош Фекете, 133
Латвия, 127
Леберехт Флейшер, 130
Лейпциг, 122, 134, 141, 145, 160, 161,
168, 172, 178, 189, 190
Ленин, 172, 173, 174, 175
Леон Небензал, 176
Леонардо да Винчи, 148
Леопольд, 138
Леопольд фон Ранке, 140
Лермонтов, 180
Лигнице, 118
Ливония, 127
Литва, 129, 135, 137, 146
«Литературная газета», 175
Лодзь, 153
Лувр, 149
Людвиг фон Лансе, 129
Ляйсян Калимуллина, 162

М

Марат Гибатдинов, 4, 120, 160
мавры, 168, 184
Магдебург, 118, 119, 120, 127, 132, 133,
134, 143, 144, 145, 152, 184, 189,
190
Майнинген, 124
Макс Бекман, 153
Макс Либерман, 153
Малая Азия, 132, 164
Мамед Эмин Расулзаде, 162
Маргарет Эрсен-Раш, 160
Марианна, 138
Мариенбург, 125, 129
Марко Поло, 140
Мартин Хартманн, 152
Махмет, 128
Мамутек, 128
Мацей Муса Хасанович Конопацкий,
119
Меве, 129
Медина Мамлеева, 178, 179, 180

Международный Архив по социальной
истории немецкой литературы,
173
Мейдан Гази-Мирза, 135
Мекленбург, 171
Мерзебург, 155
Мехмед IV, 135
Мехмет В. Юртсевер, 165
Мисте Хотопп-Рике, 4, 120, 133, 135,
162
Михаил Иванович, 129
«Моабитские тетради», 175, 176
Мона Лиза, 148
Монголия, 123
Москва, 173, 181
Музей военной истории, 168
Музей Грасси, 168
Музей европейских культур, 166, 167
Мундт, 131
Муса Джалиль, 119, 161, 170, 171, 173,
174, 175, 176, 177, 179, 187
Мустафа, 138
мусульмане, 118, 120, 127, 132, 136,
143, 148, 150, 184, 190
Мухаммад I, 164
Мюнхен, 162, 170, 173, 180, 190
Мюстеджип Улкусал, 165

Н

Набережные Челны, 170
Насур Юрушбаев, 160
Науен, 151
Национальный архив Республики
Татарстан, 122
Немецкая цифровая библиотека, 157
Нидерланды, 150
Нимерич, 136
Ногай, 164
Нойруппин, 185
Норберт Линк-Хессинг, 162
Нурмухаммед Хисаметдин, 156

О

Октябрьская революция, 158
Омск, 182

Ордруф, 155
Османская империя, 152, 163, 164, 184
Отто Клетт, 165
Отто Мюллер, 182
Оттон I, 118
Офен, 184

П

Палестина, 175
Пархим, 151, 155
Патрик фон Цюр Мюлен, 159
Пауль Кассирер, 152
Пауль фон Русдорф, 128, 129, 189
Первая мировая война, 148, 149, 151,
152, 153, 155, 156, 160
Пермь, 182
Петр I, 134
Петроград, 180
Плано Карпини, 123
Поволжье, 67, 156, 158, 159
Политический архив Министерства
иностраннных дел ФРГ, 150
Польско-саксонская монархия, 168
Польша, 119, 121, 127, 129, 135, 137,
142, 146, 147, 168
Померания, 134
Потсдам, 133, 151
Прасковья-Казем Бег, 150
Прибалтика, 158
Прометей, 163
Прон, 135
Пруссия, 125, 127, 133, 134, 136, 138,
146, 152, 184
Пуххайм, 151, 155, 156

Р

Райгрод, 139
Рахманинов, 180
«Рейксмюсеум», 149
Речь Посполитая, 132
Римская империя, 118
Римский король, 129
Роберт Лах, 155
Розалия, 139
Романо-германская империя, 133

Росс, 143
Российская империя, 163
Россия, 134, 137, 147, 158, 162, 164,
166, 178, 179, 180, 182
Росток, 145
Рудольф Трахе, 168
Румыния, 163, 164, 190
Рур, 147

С

Саарлуис, 151
Садр Максуди, 158
Саксония, 133, 136, 137, 141, 143, 145,
146, 168, 172, 189
Саксонские этнографические
государственные коллекции
(SES), 168
Саринг, 131
Сарновки Юрген, 125
Свен Экдахл, 134
Свидригайло, 129
Святая Катарина, 118
Святой Иоанн, 125
Святой Маврикий, 118
Священная Римская империя
германской нации, 118, 126
Себастьян Цвиклински, 159, 187
Север, 119
Секретный прусский государственный
архив, Тайный государственный
архив прусского культурного
наследия, 122, 126, 128-136, 151,
167, 171
Сели Осман, 161
Сельджуки, 164
Сецессион, 153
Сибирь, 180, 181, 182
Сигизмунд, 129, 189
Силезия, 124, 134
Скандинавия, 166
Совет Базеля, 129
«Советская литература», 176
Советский Союз, СССР, 167, 168, 172,
173, 174, 175, 178, 179, 181
Соколки, 137
Сталин, 172, 175
Стамбул, 152

Стокгольм, 131
Строгановы, 180
Суворов, 179
Султан Улан, 146
США, 181
Сэндуни Мехмет ‘Али Мирза, 135

Т

ТАССР, 174, 178
Татар эдэбияты, 162
Татарика, 121, 170
Татарстан, 121, 122, 154, 161
Татищев, 180
Тевтонский орден, 125, 126, 127, 128,
132, 189
Тевтонцы, 125
Теодор фон Гетц, 168
Тимур (Тимер) Гази-Бей, 136
Титмайер, 146
Тобольск, 156
Токтамыш, Тохтамыш, 117, 127
132
Торстен Ал, 161
Торун, 133
Трабен-Трарбах, 151
Трансильвания, 163
Тревизан, 140
Троки, 137
Трюбнер, 153
Тургау, 183
Тургенев, 180
Турецкая палата, 168
Турция, 121, 162
Тюрингия, 124, 143
Тютчев, 180

У

Украина, 162
Ульм, 151, 162, 180
Университет Сегеда, 134
Урал, 123, 181
Усейн Боданинский, 167

Ф

Фазыл Эдилерский, 155
Февральская революция, 167
Федеративная Республика Германия,
ФРГ, 121, 122, 150, 152, 164, 169,
170, 171, 175
Фёдор Несвицкий, 129
Федько, 129
Фейзи Юргер, 178
Финдайзен, 167, 190
Финляндия, 121
фонограммархив, 153, 154, 155, 156,
157, 190
Фрайбург, 187
Франкфурт, 178
Франкфурт-на-Одере, 155
Франц Генте, 131
Франц Фюман, 171, 175
Франция, 146, 181
Фридрих, 134, 138, 189
Фридрих II, 134
Фридрих Вильгельм, 133, 136
Фридрих Вильгельм Бранденбургский,
133
Фридрих Вильям II, 137
Фридрих Леопольд фон Шрёттер, 137
Фридрих Макс Мюллер, 152
Фридрих Мейнеке, 144
Фридрих Шрадер, 151, 152
Фридрихсфельд, 150, 151
Фуад Туктаров, 158

Х

Ханифа, 184, 185
Ханский дворец, 167
Хасан Усманов, 178
Хафельберг, 149, 151
Хеб, *лагерь*, 154
Хельсинки, 152
Хенрик де Люттис, 127
Хёрн, 145
Христиан, 138

Ц

Цайтхайн, 136
Центральная Азия, 127
Цоссен, 156
Цоссен-Вюнсдорф, 150

Ч

Чаадаев, 180
Чаке, 164
Чарльз Дарвин, 148
Чехия, 154
Чингизхан, 127
Чулпан Залилова, 170

Ш

Шандор Папп, 134
Шах Гази Ага, 136
Шахид Валеев, 154
Швабштадт, 151
Швейцария, 181, 182, 183
Швеция, 134, 135, 137
Шрайер, 169
Штази, 174, 175
Штеттин, 136
Штефан Тайлиг, 4, 120, 137
Штральзунд, 133, 135
Штриттматтер, 173, 174, 175

Щ

Щецин, 133

Э

Эгер, *лагерь*, 154
Эдисон, 154
Элизабет, 138
Элизабет Титмаер, 167
Эрнст Барлах, 153
Эстония, 127
Эттенхаузен, 183

Ю

Юг, 119
Юсупов, 180
Юсуф, 145, 146
Юсуф Акчура, 162
Юсуф, сын Мустафы, 145, 146

Я

Ян Вермеер, 148
Януш, 138
Януш Барановский, 137
Яна Милли юл, 159

APPENDIX

Unpublished examples, taken from Archive of Prignitz-Museum Havelberg

Figure 41. Prisoners of I World War in Havelberg, amongst them Muslims, Jews and so called Zuaves of Russian and French Army, Photography made October 1914 near Camp I Havelberg, Mühlendeich (Dyke of Elbe-Havel-Areal), © Reprinted with a kind permission of the management of the Prignitz-Museum.

Figure 42. The kitchen of the prisoner of war camp Havelberg. Here they cooked halal and kosher, also for Muslim women and children in the camp. © Reprinted with a kind permission of the management of the Prignitz-Museum.

Unpublished example, taken from Voerde municipal archive

Mohammedanische Kriegsgefangene							
Nr.	Vorname u. Nachname	Truppen- teil	Geburts- ort	Geburts- datum	Todesur- sache	Todestag	Grab Nr.
1	Hamidow Mitachdin	94. J. R.	Taimitkin Gv. Ufa	25. J.	Berührung der schr. Leis- tung	1. 7. 16	1.
2	Chashtinow Sajba	3. Sib. Sch. Regt.	Imis Gv. Tobolsk	13. 11. 81	Sirrhaut- entzündung Taberaklose	3. 6. 17	2.
3	Schdanow Gerasimdin	22. Sib. Sch. Regt.	unbekannt	25. 2. 91	Hernienleiden- Fehler bei Herzbeutel- entzündung	11. 10. 17	3.
4	Taimisow Achmed-Enitan	1. Sib. Sch. Regt.	Talbeay Gv. Ufa	12. 5. 92	Lungen- erkältung	19. 12. 17	4.
5	Patkin Mitachtin	33. Sib. Sch. Regt.	Bavanchewo Gv. Pers	29. 6. 93	.	14. 2. 18	5.
6	Muchamedijew Muchamed-All	37. J. R.	Turktschum Ufa	9. 8. 83	.	6. 3. 18	6.
7	Sebarsjan Abduschan	96. J. R.	Kimilony Gv. Kasan	18. 2. 84	.	22. 7. 18	7.
8	Chayrulin Magutin	29. J. R.	Buchanowo Samars	15. 7. 78	.	26. 7. 18	8.
9	Glasutlin Patlia	1. J. R.	Orinam Gv. Kasan	1890	.	6. 11. 18	9.

Figure 43. Index of deceased prisoners of war.

© Reprinted with a kind permission of the management of the Voerde Municipal Archive

Unpublished example, taken from Archive of ICATAT

Figure 44. Arrival of Persian Ambassador at Wünsdorf camp on the occasion of Bayram- (Newspaper „Die Woche“, Nr. 32, 5.8.1916, p. 1117).

Unpublished examples, taken from Archive of Museum der Stadt Parchim

Figure 45. The four grave slabs made of sandstone in the year 1929.
© Reprinted with a kind permission of the management of the Parchim-Museum.

Januarius 1711. 1711. Prof. In. Hall.
 Plato Musin-Pushkin
 Apollon Musin-Pushkin
 Johann Caspar Knödel Lips.
 d. 24. Johann Arnold Gabelhausen bestedt.
 Arnold Mullin Knödel Gießhütte
 Henricus Arnold ab Hovela Guapph.
 d. 27. Christophorus Telespius, Belgic: Cap.
 Februarius
 5. Adam Leopold Posadowky, f. de Posadow.
 d. 6. 0 Otto Ferdinand Wolff, Assen. debia. Hildburgh.
 d. 11. Fredericus Christianus Callberg, Homburg. Hildburgh.
 Johann Zacharias Hartmann, G.
 d. 14. Christianus Fredericus Caroly, Thuringus.
 d. 16. 0 Christianus Gotthardus, Meisen. Pflanz.
 d. 18. 0 Antonius Fredericus, Silesius. Thuringus.
 d. 22. 0 Johannes Lindeus, Bertholdus. Thuringus.
 Marbus. Henricus Julius, Crona. Silesius. Thuringus.
 d. 5. Joachim Werner, Althaus. Silesius. Thuringus.
 d. 7. 0 Ernst Wendelinus, Silesius. Berol.
 d. 9. 0 Anthonius, Examin. Nebra Thuringus.
 d. 12. Daniel, Gumbert. Thuringus. Halle Magdeburg.
 d. 14. Johann Christoph, Silesius. Berol.
 Th. d. 16. 0 Schatius, Silesius. Gisinga. Halle Thuringus.
 Th. d. 17. Daniel, Regensburg. Pomerania.
 d. 23. Johann, Silesius. Halle.
 Johann, Gumbert. Halle Magd.
 Th. d. 26. 0 Johann, Halle Magd.
 Th. d. 26. 0 Johann, Halle Magd.
 Th. d. 26. 0 Johann, Halle Magd.

Figure 46. Original matriculation manuscript confirm, that Mr. Plato Ivanovitch Musin-Pushkin was accepted as a student by the University of Halle on January 21, 1711; studied till 1715. Taken from LUB-archive Halle/Saale (Landes- und Universitätsbibliothek / County and University Library Saxony-Anhalt).

Figure 47. Deutsche Morgenländische Gesellschaft: Certificate of appointment issued to Eduard Reuss in 1846, approved by members of this orientalist society: Emil Rödiger, August Friedrich Pott, Heinrich Leber, Fleischer and Hermann Brockhaus. Source: Collecti-
on Médiathèque protestante / DMG.

Abbreviations

DMG (Deutsche Morgenländische Gesellschaft) – German Oriental Society

GStPK (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz) – Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin

HA (Hauptabteilung) – main division, upper level signature at the GStPK morphology

MHM (Militärhistorisches Museum der Bundeswehr) – Bundeswehr Military History Museum, Dresden

OBA (Ordensbriefarchiv) – Archive of the letters of the Teutonic Order

OF (Ordensfoliant) – Teutonic Order Folio, upper level signature at the GStPK morphology

ZMO (Zentrum Moderner Orient) – Archive of the Centre for Modern Oriental Studies

Authors (in alphabetic order)

Gibatdinov Marat is Deputy Director for the International Cooperation in Sh. Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences. And also a Head of the Centre for History and Theory of the National Education. He graduated from Kazan State University in History (1998) and holds a Ph.D. (2003) in History of Education. He was an author of idea of international research project 'Tatar materials in Foreign Archives' and '*Yazma Miras-Textual Heritage*' book seria. Since 2014 he is responsible for implementation of abovementioned projects.

Hotopp-Riecke Mieste, is director of the Institute of Caucasia, Tatarica and Turkestan Studies Berlin-Magdeburg, which he founded together with Tatar and German colleagues in 2005. He finished his studies in Turkology, Sociology, Islamic Studies and Kurdology at the universities of Baku, Samsun, Vienna, Simferopol, Damascus as Magister Artium with best note. His dissertation than he finished summa cum laude at the Freie Universität Berlin (Dissertation: "Iconography of Fear, German Tartar Images in Transition: Barbarians, Allies, Migrants"). At IBIDEM, his last book "The Crimean Tatars between assimilation and self-assertion. The reconstruction of their education system after returning home from deportation" in 2016. Hotopp-Riecke is an educational consultant for intercultural and historical studies of the Association for the Cultural Education of Children and Youth (IkJ), where he conceived youth projects on subjects such as German-Islamic integration history, migration and Euro-Islam, especially with partner organizations from Eastern European countries. Together with Prof. Dr. Jobst and Prof. Dr. Augustynowicz, he initiated the platform "Academic Network for Crimean Tatar Studies". He is a member of the German Oriental Society, the German Middle East Association for Contemporary Research and Documentation (DAVO). He is the editor and author of more than 130 texts and books on the history of Tatar-German history, minority issues, migration and integration research as well as the history and culture of the Volga, Crimea and Dobrudja Tatars.

Kharissov Ildar is turkologist, composer, poet and music anthropologist, president of the Society for EASTERN European Advancement and works on the Advisory Board of the Institute for Caucasia-, Tatarica- and Turkestan Studies Magdeburg / Berlin. He is press officer of the International Society for support of Music, Theatre and Art (ISMTA, <http://www.ekw-org.de/ekw-e.v.html>) and editor of the magazines "Studia Turcologica" and "Culture Worlds".

Theilig Stephan, Born in Berlin (East), where he grew up, Theilig studied History, Spanish Philology and Informatics at the University of Potsdam. In 2013 he received a doctorate (PhD) from the Institute for Translation Studies at the Humboldt University Berlin where he wrote his thesis „Sociocultural relations, intercultural transformation and translation processes in history – Turks, Moors and Tatars as exotic (forced) migrants in Brandenburg-Prussia in the 18th century.”

During his studies, he worked as a historian, where as an author, a city guide and later as a scientific lecturer for the Research Office for Military History (MGFA) of the Bundeswehr in Potsdam. He also curated numerous exhibitions and worked in the Germ0an

Historical Museum in Berlin. Since 2014 he has been the Director of the Brandenburg-Prussian Museum in Wustrau, near Berlin.

Theilig works also as Vice Director of the Institute of Caucasia, Tatarica and Turkestan Studies. He is Board member of the Brandenburg Museum Association and of the Scientific Advisory Committee for the Prussian Museum in Minden, Secretary of the Society for Eastern European Advancement, Scientific adviser for the project “Turkish prisoners of war in the early modern period” of the Marmara University of Istanbul and regular member of the Society for Military History as well as of the Association for the History of the Mark Brandenburg.

He is editor and author of numerous works and papers concerning history of Brandenburg-Prussia and Poland, history of Muslims in Europe, whether in Al Andalus, the Ottoman Empire or the history of the Tatars in Central and Eastern Europe.

Документы по истории татар в архивохранилищах Германии

Книга 1

Tatar Materials in German Archives

Issue 1

Германия архивларында татар чыганаclarы

1 нче китап

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина*
Технический редактор – *Р.Р. Абызова*

Подписано в печать 14.12.2016. Формат 70×100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 14,5 Тираж 400 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5. Тел. 292–95–68, 292–18-09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

Марат Гибатдинов

заместитель директора по международному сотрудничеству и связям с общественностью Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, руководитель Центра истории и теории национального образования, окончил исторический факультет КГУ в 1998 г., защитил диссертацию по истории педагогики и образования в 2003 г. Разработчик и координатор исследовательского проекта «Документы по истории татар в архивохранилищах Германии» и книжной серии «Язма Мирас – Письменное Наследие».

Мисте Хотопш-Рике

основатель и директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских Исследований, получил образование как тюрколог, социолог, исламовед, курдолог, с отличием защитил диссертацию «Иконография страха, немецкие образы татар в развитии: варвары, союзники, мигранты» в Свободном Университете Берлина. Является автором более 190 публикаций по истории татаро-германских взаимоотношений, проблемам меньшинств, миграции и интеграции, по истории и культуре волжских, крымских и добруджских татар.

Ильдар Харисов

тюрколог, композитор, поэт и музыкальный антрополог, президент Общества содействия Восточной Европе, член Консультативного совета ИКАТАТ, сотрудник пресс-службы Международного общества по поддержке музыки, театра и искусства ЕКВ, главный редактор журналов «Studia Turcologica» и «Kulturwelten».

Штефан Тайлиг

изучал историю, испанскую филологию и информатику в Университете Потсдама, в 2013 г. защитил диссертацию в берлинском Университете им. Гумбольдта («Социокультурные связи, процессы межкультурной трансформации и трансляции в истории: турки, мавры и татары как принудительные мигранты в Бранденбург-Пруссии в 18 в.»). С 2014 г. является директором

Бранденбург-Прусского музея в Вустрау. Также является вице-директором ИКАТАТ, членом правления Музейной Ассоциации Бранденбурга.